

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

Кафедра «История, мировая и отечественная культура»

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1772–1917 гг.)

*Материалы Республиканской
научно-теоретической конференции*

Минск, 2 декабря 2013 г.

Минск
БНТУ
2013

УДК 94(476) «19/21»(06)
ББК 63.3(46 Бел)я43
Б43

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой «История, мировая и отечественная культура» БНТУ *В. А. Божанов* (научный редактор);
ст. преподаватель кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ *Т. В. Кедрик*;
канд. ист. наук, доцент кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ *Д. Н. Хромченко*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент кафедры «Политология, социология и социальное управление» БНТУ *Н. В. Зайцева*;
канд. фил. наук, доцент кафедры философии БГЭУ *А. А. Бородуля*

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы истории Беларуси периода капитализма. Освещаются вопросы экономического, культурного, общественного развития белорусских земель в условиях вхождения в Российское государство.

Адресуется научным работникам, преподавателям, студентам высших учебных заведений, всем, кто интересуется исторической наукой.

ISBN 978-985-550-366-9

© Белорусский национальный
технический университет, 2013

«НАША НІВА» – НЕПАХІСНЫ ЗМАГАР ЗА БЕЛАРУШЧЫНУ

Бажанаў У.А.г. Минск, БНТУ

У грамадскім жыцці кожнага народа ёсць выдатныя ўзоры, калі друкаванае выданне становілася сцягам барацьбы за светлыя, прагрэсіўныя мэты развіцця грамадства. «Современник» і «Колокол» у Расіі, «Федералист» у ЗША, «Друг народа» Марата ў Францыі абуджалі нацыянальную свядомасць народа, збіралі вакол сябе таленавітых і самаахвярных пісьменнікаў, публіцыстаў, палітыкаў, здольных ярка і таленавіта выказаць галоўныя ідэі грамадскага руху. У Беларусі ў гэтым шэрагу, безумоўна, знаходзіцца і першая масавая беларуская газета «Наша ніва», якая, по трапнаму вызначэнню вядомага беларускага гісторыка Міколы Ермаловіча, у гісторыі сусветнай прэсы з'яўляецца сваеасаблівым феноменам, таму што «мала знойдзецца газет, якія б усклалі на сябе паасобку цяжкія абавязкі арганізатара, настаўніка і правадыра выключна прыгнечанага народа» [3, с. 167]. Перагортваючы старонкі «Нашай нівы», бачыш панараму жыцця беларускага народа і ў вялікіх грамадска-палітычных здарэннях, і ў штодзённых клопатах беларусаў аб хлебе надзённым. Шматлікія карэспандэнцыі з усіх куткоў беларускай зямлі адлюстроўваюць характэрныя асаблівасці беларускага жыцця, яго супярэчнасці і вострыя праблемы. Толькі за першыя тры гады існавання «Нашай нівы» у ёй было надрукавана 900 карэспандэнцый з 489 вёсак, 260 вершаў 61 паэта і 96 апавяданняў 36 пісьменнікаў [2, с. 11]. Газета выстаяла ва ўмовах царскага тэрора пасля Першай рускай рэвалюцыі 1905–1907 гг., была папулярнай, запатрабаванай, таму што была цікавай для кожнага беларуса. З горыччу газета апавядала аб тых мярзотах, якімі было запоўнена бытавое жыццё народа, спрабавала навучаць, настаўляць, раіць. Безумоўна, газета не была рэвалюцыйна наступальнай, адкрыта выкрывальнай у адносінах да дзяржаўнай улады, не звала мужыка «к топору». Але пасля рэвалюцыі, калі шмат яе ўдзельнікаў упалі ў тугу, перажывалі перыяд разброду і хістанняў, згубілі свае ідэалы,

Даклад асноўнаеца на аналізе выпуску газеты «Наша ніва» за 1911 г., сабраным у выданні «Наша ніва». Першая беларуская газета з рысункамі. Вып. 4. 1911 г. Факсімільнае выданне. Вільня». Пры цытаванні з газеты захоўваюцца арыгінальны тэкст і арфаграфія.

«Наша ніва» знайшла вельмі патрэбны ў той час памяркоўны асветніцкі тон зносін з народам [1, с. 248], спакойна і спагадліва вяла з беларусамі размову аб важных жыццёвых акалічнасцях, зноў і зноў сцвярджаючы глыбокую веру ў здольнасць беларускага народа змяніць сваё жыццё да лепшага, стаць на ўзровень з іншымі нацыямі, і здарыцца гэта павінна на основе яднання народа як беларусаў. Вельмі трапна аб прынцыповай пазіцыі нашаніўцаў выказалася Т. Студзёнка: «Але з прычыны таго, што беларускі этнас знаходзіўся ў стане выключнай інэртнасці, бадай, адсутнасці культурнай і нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, размова першапачаткова павінна была ісці нават не аб *адраджэнні* як вызваленні ад уплыву з Захаду і Усходу, але аб элементарным абуджэнні: годнасці, гонару, духоўных і фізічных сіл...Менавіта неабходнасць абуджэння абумовіла адрасны пачатак «нашаніўства», прынцыповы зварот да нацыі, якая паступова пачынае ўсведамляць сябе» [7, с. 111]. Тым не менш, пры гэтым на сваіх старонках «Наша ніва» дэманстравала баявую прынцыповую пазіцыю ў адносінах да кансерватыўна-манархічных выданняў – праціўнікаў беларускага нацыянальнага адраджэння (часопіс «Крестьянин», газеты «Северо-западная жизнь», «Окраины России», «Россия», «Минское слово», «Віленскі веснік») у абароне сваіх поглядаў на пытанні разумення беларусаў як нацыі, ролі і месца беларускай мовы ў адукацыі, рэлігійных адносінах і іншых сферах грамадскага жыцця, перспектывы сацыяльна-культурнага равіцця Беларусі. І тут, трэба аддаць належнае, рэдакцыя праяўляла моцную ўпэўненасць, цвёрдасць, ні на ёту не адступаючы перад ціскам праўладных выданняў. За ўсе амаль 9 гадоў свайго існавання газета ні разу не пахіснулася, не здрадзіла сваёй вернасці беларускаму народу, яго еднасці і нацыянальнай годнасці. Таму лагічна, што характэрнай асаблівасцю беларускага нацыянальнага руху ў пачатку ХХ ст. з'яўлялася тое, што на працягу шэрагу гадоў ён развіваўся пад кіраўніцтвам, галоўным чынам, газеты «Наша ніва», пераемніцы ў гэтай ролі Беларускай сацыялістычнай грамады (леванародніцкай сялянскай партыі) [4, с. 435].

У гады паслярэвалюцыйнага спаду, калі многіх ахапіла пачуццё безвыхаднасці, ва ўмовах узмацніўшыхся паліцэйскіх рэпрэсій, вялікіх фінансавых і арганізацыйных цяжкасцяў, калі прыходзілася ратаваць газету і за ўласныя сродкі членаў рэдакцыі,

калі раз за разам улады канфіскоўвалі ўвесь тыраж асобных нумароў, штрафавалі рэдакцыю, а рэдактара і адначасова выдаўца Аляксандра Мікітавіча Уласава садзілі за краты за «імякненне да сепаратызму ў сэнсе захавання беларускай народнай самабытнасці і мовы», работа рэдакцыі, выпуск газеты былі, безумоўна, падзвігам плеяды яе кіраўнікоў, карэспандэнтаў, аўтараў. Гэта самаахвярная і слаўная старонка гісторыі развіцця беларускага нацыянальнага руху – выразны прыклад магутнага духу беларушчыны. І ці аб'ектыўна будзе абагульняць супярэчнасці, якія сустракаюцца ў газеце? «Наша ніва» вымушана была прыстасоўвацца да абставін, абмінаць вострыя вуглы, звяртацца да асцярожных выразаў. Газета праяўляла многа дыпламатычнага такту, асцярожнасці. Але, падкрэслім яшчэ раз, пазіцыя рэдакцыі прынцыпова заставалася нязменна прабеларускай, накіраванай на адраджэнне беларусаў як нацыі.

Газета бачыла сваю задачу ў тым, каб весці беларускі народ па «шляху спакойнай культурнай працы, стаўляючы перад яго вачыма гуманітарныя ідэалы агульналюдзскія» [5]. Пазней, у 1932 г., станючы погляд на ролю нашаніўцаў у адраджэнні Беларусі, існаваўшы яшчэ ў той час, настолькі раз'юшыў некаторых гісторыкаў–марксістаў, што яны палічылі, што ў рамках нарастаўшай жорсткай барацьбы з нацыянал-дэмакратамі актуальнай задачай стала развезць, як яны казалі, «нашаніўскую легенду». З гэтай мэтай таварыства гісторыкаў–марксістаў Беларусі арганізавала дыскусію аб «Нашай ніве». Яе ўдзельнікі абвінавацілі нашаніўцаў у тым, што «абуджэнне нацыянальнай свядомасці беларусаў, эканамічнае і культурнае «адраджэнне» Беларусі» яны лічылі сваімі галоўнымі задачамі і замест класавых прытрымліваліся інтарэсаў нацыі наогул. Нашаніўскі рух быў заклеяваны як контррэвалюцыйны, нацыянальна-ліберальны, буржуазны. Было падкрэслена, што нашаніўскі рух рыхтаваў «кадры будучых азвярэлых ворагаў савецкай Беларусі» [2].

Аднак сярод вучоных-марксістаў не ўсе ўсё ж такі прытрымліваліся настолькі брыдкай ацэнкі дзейнасці «Нашай нівы». Наадварот, выказвалася меркаванне, што «уплыў нашаніўскіх ідэй быў настолькі вялікі, што рэшткі яго адчуваліся да апошняга часу нават сярод паасобных камуністаў, груп камуністаў і ў нашай літаратуры» [2, с. 58]. Дыскусія паказала, што аб «Нашай ніве» так ці інакш прыходзілася гаварыць як аб надзвычайнай з'яве

Ў беларускім вызваленчым руху настолькі выразна, што ўвесь час дзейнасці газеты асэнсоўваўся як перыяд асобнага, нашаніўскага руху. Чаму? Таму што вакол «Нашай нівы» згуртаваўся сапраўдны колер беларускага грамадства, таленавітыя і патрыятычна настроеныя людзі, якія працавалі над нацыянальнай ідэяй і ў далейшым сталі першымі стваральнікамі беларускай дзяржаўнасці, яе віднымі дзеячамі, класікамі маладой беларускай літаратуры. Гэта Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч, Алаіза Пашкевіч (Цётка), Цішка Гартны (Жылуновіч), Максім Гарэцкі, Язэп Лёсік, Вацлаў Ластоўскі, Язэп Драздовіч, браты Іван і Антон Луцкевічы і інш. Сёння «Наша ніва» рэабілітавана, вернута беларускай гісторыі. Пройдзены і перыяд ідэалізацыі, узвялічвання газеты пасля 1991 г.

Нашаніўцы лічылі найбольш важным у адраджэнні беларускага этнасу вырашэнне праблемы беларускай нацыянальнай свядомасці. Аб чым бы не ішла гаворка, газета зноў і зноў настойліва абвастрала гэту тэму. На яе старонках выказвалася цвёрдая ўпэўненасць у тым, што «само жыццё» павяло кожнага з славянскіх плямён сваёй дарогай. [6, с. 52]. Гэта развіццё прывяло да з'яўлення вялікаросаў і беларусаў як самастойных народаў. У кожнага з іх узнікла свая культура, сваё палітычнае жыццё, безумоўна, на падставе адзінага гістарычнага мінулага. Газета рэзка выступіла супраць заявы «Белорусской жизни» аб тым, што «кожны беларус павінен рускую, ці расейскую культуру лічыць сваёй роднай» і што «сепаратысты» усе, хто «далей развівае сваю нацыянальную душу і нацыянальную культуру». Ні рускія, ні палякі не з'яўляюцца кепскімі для беларусаў нацыямі. Але, цвёрда заяўляе «Наша ніва», развіваць можна толькі сваю культуру.

І ў мінулы час, і ў пачатку XX ст. палякі і рускія аказвалі значны ціск на беларускую культуру, асабліва беларускую мову, што затрымала яе развіццё. Гэта прыводзіла да таго, што вясковыя хлопцы і дзяўчаты, апынуўшыся ў горадзе, праз некаторы час пачыналі саромецца беларускай мовы, пераходзіць хто «у палякі», хто «у расейцы», разрываючы сувязь з месцам, дзе нарадзіліся, і людзьмі, з якімі праводзілі першыя гады жыцця. З мястэчак карэспандэнты паведамлялі, што сярод беларусаў нямала «дурных людзей», якія аддаюць перавагу таму, каб «ламаць свой язык і калечыць польскую або рускую гутарку», але не гавораць па-беларуску (мястэчка Празарокі Віленскай губ.); вакол жывуць бела-

русы, гэты народ «так забіты доўгай няволяй ды панаваннем іншых нацый, што ў іх згубілася саўсем пачуццё патрыотызму, гэта значыць, любві і пашаны усяго вытворэнага векамі, свайго роднаго. Тутэйшаму чэлавеку здаецца, што ўсё, што сваё беларускае, то гэта кепскае, а ўсё чужое лепшае» (мястэчка Загацце Віцебскай губ.); у Коўна даволі беларусаў, але яны пазбягаюць беларускай гутаркі у штодзённым жыцці, «відаць, баяцца неразумнаго сьмеху тых цёмных людзей, што дагэтуль называюць нашу гутарку «прастой»».

Хто з сялян выбіваўся «у людзі», набываў адукацыю, займаў высокае становішча ў дзяржаве, «той згрузу аддзяляўся ад вёскі», «перастае быць не толькі мужыком, якім радзіўся, але і *беларусам*. Такі чэлазек прылучаецца да чужой (расейскай або польскай) культуры, узбагачываючы яе, працуе не для свайго народу, не для беларускай вёскі, а для расейскай ці польскай» [6, с. 139]. Такім чынам, сяляне-інтэлігенты адрываюцца ад вёскі, якая аддае свае найлепшыя сілы, а сама застаецца «за адвечнай мяжой пагарды». Некаму выражаць душу, выказваць жаданні і волю народа. За яго гавораць чужыя людзі, для якіх беларусы, у пэўным сэнсе, толькі матэрыял для сваёй палітыкі.

Цяжкім ярмом, на думку газеты, павісла на шыі беларусаў неадукаванасць, адсталасць, безкультур'е. Па школьнаму перапісу, які быў праведзены 18 студзеня 1911 г., на кожную тысячу чалавек насельніцтва Беларусі прыходзілася вучняў у народных і іншых школах: Віленская губерня – 28, Мінская губерня – 38, Віцебская губерня – 38, Гродзенская губерня – 44, Магілёўская губерня – 52; усяго пісьменных: Віленская губерня – 29,3%, Гродзенская губерня – 29,1%, Віцебская губ. – 24,6%, Мінская губерня – 17,7%, Магілёўская губерня – 17% [6, с. 436–437]. Гэта больш чым яскравая карціна амаль усеагульнай непісьменнасці. Карэспандэнты з месцаў паведамлялі, што ў некаторых вёсках цяжка знайсці хаця б аднаго грамацяя. У вёсцы Жартай Барысаўскага павета Мінскай губерні з 70 хат у суседнюю, за 5 вёрст, школу хадзілі толькі тры ці чацвёрта дзяцей. Вось і ўсе вучоныя людзі ў сяле. «Сколькі працы, – з горыччу ўсклікае аўтар весткі, – ешчэ трэба палажыць на гэту краіну, каб хоць крыху разagnaць цемнату». Царскі ўрад такое становішча беларускага насельніцтва амаль не турбавала. Народны настаўнік з Гродзенскай губерні падрабязна тлумачыў, як цяжка адкрыць ці пабудаваць у вёсцы школу. Мноства інстанцый

патрабавалі, каб просьба была напісана «по форме» і знаходзілі ўсюды памылкі, каб вярнуць паперу для паўторных прашэнняў сялянскага сходу. Яшчэ болей фармальнасцяў і перапіскі патрабавала будаўніцтва дома пад школу. Планіроўка школы не праводзілася, таму, пісаў карэспандэнт, «нашы школы на вёсках горш за загранічныя сьвіныя хлявы: халодныя, сырыя, цёмныя, цесныя, без доступу свежага паветра». Некалькі разоў дэпутаты Дзяржаўнай Думы ад усіх губерняў Беларусі і Літвы збіраліся ў Вільні і прасілі Расійскі ўрад даць грошы на ўніверсітэт у Вільні, але «справа стаіць».

Газета звяртала ўвагу на тое, што сяляне звыкліся з такім жыццём і не вельмі цягнуліся да адукацыі. У адным сяле памешчык даў абшчыне дом для школы, дык сяляне запатрабавалі ад яго магарыч за тое, што яны на сельскім сходзе прагаласавалі за яго ініцыятыву. Памешчык аж разгубіўся.

Газета з горыччу паведамляла аб дрэнным культурным становішчы беларусаў. У адным з нумароў «Нашай нівы» быў надрукаваны ліст ад беларуса. У ім былы жыхар аднаго з мястэчак Беларусі апісаў свае ўражанні ад наведвання бацькаўшчыны: «там дзеюцца страшэнныя рэчы. Цёмната беспрасветная. Газет не выпісываюць (смешна сказаць), баяцца: хто чытае газету, таго староняцца, лічаць небезпечным чэлавекам... інтэлігенты думаюць аб сабе; народныя вучыцелі, без мала ня ўсе толькі п'януюць, праводзяць ночы за картамі і звысока глядзяць на мужыкоў, с каторых самі выйшлі». Пісьмо мела характэрную назву – «Як ня стыдна?» [6, с. 33]. Беспрасветнасць, цёмната, забітасць настолькі ўразілі карэспандэнтаў, што адзін з іх у роспачы ўсклікнуў: «Боже мой, як мы яшчэ далёкі ад культурнага чэлавека! Мы ешчэ, як дзікія людзі, баімся грому і маланкі» [6, с. 396].

Рэдакцыя газеты спрабавала знайсці словы, якія б прабудзілі чалавечы гонар беларусаў, таму часта выкарыстоўвала цёмныя фарбы, ранячыя душу замалёўкі з жыцця простага народу. У адным з артыкулаў сялянскае жыццё параўноўвалася з астрогам, які ўва-сабляе сабой «цёмнату нашу, праз каторую ніводзін прамень сонейка, ніводная добрая вестка са сьвету шырокага да нас не далятае. За сьцянамі сьвеціць сонца, за сьценамі пяюць птушкі, а ў нас і цёмна, і глуха: нам песьня волі не чутна, мы толькі сохнем і марне-

ем, нам тут радасьці німа» [6, с. 536]. І тут жа змешчаны верш Івана Пісарыка, у якім ёсць такія радкі:

Хоць ты сэрцэ вырві
Дый адкінь далёка,
Бо іначэй жыці
Вельмі мне ня лёгка.
Можэ быць гаротным
Маці урадзіла,
Або мо бездольным
І жыццё зрабіло? [6, с. 539].

Газета параўноўвала становішча спраў у Беларусі з Украінай і Расіяй і прыйшла да несучышальнай высновы, што «ураджайнасць нашай зямлі, культура нашага края, умеласць і працавітасць нашых людзей шмат ніжэйшыя чым мы там бачылі...на касьцях пачуеш, што надта дрэнная дарога: рытвіны, ямы, каменні» [6, с. 613]. І зноў, як рэфрэнам, гучыць заклік да чытачоў «зварухнуцца з мейсца, шчыра заняцца сваей долею», каб не адстаць ад суседзяў і каб самім сабе палепшыць крыху жыццё.

Рэдакцыя са шматлікай пошты вылучала тыя звесткі з месцаў, дзе прыводзіліся прыклады паляпшэння культуры, дзе праяўляліся яе адметныя беларускія рысы, пры гэтым асабліва ўвага адводзілася т.зв. беларускім вечарынам. Газета падрабязна апісвала ў іх правядзенні ўсё, што датычылася беларушчыны. Як правіла, вечарына ўключала пастаноўку п'есы, дэкламацыю вершаў, сялянскі хор і на завяршэнні ўсе прысутныя танцавалі. Артыстамі былі простыя сяляне, якія ўваходзілі ў канцэртную групу і гастралювалі па гарадах і мястэчках Беларусі і Літвы. Нумары выконваліся на беларускай ці рускай мовах, а то і на сваеасаблівым змешаным жаргоне. Напрыклад, 23 студзеня 1911 г. беларуская вечарына адбылася ў Вільні: сыгралі п'есу «Ня розумом паноў, а сэрцэм», напісаную на змешанай беларускай і рускай мовах. Пасля дэкламацыі вершаў з «Дудкі беларускай» Ф. Багушэвіча хор сялян спяваў песні па-беларуску і руску. Аўтар весткі, з аднаго боку, радаваўся, што артысты, якія выступалі па-беларуску, «гаварылі сёлета лепей і чысьцей, чым летась», з другога боку, з засмучэннем заўважыў, «што той, хто гэты хор вучыў пеяць, дрэнна зразумеў характар беларускай народнай песні і гармонізаваў яе на расейскі лад. Таму не глядзячы на тое, што прыехалі «жывыя» беларусы-сяляне, «бела-

рускага духу на вечары было мала». Але ўсё ж вечарына праходзіла жыва, весела, «публіка увесь час біла у далоні», «усяго на вечары народу было ня менш тысячы душ» [6, с. 59].

Як вядома, у пачатку XX ст., асабліва з 1905 г., актывізавалася музычнае жыццё Беларусі. У многіх гарадах і мястэчках (Мінск, Гродна, Полацк, Слуцк, Копыль, Дзісна, Радашковічы, Празарокі і інш.) узніклі музычна-драматычныя гурткі, выступаўшыя ініцыятарамі беларускіх вечарын, на якіх у канцэртнай ці тэатралізаванай формах выконваліся народныя песні і танцы, вершы беларускіх паэтаў. Асабліва роля належала беларускаму музычна-драматычнаму гуртку ў Вільні, статут якога ў канцы сакавіка 1911 г. быў зацверджаны Віленскім губерньскім прысутствам. Такім чынам, тутэйшыя беларусы атрымалі сталую базу, дзе можна было збірацца на вечарыны, слухаць і бачыць беларускія пастановаўкі. З гэтым гуртком цесна звязана творчасць Л.М. Рагоўскага і І.Ц. Буйніцкага, пра якіх з павагаю пісала газета і якія кожны паасобку і разам шмат зрабілі для станаўлення і развіцця беларускай музыкі, драматургіі, іншых напрамкаў беларускай культуры. Рагоўскі Л.М, польскі кампазітар і дырыжор, склаў «Беларускі песеннік з нотамі для народных і школьных хароў» (1910 г.), ён аўтар балета «Купала», музычнага твора на верш Я. Купалы «А хто там ідзе?» (1910 г.) [9, с. 45].

Буйніцкі І.Ц – беларускі акцёр, тэатральны дзеяч, стваральнік першага прафесійнага нацыянальнага тэатра. Ён часта арганізоўваў вечарыны, адметнай рысай якіх было тое, што на іх гучала беларуская мова, выконваліся знаёмыя простым людзям народныя танцы (лявоніха, юрка, мельнік, гневаш, мяцеліца, верабей), артысты выходзілі ў прыгожай беларускай вопратцы. Развучваць і выконваць народныя песні дапамагаў кампазітар Л.М. Рагоўскі. Стала традыцыяй, што пасля вечарын усе прысутныя з вялікай ахвотай выконвалі беларускія народныя танцы.

5 чэрвеня 1911 г. у Вільні намаганнямі беларускага музычна-драматычнага гуртка была праведзена, як бы сёння казалі, прэзентацыя – першая беларуская маеўка. Актывісты гуртка з музыкай на чоўнах накіраваліся па р. Вілія за горад і ў лесе дапазна танцавалі і спявалі хорам беларускія песні, вадзілі карагоды. Паглядзець на гэтыя свята беларусаў сабралася шмат гараджан. Беларусы-гродзенцы таксама праводзілі маеўкі, дзе былі музыка, танцы,

дэкламацыі вершаў. Усё па-беларуску, з гонарам пісала «Наша ніва» [6, с. 254].

Група пад кіраўніцтвам І. Буйніцкага ў канцы чэрвеня 1911 г. арганізавала тры вечарыны ў Капылі, пасля гэтага накіравалася ў Нясвіж, Клецк, Ляхавічы і далей. Газета з энтузіязмам пісала: «Беларусь жыве і ніякія дзікія сілы не стрымаюць ужо яе адраджэння». Падкрэсліваючы заслугі І. Буйніцкага ў гэтым абуджэнні беларускага народа, газета шчыра жадала: «Памажы – ж яму Божэ!».

Не пакідала «Наша ніва» без увагі палітычнае становішча ў свеце і на радзіме. Пастаянная рубрыка паведамляла аб найбольш значных падзеях у свеце. Навіны палітычнага і дзяржаўнага жыцця падаваліся ў спакойных, пастэльных танах. Але ўважлівы чытач даволі выразна бачыў пазіцыю рэдакцыі. У кожным нумары выказваліся роздумы пра Дзяржаўную Думу Расіі. Тут мы не знойдзем рэзкай, адкрытай крытыкі Думы, рэдакцыя больш думала, як зрабіць Думу болей карыснай народу. Тут і распач, і надзеі, і парады думцам. Напярэдадні чарговых выбараў у IV Думу ў 1911 г. газета выказвала думку аб адказнасці дэпутатаў за сваё знаходжанне ў ёй, аб неабходнасці выбіраць у Думу больш прагрэсіўных прадстаўнікоў, а «цёмныя сілы не пусьціць у Думу» [6, с. 107].

Аналізуючы работу дэпутатаў беларусаў, газета выказвала незадавальненне імі за тое, што дэпутаты ад Мінскай губерні сядзяць у адным шэрагу з правымі дэпутатамі, знаходзяцца пад уплывам дэпутатаў багачеяў. «Вялікім сорамам» назвала газета правал закона аб земскім самакіраванні ў Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай губернях у Дзяржаўным Савеце [6, с. 157]. Як вядома, Савет Міністраў на чале з П. Сталыпіным увёў земствы ў Заходніх губернях сваёй пастановай, што вызвала незадаволенасць з боку Думы і Дзяржсавета. Па матэрыялам газеты можна судзіць аб тым, што рэдакцыя была за ўвядзенне земскага самакіравання, прычым не толькі ў Заходніх губернях, але і па ўсёй Беларусі, але зрабіць гэта, на яе думку, патрэбна ў прававых рамках, гэта значыць, урад павінен правесці гэты закон праз Думу і Дзяржсавет. Нашаніўцы разумелі, што Расіі вельмі патрэбен прававы парадак. І усё ж яны былі схільнымі да таго, каб пастанова ўрада была праведзена ў жыццё, выказвалі надзею, што «адбудуцца ужо выбары у земство, і яно пачне сваю работу: Дык і Думе і Гасударственнаму Савету ніяк

нельга будзе адпіснуць закон, бо земствы ужо пачнуць працаваць і Дума не адважыцца разбіць іх працу» [6, с. 258].

«Наша ніва» с задавальненнем гаварыла аб земстве, як органе, дзе будуць запраўляць не чыноўнікі, а выбарныя людзі, але адначасова выказвала заклапочанасць, каб туды выбіралі людзей, «што шчыра захочуць і здолеюць працаваць для нашага народу, несучы ў вёску свет навукі і памагаючы ёй устаць на свае ногі...калі ж будзець спаць у шапку, дык і выйдзе, што земство пападзе ў рукі людзей, каторыя думаюць не аб карысьці народу, а аб сваей». Гэта засцярога была не безпадстаўнай, тым больш, што афіцыйныя колы пачалі пошук кандыдатаў – беларусаў прарасійскай арыентацыі, каб вясці справы на беларускай зямлі ў інтарэсах царызму.

Газета імкнулася растлумачыць беларускаму насельніцтву, што можа рабіць земства. Галоўнае тут – эканамічнае жыццё народа: развіццё сельскай гаспадаркі, дапамога сялянам заводзіць новыя спосабы гаспадаркі, выдача добрага зерня для пасеву і гаспадарчых прылад, стварэнне пробных палёў і агранамічных школ, друкаванне для сялян кніжак і газет аб гаспадарцы, дапамога развіццю ўсялякіх вясковых промыслаў, навучанне арганізацыі гандлю і азам эканамічнага разліку, будаўніцтва новых дарог і рамонт старых. Земствы, адзначалася ў газеце, будуць самі наймаць урачоў, фельдшараў, акушэрак, адкрываць у вёсках аптэкі і г.д. Асабліва важна, што земствы мелі права адкрываць школы для народа.

“Наша ніва” выказвала ўпэўненасць, што земствы могуць развіваць і сам народ, яго душу і творчасць. Добры прыклад таму давалі земствы, якія ўжо дзейнічалі ў Расіі і Украіне. Але ўсё гэта магчыма, калі мужыкі на выбарах у земствы будуць трымацца дружна і выбіраць, згаварыўшыся між сабой, такіх сваіх прадстаўнікоў, якія цвёрда будуць стаяць за праўду, за свой беларускі народ. Такі вольны наказ – інструкцыю змясціла рэдакцыя на старонках сваёй газеты.

На жаль, выбары ў земствы не выклікалі цікавасці з боку беларускага насельніцтва. На павятовыя сходы па вылучэнню выбаршчыкаў або ніхто не прыходзіў, або збіралася «зусім малая жменька людзей». У кастрычніку 1911 г. газета канстатавала, што Мінскае губернскае земства пачало сваю работу, але «работа неяк не надта ладзіцца» [6, с. 523]. Пасіўнасць насельніцтва ў многіх сферах жыцця нярэдка становілася для «Нашай нівы» прадметам разваг,

няўцешнага абурэння. “Калі хтосьці пісьменны гаворыць сялянам аб іх няшчаснай долі, яны слухаюць, дух затаіўшы, са слязамі на вачах, гаворачы: «Дай Бог здароўя тым людзям, што дзеля нашай будучыны працуюць, што за нас пакрыўджэных, ды за нашу пагарджаную мову заступаюцца!». Але добры чалавек адыходзіць, а людзі зноў прывычна цягнуць сваю лямку, не спрабуючы штосьці змяніць”, канстатавала газета. Яна была напоўнена безвыходнай жальбой людзей на сваё жыццё. У адным з нумароў адзначалася: «Цяжкое наша жыццё, чорная наша доля. Ад веку забітыя, ад веку загнаньныя, без навукі, без сьвету мы цягнем, бытцам жывёла, хамут жыццці, абліваючы потам убогую ніуку, праліваючы кроу на вайне, спраўна ўносячы падаткі, спраўляючы павіннасьці, – мы працавітыя хлебаробы-беларусы... Беларус цёмен забіт, няшчасны! – так кажэ кожны, хто пазнаў беларускую вёску» [6, с. 198].

Характэрныя весткі дасылалі карэспандэнты з гарадоў і мястэчак Беларусі ў 1911 г.: з г. Полацка: «гарадок наш так заснуў, што сьпіць і не прачыхаецца...Ці-ж бы не знайшлося ў нас хаця бы малой жмені жывых людзей?»; з г. Дзісна Віленскай губерні: «у Дзісны жыццё плыве сонна...кругом поўная мерцьвеччына». Па выніках агляду падобных звестак у асобным артыкуле рэдакцыя дала свой абагульняючы партрэт Беларусі: «Пападзеш у Беларусь, – і песня маркотная, нядлівая спаткае цябе...чорная, галодная вёска, як голы шкілет, бьець па тваіх нэрвах. Не ўбачыш тут красуні – хаты велікаруса, ні стройнай хаты ўкраінца, Не спаткаеш вясёлай твары, радай з жыцця... Тут усё настроена на мінорны тон. Тут усё плачэ. На ўсім блішчаць сьлёзы, усё авеяна маркотнасьцю, як туманам. Векамі прыбітая старонка ня змыла сьлёз з сваіх заплаканых вачэй. Апушчэныя рукі вісяць, як бізуны, ад прывычных ланцугоў ня могуць падняцца. Галава панікшая маркотна глядзіць у ніз у землю, не важучыся глянуць у верх, на сонцэ, на сіняе небо. Моўчаліў і пануры беларус!

Чаму-ж ты дагэтуль не аглянуўся кругом?

Чаму тваё сэрца не запалілося любоўю да жыцця?

Чаму не загарэлася ў цябе жаданьне развіцьця?

Чаму ты не стаў тварцом, а астаўся чалавекам, няздольным ісьці усьлед поступу?

Чаму ты зябнеш дагэтуль у цемнаце і за цэлыя сталецьця не пасунуўся наперад ні на адзін крок?

Калі-ж ты, у канцы, выйдзеш з дзікага стану і прымеш образ морзкі?» [6, с. 402–403].

Жаласлівы да слёз малюнак беларускага жыцця дапаўнялі такія ж беспрасветна жалобныя вершы. Вось адзін з іх, напісаны Я. Коласам:

Ты памрэш, цябе не будзе,
Пахаваюць труп на грудзе,
Пры дарозе, на кургане,
Адным крыжам болей стане.
Ураніушы колькі сьлёз.
Аднэй кветкай у нагах
Над Гарбом з зямлі пастылай
Пара вырасьце бяроз.
Над маркотнаю магілай
Цяжкі камень сьцісьне грудзі,
І забудуць сора людзі
Чый пакоіцца тут прах [6, с. 198].

Чаму так змрочна «Наша ніва» малявала жыццё беларусаў? Можна дапусціць, што рабілася гэта з мэтай вызваць у чытачоў унутраны пратэст супраць такога страшэннага жыцця, жаданне выйсці з яго, каб «людзьмі звацца». Таму нярэдка ў тэкстах сустракаюцца такія антонімы, як «цёмра» і «свет, сонейка». Да таго ж, газета, напэўна, давала магчымасць беларусам апазнаць сябе ў газетных радках і як бы выплакацца, выгаварыцца ўсяму свету аб сваёй долі гаротнай, але адначасова і выклікаць жаданне пазбавіцца ад гэтай долі.

Характэрным у гэтым сэнсе з'яўляецца верш Ф. Чэрнышэвіча, надрукаваны ў «Нашай ніве»:

Гэй, прачынайцеся, сонныя людзі!
Стрэньце вы новае жыцце свае:
Доля і радасьць асвежыць вам грудзі!
Сонца устае! [6, с. 236].

Газета не проста выкарыстоўвала змрочныя фарбы, але і імкнулася нагадаць беларусам, што яны народ, нічуць не горшы за іншыя народы. Набліжаецца час, калі «беларусы ў сям'і братніх народаў перастануць лічыцца пасынкамі, калі счэзне апошняя спадчына паншчыны – пагарда да сваёй нацыі». Але патрэбна страсянуцца, падняць вочы ад зямлі да неба блакітнага, пазбавіцца

ад бядотны і цемры. Газета ўпэўнена сцвярджае: «Нацыянальнае адраджэньне беларускага мужыцкага народу ўжо началось. Мужык пачуў сябе *чэлавекам*, чэлавека – беларусам» [6, с. 101].

На працягу ўсяго 1911 г. газета з горыччу, але рашуча выступала супраць бяды, ўкараніўшайся ў жыццё народа – п'янства, карцэжнай гульні і выніканых з іх наступстваў: «дзе карты, там без гарэлкі не бывае, а дзе гарэлка, то і да бойкі недалёка», на кірмашах найбольш часта бываюць п'янства і бойкі. Купілі што – п'юць барыш, наймаюць на работу – барыш, госць ці знаёмы – трэба гарэлка, радзіны, хрэсьбіны ці пахаванні – і там без гарэлкі не абыйдуцца людзі. «Хлопцы грамадой усцягнулі і спусцілі з гары такую грамадзіну – паравік для млына. Атрымалі 7 рублёў, каторыя панеслі да карчмы, дзе і прапілі». Манаполька і шынкі падчас судоў і сходаў ніколі не бываюць зачынены [6, с. 61].

Газета пісала, што ў гарадах амаль у кожнай хаце шынок, дзе прадаюць гарэлку на вынас, ды і на месцы п'юць да апошняй капейкі. У мястэчку Крэва сяляне і ганчары прапіваюць у нядзелю ўсе заробленыя за тыдзень грошы. На земскім сходзе прынялі «прыгавор»: забараніць прадаваць гарэлку і піва ў шынках [6, с. 189]. Цяжка сказаць, колькі часу пратрымаўся гэты «прыгавор», але яго прыняцце мужчынскім сходам само па сабе гаворыць, што п'янства дапякло жыхароў. Тое ж зрабілі і сяляне вёскі Гарасімёнкі Магілёўскай губерні. Газета растлумачвала, што беднасць і цёмната народа не ад малых заробкаў, а ад таго, што амаль палова заробленых грошай траціцца на гарэлку і асноўныя даходы ідуць гандлярам гарэлкай, а не працоўным людзям.

Карэспандэнт з горыччу паведамляў з мястэчка Германавічы Дзісенскага павету аб тым, што з адкрыццём у мястэчку кірмашоў «п'янство пачало разрастацца, патайных шынкоў развялося больш, чым трэба...цяпер нечувалае разрастаецца п'янство ў кожнай хаці. П'юць усе, і дзеці і дарослыя, і мужыкі і бабы, а п'ючы гэтак прапіваюць і розум, і здароўе, і дастаткі свае. У канцы праз колькі год наша вёска дойдзе да поўнай руіны пры гэтых парадках» [6, с. 301]. Такая ж скарга прагучала з мястэчка Росіца Дрысенскага павету: «Як толькі ў нас кірмаш, дык так і ведай, што, напіўшыся гарэлкі, каго-небудзь ці насмерць забыюць, ці набыюць добра...Цёмныя людзі! Калі ж вы прасьвятлееце, калі перастанеце піць гарэлку – тую атруту, с каторай выходзіць усё благое?» [6]. Газета выказвала

шкадаванне, што ўсюды, як грыбы пасля дажджу, вырастаюць па Беларусі рэстараны, піўныя «і іншыя гэтага калібру «культурных» закануркаў, чым школ ці хаўрусоў». Тое ж, што і бацькі, робяць маладыя: «п'яніцы, разбойнікі, ды ўсё народ цёмны», «за гарэлку ў нас усё робіцца: і сьветам наймаюць, і важнае начальства выбіраюць, і судзяць». Пры гэтым у спайванні насельніцтва адчуваўся яўны эканамічны інтарэс царскай улады. Аналізуючы дзяржаўныя даходы Расіі, газета падкрэслівала, што большую іх частку складаюць грошы простага народу: «Вядома, што гарэлкі найбольш выпіваюць селяне, а на гэтым казна зарабляе многа грошай, бо прадаюць гарэлку шмат даражэй, чым каштуе» [6, с. 276].

Газета настойліва сцвярджала, што беларусы – працавітая хлебаробная нацыя, якая заслугоўвае і можа быць шчаслівай, трэба толькі абудзіць у сабе нацыянальную самасвядомасць. У 50-ю гадавіну адмены прыгоннага права газета з гонарам нагадвала, што думкі аб ганебнасці і сораму гэтай няволі авалодвалі лепшымі людзьмі і ў нашым баку. Такія «светлыя людзі», як Храптовічы, Бжастоўскія і іншыя ўжо сто гадоў таму вызвалілі сваіх сялян ад прыгону, а ў 1818 г. на сходзе шляхты Віленскай губерні маршалак Завіша гарача выказаўся аб патрэбе скасавання прыгону, за што губернатар атрымаў ад цара вымову. Многія цяжкасці беларусаў ад таго, што «народ наш цёмны, бо мы самі не ведаем, хто мы такія, бо мы саромяемся сваёй мовы і пагарджаем ёю!» [6, с. 405]. На сваіх старонках газета настойліва патрабавала, каб беларуская мова гучала і ў школе, і ў касцёле, і ў царкве: “Хопіць беларусам пазнаваць веды і боску малітву з чужой мовы”. Беларускі нацыянальны рух – гэта вялікая культурная работа, якую трэба развіваць штодзённа. Газета выказвала ўпэўненасць, што «у нашым народзі есць вялікая жывая сіла, каторая перэховывалася доўга ў забытых Богам і людзьмі вёсках у душы беларускіх хлебаробаў і вось цяпер яна рвецца на вольны сьвет» [6, с. 324].

К гонару «Нашай нівы», яна ніколі не прыніжалася перад уладай, а настойліва выкрывала і асуджала намаганні царызму па русіфікацыі беларускага краю. Тое, што рэдакцыя рабіла гэта спакойна, без нацыяналістычнай гарачнасці ці рэвалюцыйнай нецярплівасці, было яе не слабасцю, а той сілай, якую ўспрымалі ўсе: і багатыя, і бедныя, і паны, і сяляне, і католікі, і праваслаўныя, і інтэлігенцыя – ўсе, хто зберагаў у глыбіні сваёй душы беларусчы-

ну, хто марыў і штосьці рабіў, каб нацыянальнае беларускае самавызначэнне здзейснілася ў адраджэнні беларускай самасвядомасці, «калі кожны селянін з гордасццю назаве сябе не «тутэйшым», а *беларусам*» [6, с. 166].

Газета распавядала, што царызм сваю нацыянальную палітыку ў Беларусі накіроўваў на тое, каб знішчыць усё беларускае, а «беларусаў перэрабіць на велікарусаў». «Наша ніва» выкрывала дзейнасць праўладных выданняў, напрыклад, “Віленскага весніка”, “Белорусской жизни”, якія баранілі ўсю палітыку царскага ўрада ў беларускім краю, асвятлялі тутэйшыя справы, «як прыкажуць». «Гэтак і Беларусь у іх – не Беларусь, а «искони русский край», заходняя «окраина», ды і беларусы – зусім не беларусы, бо такіх няма». Намаганнямі царызму «так і жыве нейкім калечаным жыцьцём наш край» [6, с. 595].

Газета рэгулярна дапамагала сялянам падымаць сваю бытавую і гаспадарчую культуру. Яна падрабязна апісвала, напрыклад, як зберагчы летам лёд у склепах, як парыцца ў лазні, як даглядаць за бульбай у полі, як рабіць кампост, гадаваць дзяцей і г. д.

«Наша ніва» пакінула выключна значны след у беларускай гісторыі, яе грамадскім жыцці. Яе погляд быў накіраваны на ўсё, што знаходзілася ў беларускім краі. Яна ведала і разумела шматлікія супярэчнасці жыцця беларусаў. Але за ўсім гэтым непахісна стаяла галоўная мэта – адраджэнне Беларусі. Адраджэнне ў самым шырокім плане: нацыянальнае, культурнае, закранаючае і мову, і бытавыя норавы, і гаспадаранне, і добраўпарадкаванне гарадоў і мястэчак, накіраванае на прабуджэнне нацыянальнай свядомасці ва ўсіх пластах насельніцтва. Беларускі народ доўгі час знаходзіўся «у **паўсне** нацыянальнай несвядомасці», не адмаўляўся ад свайго асабістага імя, свайго духоўнага быцця, хаця канкрэтна не **праяўляў** усяго гэтага, жыве ім унутрана ў сваім шэрым будзённым жыцці, не адмаўляўся ад сваіх казак, звычайў, мовы» [8, с. 184], Газета верыла, што селянін–хлебароб з’яўляецца кладзезем глыбока схаванай сапраўднай беларушчыны. З яго пачынаецца адраджэнне Беларусі, ахопліваючы ўвесь беларускі народ. Барацьба «Нашай нівы» за гэтыя мэты была паслядоўнай, спакойнай, але цвёрдай і бескампраміснай. Гэта і значыла, што «Наша ніва» стала цэнтрам адраджэнцкіх намаганняў перадавых людзей Беларусі, што ў кан-

чатковым выглядзе прывяло да стварэння сувярэннай беларускай дзяржавы.

Выкарастаная літаратура

1. Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 11. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2000. – 560 с.

2. Дыскусія аб «Нашай ніве». Вып. II. – Менск: Дзярж. Выдавецтва Беларусі. Партсэкстар, 1932. – 104 с.

3. Ермаловіч М. Слова пра «Нашу ніву» // Полымя. 1990. – № 2. – 166-169 с.

4. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. I. / рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд. [і інш.]). – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.

5. Наша ніва. – 1910. – № 27.

6. Наша ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. Вып. 4. 1911 г. Факсімільнае выданне. Вільня.

7. Студзенка Т. «Наша ніва» (1906-1915) і яе чытач: вытокі яднання // Беларуская думка. – 2010. № 1. – С. 110-115.

8. Шантырь Ф. Потребность национальной жизни для белорусов и самоопределение народа // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Вып. 11. – Мінск: Харвест, 2013. – 328 с.

9. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал. Г. Пашкоў (гал. рэд. [і інш.]). – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993–2003. – Т. 6. Кн. 1. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2001. – 592 с.

ДЗЕЙНАСЦЬ МАСОНСКІХ АРГАНІЗАЦЫЙ НА БЕЛАРУСКА–ЛІТОЎСКІХ ЗЕМЛЯХ У ПАЧАТКУ ХХ СТ.

Багалеіша С.В., г. Мінск, БНТУ

Гісторыя масонскіх ложаў і іх роля ў развіцці нацыянальнай ідэі і нацыянальнага адраджэння пакуль нячаста была аб'ектам увагі беларускіх даследчыкаў. Але прыцягвае ўвагу сам факт існавання таямнічых ложаў на тэрыторыі Беларусі. Трэба адзначыць, што непасрэднае дачыненне да віленскага масонства мелі вядомыя дзеячы беларускага нацыянальнага руху: Антон і Іван Луцкевічы, Вацлаў Ластоўскі, Іван Краскоўскі і інш. Шматлікія кантакты паміж беларускімі, літоўскімі і яўрэйскімі дэмакратамі Віленшчыны адбываліся на паседжаннях масонскіх ложаў. У

масонскіх арганізацыях былі прадстаўлены ўсе асноўныя палітычныя плыні краю, незалежна ад іх нацыянальнай арыентацыі. Масонства прадстаўляла сабою форму самаарганізацыі эліты грамадства.

Галоўнай крыніцай па вывучэнню дзейнасці масонскіх ложаў Віленшчыны з'яўляецца дзённік Міхаіла Ромера (1880–1945 г.), вядомага навукоўца, публіцыста і палітычнага дзеяча як “гістарычнай”, так і “этнаграфічнай” Літвы [2, с. 59]. Міхаіл Ромер таксама быў прыкметнай постаццю ў мясцовай масонскай іерархіі і гэты бок ягонага жыцця і дзейнасці знайшоў адлюстраванне ў яго дзённікавых запісах, якіх захавалася амаль 40 тамоў. Першы запіс быў зроблены 1 студзеня 1911 г., апошні – 18 лютага 1945 г. Дзённік – цікавая крыніца па гісторыі грамадскага, палітычнага і культурнага жыцця беларуска-літоўскага краю. Частка дзённіка, 34 тамы, захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы, астатнія – ў аддзеле рукапісаў Віленскага ўніверсітэту.

Масоны з'явіліся на беларуска-літоўскіх землях дзесьці ў XVII ст. Існуе меркаванне, што царызм свядома ствараў ложа для свайго замацавання на Беларусі. Указам Аляксандра I ў 1822 г. іх дзейнасць была забаронена [5, с. 51]. Так перарвалася традыцыя масонства ў Расійскай імперыі. У той час у Вільні існавала 6 ложаў. Кіраўніком адной з іх – “Дасканалая лучнасць” – быў дзед Міхаіла Ромера – Юзаф Ромер. Падчас рэвалюцыі 1905–1907 гг. у Расійскай імперыі адбылося адраджэнне масонскіх арганізацый. Большасць даследчыкаў лічыць, што гэта было звязана з імкненнем часткі грамадскіх дзеячоў кансалідаваць сілы падчас рэвалюцыйнага крызісу. Інтэлектуалаў прываблівала таямнічасць і ідэалогія масонаў. У гэты перыяд масоны ярка выявілі сябе ў барацьбе за ўладу: выступалі з палітычнымі прамовамі, ладзілі банкеты, удзельнічалі ў палітычных дыскусіях.

Трэба адзначыць, што дзейнасць беларуска-літоўскіх масонаў была цесна звязана з дзейнасцю ложаў у Маскве і Парыжы. У 1906 г. у Маскве была створана ложа “Адраджэнне”, якую ўзначаліў Н. Батэўнаў. На пачатку 1907 г. у Пецярбурзе ўзнікла масонская ложа “Палярная Зорка”, кіраўніком якой стаў князь Арлоў-Давыдаў. Абедзве ложа падпарадкоўваліся “Вялікаму Усходу Францыі”. Масонскі рух вельмі хутка пашыраўся. У сярэдзіне 1908 г. у масонскіх ложах было каля 40 чалавек, у 1909 г. – 300–350 чалавек.

У адрозненне ад ложаў XVIII–пачатку XIX стст., змяніўся іх сацыяльны склад. Большасць членаў былі прадстаўнікамі інтэлігенцыі, а не арыстакратыі. Гэта былі адвакаты, універсітэцкая прафесура, лекары, інжынеры і інш. Масоны праследавалі чыста палітычныя мэты. Галоўная з іх – замена самадзяржаўя парламенцкім ладам. Іх ідэалогія была блізкай да ідэалогіі лібералізму. У гэты перыяд масоны таксама імкнуліся згуртаваць палітычную апазіцыю і разгарнуць яе барацьбу супраць расійскага самадзяржаўя. Аб дзейнасці тайных арганізацый добра ведалі прадстаўнікі беларускага і літоўскага нацыянальнага руху: Антон і Іван Луцкевічы, Ілля і Георгій Ромы. У сваіх запісах А. Луцкевіч адзначаў: “У 1908 або 1909 г. браты Ромы загаварылі з маім братам аб тым, што ў Расіі стваралася канспіраваная арганізацыя, якая сваёй галоўнай мэтай ставіць звяржэнне самадзяржаўя. Што павінна было надасці пасля звяржэння самадзяржаўя, арганізацыя пакуль не вызначыла: гэта пытанне будучыні. У арганізацыі была прынята форма строгай канспірацыі, не толькі ад улад, але і ад грамадства. У яе склад прымаліся толькі асобы з маральнага пункту погляду цалкам бездакорныя і якія стаяць на высокім інтэлектуальным узроўні” [1, с. 35].

Масонскія арганізацыі на беларуска-літоўскіх землях былі формай існавання нелегальных дэмакратычных таварыстваў краёвага накірунку. Да краёўцаў можна аднесці прадстаўнікоў грамадства Беларусі і Літвы, якія ў сваёй палітычнай і грамадскай дзейнасці выступалі з нацыянальна-культурных, рэлігійных і эканамічных інтарэсаў краю. Краёвая ідэалогія грунтавалася на ідэі адзінай палітычнай нацыі ў Беларусі і Літве [4, с. 19]. Прадстаўнікі масонскіх ложаў адмаўлялі этнакультурныя прынцыпы ў азначэнні нацыянальнага складу насельніцтва. Усе карэнныя жыхары Беларусі і Літвы, якія лічаць сваёй радзімай гістарычную Літву і ўсведамляюць сябе грамадзянамі краю, належаць да адзінай нацыі “ліцвінаў”. Этнічнае паходжанне і культурная прыналежнасць адыгрывалі другарадную ролю.

У 1910 г. у Вільні ўзнікла першая (краёвая) ложа “Лучнасць”. Сярод ініцыятараў яе ўтварэння былі браты А. і І. Луцкевічы. Узначаліў ложу дзеяч яўрэйскага нацыянальнага руху Ежы Ром. Акрамя іх, “братамі” лажы былі І. Красоўскі, З. Наградскі, Б. Крыжаноўскі, В. Абрамовіч, І. Прозараў, Э. Ром, Брамсан і

Д. Малінаўскас. У сакавіку 1911 г. у ложу быў прыняты М. Ромер [5, с. 53]. Афіцыйнае запрашэнне да ўступлення ён атрымаў ад І. Луцкевіча.

Вось што запісаў у сваім дзённіку М. Ромер: “Увечары прыйшоў Іван Луцкевіч і паведаміў, што ў нядзелю мясцовая масонская ложа прыняла мяне ў свой звяз. Калі гэта не фарс і не якое-небудзь няспелае пачынанне жменькі летуценнікаў, а сапраўдная масонская арганізацыя, то я ўсім сэрцам далучыся да звязу” [2, с. 54]. Неўзабаве М. Ромер стаў адным з кіраўнікоў віленскага масонства.

У “Лучнасці” былі прадстаўлены ўсе асноўныя этнасы беларуска-літоўскага краю. “Браты” прытрымліваліся прынцыпаў краёвай ідэалогіі. У палітычным плане яны выступалі за ўстанаўленне парламенцкай рэспублікі і аўтаноміі “гістарычнай Літвы” ў межах дэмакратычнай, федэратыўнай Расіі.

У 1911 г. пачала дзейнічаць ложа “Літва”, якая ўваходзіла ў “Вялікі Усход народаў Расіі”. Арганізацыя аб’ядноўвала каля 40 ложкаў. Ложу “Літву” узначаліў М. Ромер. У яе склад уваходзілі таксама А. Луцкевіч, а з 1912 г. – В. Ластоўскі. Задачы і прынцыпы дзейнасці масонскіх ложкаў, па меркаванню М. Ромера, былі наступнымі: “Не знішчаць, не ламаць, не разбураць, а ствараць і ўдасканальваць”. У сваім дзённіку ён пісаў: “Нашыя прынцыпы – братэрства, любоў і свабода чалавечага духу. Мы гуманісты ў самым высакародным і дзейным значэнні гэтага слова. Мы імкнёмся, каб гэтыя прыгожыя словы сталі рэальнасцю сумлення, дзеянняў і чалавечых адносін. Мы не выступалі супраць агульначалавечых каштоўнасцяў” [3, с. 64]. “Вольныя муляры” абавязаны былі мець актыўную жыццёвую пазіцыю, каб пастаянна рэалізоўваць масонскія прынцыпы гуманізму. Кожны член ложы ў любы момант мог пакінуць яе, але ён павінен быў прытрымлівацца адной абавязковай умовы: захоўваць таемнасць самага факту існавання “Вольных муляроў”.

Віленскія ложы сталі моцнымі цэнтрамі прапаганды краёвай ідэалогіі. Гэтаму спрыяла грамадска-палітычная і культурная дзейнасць віленскіх “братоў”. Амаль усе яны былі аўтарытэтнымі дзеячамі розных этнічных рухаў. Свае разважанні па розным праблемам грамадскасці яны публікавалі на старонках папулярных віленскіх выданняў “Lieturas Zinios”, “Наша Ніва” і г. д.

Прадстаўнікі ложаў уваходзілі ў склад шмат якіх культурных і грамадскіх арганізацый, дзейнасць якіх выходзіла за межы Віленшчыны (літоўскае артыстычнае таварыства, таварыства падтрымкі кааперацыі, польскае таварыства сяброў навук і г.д.) [2, с. 67].

У 1913 г. віленскае масонства ўступіла ў паласу крызісу, які досыць хутка быў пераадолены. У выніку ў кастрычніку 1914 г. у Вільні была створана ложа “Беларусь”. У яе склад увайшлі А. Луцкевіч, А. Булёга, П. Бугайлішкіс, М. Біржышка, І. Краскоўскі, А. Заўштоўт і К. Астахевіч. Сходы гэтай ложи праходзілі разам са сходамі “Літвы”. Пэўнае арганізацыйнае афармленне ложи намячалася на восень 1915 г., аднак вайна ўнесла пэўныя карэктывы ў гэтыя планы [3, с. 64]. У гэты час адбывалася і абвастрэнне этнічных адносін у краі, што адчувалася і ў дзейнасці этнічна змешаных масонскіх арганізацый.

На дзейнасць віленскіх масонаў моцна паўплывала Першая сусветная вайна. Рост вялікадзяржаўных шавіністычных настрояў у Расіі адбіўся на пазіцыі кіраўніцтва “Вялікага Усходу народаў Расіі”. Гэта вельмі адчувалася падчас з’езду (канвенту) у Пецярбургзе ў 1914 г. У яго працы прынялі ўдзел больш за 30 дэпутатаў з усёй Расіі. Дэлегатамі ад Вільні былі Міхаіл Ромер і Антон Луцкевіч. Канвет праходзіў у даволі складаных умовах. Паводле сваіх палітычных сімпатый яго ўдзельнікі належалі да розных палітычных партый (ад кадэтаў да трудавікоў). Антон Луцкевіч выступаў за захаванне нейтралітэту ў дачыненні да ваюючых бакоў. Перамогу царызма ён лічыў найгоршым з магчымых вынікаў вайны.

Кантакты з расійскімі масонамі выявілі ўвесь падман ранейшых запэўніванняў кіраўнікоў “Вялікага Усходу народаў Расіі” наконт магчымасцяў свабоднага (аўтаномнага) развіцця беларуска-літоўскага краю ў выпадку прыхода іх да ўлады. Гэта падштурхнула да ўзнікнення сваёй уласнай масонскай арганізацыі, незалежнай ад расійскага масонства, якая б ахоплівала ўсе землі былога Вялікага княства Літоўскага. Ложа павінна была выступаць за яго ўласнае развіццё, нацыянальнае аднаўленне і развіццё нацыянальнай культуры. Але каб ажыццявіць гэтую ідэю, патрэбна было стварыць 7 ложаў на Беларусі і ў Літве, а ў гэты час іх дзейнічала толькі 5 (у Вільні, Мінску, Віцебску і інш.). Розніца ў

поглядах на будучыню Беларусі і Літвы непазбежна прывяла да разрыву з расійскім масонствам. Апошнім актам узаемадзеяння быў удзел дэлегатаў з Вільні Андрэя Булёты і Аляксандра Заштаўта ў масонскім канвенце ў Пецярбурзе ў маі 1915 г. [5, с. 56].

З пачаткам Першай сусветнай вайны масонскія ложы Беларусі і Літвы аб'ядналіся ў “Вялікі Усход Літвы” і афіцыйна сталі самастойнымі, адмовіліся падпарадкоўвацца кіруючаму цэнтру расійскіх масонаў, што было абумоўлена рознымі поглядамі на будучыню Літвы і Беларусі [1, с. 35]. Кіраўнікі расійскіх масонаў не прызнавалі права беларускага і літоўскага народаў на самавызначэнне.

У канцы 1914 – пачатку 1915 гг. адбыліся змены і ў поглядах саміх віленскіх “братоў”, паміж імі пачаліся першыя непаразуменні, так званы, “беларуска-літоўскі канфлікт”. Літоўцы выступалі за аўтаномію “этнаграфічнай Літвы” з прылеглымі тэрыторыямі (Гродзеншчына, Міншчына) з сталіцай у Вільні. Беларусы адстойвалі ідэю аўтаноміі “гістарычнай Літвы” з сталіцай у Вільні.

Члены “Вялікага Усходу Літвы” таксама прытрымліваліся прынцыпаў краёвай ідэалогіі, якая вельмі актыўна прапаноўвалася беларусамі. У палітычным плане члены ложы выступалі за звяржэнне самадзяржаў і ўсталяванне парламенцкай дэмакратычнай рэспублікі ў Расіі, адстойвалі поўную незалежнасць “гістарычнай Літвы”, як дзяржаўнага ўтварэння беларусаў і літоўцаў.

Менавіта беларусы былі ў снежні 1915 г. аднымі з ініцыятараў адраджэння беларуска-літоўскай дзяржавы ў форме “Канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага”. “Вялікі Усход Літвы” адыграў галоўную ролю ў стварэнні яе Рады і выданні “Універсалу”. Але паступова ложа спыніла сваю дзейнасць, у першую чаргу, з-за этнічных супярэчнасцяў. Месца масонаў занялі беларускія і літоўскія грамадска-палітычныя арганізацыі, якія ў перыяд акупацыі нямецкімі войскамі Літвы і часткі Беларусі легалізавалі сваю дзейнасць.

Масоны адыгралі важную ролю ў развіцці і пашырэнні нацыянальнай ідэі, барацьбе з існуючым рэжымам, прапагандавалі ідэю этнічнай талерантнасці і былі супраць этнічнага шавінізму. Але іх дзейнасць не заўсёды была паслядоўнай. Галоўнае, што масоны заўсёды падтрымлівалі ідэі гуманізму, дэмакратыі і

прапагандавалі каштоўнасць гэтых ідэй сярод насельніцтва. Дзейнасць ложаў была непарыўна звязана з нацыянальна-вызваленчым рухам у Літве і Беларусі. Іх задачай было дасягненне палітычнай і культурнай самастойнасці краю. Менавіта таму яны і падтрымлівалі ідэю стварэння “Канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага”, аднаўлення беларуска-літоўскай дзяржавы.

Выкарыстаная літаратура:

1. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці / М.П. Касцюк [і інш.] – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 614 с.
2. Дабранскі С. Нарысы з гісторыі масонства ў Літве / С. Дабранскі // Спадчына. – 1997 – № 3. – С. 60–74.
3. Смалянчук А. Дзённік М. Ромера / А. Смалянчук. // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 59–67.
4. Смалянчук А. “Краёвасць” у беларускай і літоўскай гісторыі 1905-1940 гг. / А. Смалянчук // Беларускі гістарычны агляд. – 1997. – Т. 4. – Сш. 1-2. – С. 19–33.
5. Смалянчук А. 3 гісторыі віленскага масонства XX ст. / А. Смалянчук // Спадчына. – 1998 – № 5. – с. 50–59.

ВЫТОКІ НАЦЫЯНАЛЬнай САМАСВЯДОМАСЦІ БЕЛАРУСАЎ: ПЫТАННІ ВЫВУЧЭННЯ І РАЗВІЦЦЯ

Багдановіч А.Б., г. Мінск, ДУА “Камандна-інжынерны інстытут” МНС Рэспублікі Беларусь

У гісторыі ёсць значныя навуковыя праблемы, якія будуць заставацца актуальнымі на працягу доўгага часу. Да іх адносіцца і фармаванне нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Параўнальна нядаўна гэтая тэма “не мела статуса самастойнай навуковай праблемы” [1, с. 42]. Пры тым, што этнічная самасвядомасць – з’ява выключнай складанасці, у савецкія часы шэраг навукоўцаў імкнуліся ўскласці адказнасць за “відавочную заблытанасць праблемы” на даследчыкаў, “якія выражалі інтарэсы эксплуатаатарскіх класаў” [2, с. 80].

У Расійскай імперыі праца па вывучэнні этнічнай самасвядомасці была распачата ў другой палове XIX ст. Так, у 1872 г. у Пецярбурзе праходзіў міжнародны статыстычны кангрэс, удзельнікі якога прыйшлі да высновы, што нацыянальная

прыналежнасць не тоесна моўнай, а яе вызначэнне павінна асноўвацца на самасвядомасці асобы.

Рускі гісторык Вадавозаў у пачатку XX ст. пісаў: “Калі чалавек лічыць сябе палякам, значыць, ён паляк, хоць бы ён не быў католікам, хоць бы ён быў адарваны ад польскай тэрыторыі і хоць бы ён забыў сваю мову... Калі чалавек, які нарадзіўся ад польскіх бацькоў, адмаўляецца ад наймення паляка, то, хоць бы ён жыў у Польшчы, яго ўсё ж не належыць лічыць за паляка. Такі адзіны рацыянальны прынцып, якога належала б трымацца” [3, с 732].

У савецкай навуцы замацавалася шырока вядомае вызначэнне нацыі, дадзенае І. В. Сталіным на аснове чатырох адзнак: а) агульнасці мовы; б) агульнасці тэрыторыі; в) агульнасці эканамічнага жыцця; г) агульнасці псіхічнага складу, які праяўляецца ў агульнасці культуры. У лік гэтых адзнак не была ўключана прыкмета нацыянальнай самасвядомасці, але ўсё ж пытанні этнічнай самасвядомасці ў той час распрацоўваліся. Так, П. І. Кушнер апублікаваў у 1949 г. у “Кратких сообщениях института этнографии” артыкул аб значэнні нацыянальнай самасвядомасці як паказчыку этнічнай прыналежнасці. Аўтар падкрэсліваў, што нацыянальная самасвядомасць развіваецца з прымітыўных форм усведамлення этнічнай супольнасці і праходзіць шэраг этапаў, якія адпавядаюць стадыям развіцця грамадства. М. М. Чабаксараў таксама пісаў, падкрэсліваючы істотнасць згаданай праблемы: “Узаемадзеянне адзінак (мова, тэрыторыя, культура), іх уплыў на ўтварэнне і захаванне этнічнай супольнасці праяўляецца ў выглядзе другаснай з’явы – этнічнай самасвядомасці” [4, с 23].

У 1966 г. у часопісе “Вопросы истории” была пачата дыскусія вакол вызначэння тэрміна “нацыя” [5]. У ходзе абмеркавання закраналіся пытанні, звязаныя з нацыянальнай самасвядомасцю. Дыскусія гэта вялася ў асноўным філосафамі, якія надалі паняццю нацыянальнай самасвядомасці ідэалагічны, класава-палітычны сэнс. Так, І. Цамеран у сваім артыкуле разглядаў нацыянальную самасвядомасць як элемент ідэалогіі [6, с 15]. Адданасць нацыянальным каштоўнасцям, усведамленне агульнасці інтарэсаў у вызваленчай барацьбе, тыя ці іншыя адносіны да розных этнасаў – усе гэтыя пазіцыі аўтар уключаў у паняцце этнічнай самасвядомасці.

Значная ўвага ўдзялялася праблемам этнічнай самасвядомасці ў манаграфіі Ю. У. Брамлей “Этнас і этнаграфія”. У ёй гаварылася аб памылковасці вывадаў дыскусіі, якая праводзілася часопісам “Вопросы истории”. Ю. У. Брамлей выказаў думку аб уключэнні нацыянальнай самасвядомасці ў лік адзнак этнасу. Ён жа ў манаграфіі “Нарысы тэорыі этнасу” падкрэсліваў, што этнас можа мець, акрамя этноніма, саманазву (эндаэтнонім) і розныя назвы, дадзеныя яму прадстаўнікамі іншых этнічных груп (экзаэтнонімы) [7, с 13]. Ю. У. Брамлей пісаў, што нярэдка ўсведамленне этнічнай прыналежнасці шматзначнае. Прычына гэтага, у адных выпадках, заключаецца ў яго няўстойлівасці, якая вынікае з рознай этнічнай прыналежнасці бацькоў, у другіх выпадках, нядаўна праведзенай змены этнічнай прыналежнасці, у трэціх, наогул, праяўлення іерархічнасці этнічнай структуры.

У навуковых адносінах актуальнасць узгаданай тэмы абумоўлена пэўнай супярэчлівацю гістарыяграфічных пазіцый па праблемах фарміравання перадумоў і паступовым развіццём у XIX – пачатку XX стст. этнічнай самасвядомасці беларусаў. Сярод айчынных навукоўцаў гэту праблему распрацоўвалі Э.М. Загарульскі, М.Я. Грынблат, М.Ф. Піліпенка, В.К. Бандарчык, Г.Я. Галенчанка, Я.А. Юхо, І.У. Чаквін, І.А. Марзалюк, П.У. Церашковіч, Л.І. Навуменка, Т.М. Мікуліч і інш.

Сучасныя беларускія гісторыкі І. У. Чаквін і П. У. Церашковіч вызначаюць этнічную самасвядомасць як адзін з галоўных аб’ядноўваючых фактараў і называюць яго асноўным паказчыкам узроўню кансалідацыі розных тэрытарыяльна-этнаграфічных груп народа [8, с 45]. Даследчыкі адзначаюць, што вышэйшай формай праяўлення этнічнай самасвядомасці з’яўляецца этнонім. Ён распаўсюджваецца на дэмаграфічны масіў народа паралельна росту інфармацыйных сувязяў паміж рознымі часткамі этнасу ў выніку працэсаў кансалідацыі.

Уключэнне беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі першапачаткова не прывяло да істотных змен, як у грамадскіх адносінах, так і ў этнічнай самасвядомасці. Дваране-шляхта ў першай палове XIX ст. у сваёй большасці былі католікамі ці ўніятамі і лічылі сябе палякамі ці ліцвінамі [11, с 235].

Знакаміты польскамоўны паэт А. Міцкевіч (1798–1855 гг.), які нарадзіўся на Навагрудчыне, пісаў: “Літва. Бацькоўскі край” [12, с.

32]. У творчасці паэта яскрава выступае беларуская тэма: “На беларускай мове, якую называюць русінскай альбо літоўска-русінскай, гаворыць каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзнікла даўно і цудоўна распрацавана.” [13, с. 32]. Беларускі фальклор выкарыстоўваў пісьменнік Ян Баршчэўскі (каля 1794–1851 гг.) ў зборніку “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях”, іншых творах. Адным са стваральнікаў ідэалогіі нацыянальнага развіцця і самабытнасці беларускага этнасу з’яўляўся Ф. Багушэвіч (1840–1900 гг.), які ў прадмове да зборніка вершаў “Дудка беларуская” пісаў: “Спрадвеку, як наша зямелька з Літвой злучылася, як і з Польшчай з’ядналася дабравольна, дык усе яе “Беларусіяй” звалі, і недарма ж гэта! Не вялікая, не малая, не чырвоная, не чорная яна была, а белая, чыстая: нікога не біла, не падбівала, толькі баранілася” [14, с. 250].

Сяляне ў гэты час ужывалі разам з этнонімам “беларусы” і саманазвы “ліцвіны”, “ліцьвіны”, “бужане”, “чарнарусy” і інш. Вызначальным фактарам сацыяльнай эвалюцыі сялянства з’явіліся рэформы другой паловы XIX ст., перш за ўсё, рэформа 1861 г. У селяніна ўмацоўвалася пачуццё ўласнай годнасці, пачала праяўляцца нацыянальная самасвядомасць [15, с. 247]. Усё больш сялян пачало ўсведамляць сябе беларусамі. Пра гэта сведчаць, у прыватнасці, матэрыялы судовых расследаванняў. Так, у студзені 1887 г. непісьменныя сялянкі-каталічкі вёскі Кавалеўцы Мінскага павета І. Залатар, М. Люковіч і інш. абвінавачваліся ў супраціўленні паліцыі і ў час допыту на пытанне следчага аб іх нацыянальнай прыналежнасці адназначна заявілі, што яны беларускі [16, с. 247]. У гэты перыяд пашырылася гуманітарнае вывучэнне Беларусі. Даследчыкі вывучалі беларускую народную культуру – легенды, казкі, песні. Е. Раманаў, М. Федароўскі, А. Кіркор, М. Нікіфароўскі і іншыя ў сваіх працах сцвярджалі, што мова і культура беларускага этнасу самабытная і значная. У 1870 г. выйшаў першы беларуска-рускі слоўнік І. Насовіча.

На працягу 2-й паловы XIX ст. у этнічнай самасвядомасці беларусаў адбыліся істотныя змены. Паводле перапісу 1897 г., 74% насельніцтва Беларусі лічыла роднай мовай беларускую. Да беларусаў адносілі сябе і каля 43% саслоўя дваран. Роднай мовай беларускую лічылі 40% чыноўнікаў, 10% юрыстаў, 20% урачоў,

60% настаўнікаў. Сярод шматмільённага сялянства назва “беларусы” выцяснула большасць лакальных этніконаў тыпу “ліцвіны”, “чарнарусy”. Тэрмін “Беларусь” замацаваўся за ўсёй этнічнай тэрыторыяй беларусаў. Аднак саманазва “беларусы” яшчэ не мела агульнаэтнічнага і ўласна нацыянальнага зместу і асэнсоўвалася як тапонім. Таму разам з ім ужываліся канфесіянізмы (рускія і палякі), а жыхары паўднёва-заходняй і цэнтральнай часткі Беларусі нярэдка называлі сябе тутэйшымі [17, с. 472].

Эндаэтнонім “беларусы” атрымаў шырокае распаўсюджванне ва ўсіх сляях нашага этнасу ў другой палове XIX–пачатку XX стст. пад уплывам розных грамадска-палітычных фактараў. Гэтаму, безумоўна, спрыяла развіццё нацыянальна-дэмакратычнага руху і ўзнікненне ў першай чвэрці XX ст. сучасных форм дзяржаўнасці.

І. У. Чаквін і П. У. Церашковіч, адзначаючы важнае значэнне этноніма, пішуць, што этнічная самасвядомасць выражаецца таксама і ў форме ўсведамлення агульнасці паходжання ўсіх прадстаўнікоў этнасу, у патрыятызме, у пачуцці нацыянальнай годнасці; паказваюць умовы фарміравання этнічнай самасвядомасці [9, с. 47]. Так, на думку аўтараў, розныя сацыяльныя і тэрытарыяльныя этнічныя групы ў эпоху новага часу ўсведамлялі этнічную прыналежнасць неаднолькава, найбольш канцэнтравана этнічная самасвядомасць выражалася пры кантактах з прадстаўнікамі іншых народаў – на этнічным паграніччы, ў гарадах з іх поліэтнічным насельніцтвам, там, дзе ўзнікала магчымасць супастаўлення і параўнання. “У манаэтнічных, напрыклад, вясковых зонах этнічная самасвядомасць была не так актуальная” [10, с 50], лічаць І.У. Чаквін і П.У. Церашковіч.

Выкарыстаная літаратура

1. Чаквін, И.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV–начало XX вв.) / И.В. Чаквін, П.В. Терешкович // Советская этнография. – 1990. – № 6. – С. 42-54.

2. Куличенко, М.И. Расцвет и сближение наций СССР: Проблемы теории и методологии / М.И. Куличенко. – М.: Мысль, 1981. – 444 с.

3. Водовозов, В.Н. Национальность и государство / В.Н. Водовозов. – СПб.: Т-во “Обществ. польза”, 1910. – 821 с.

4. Козлов, В.И. О понятии этнической общности / В.И. Козлов // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 100-111.

5. Чебоксаров, Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских учёных / Н.Н.Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 94-109.

6. Рогачев, П.М. О понятии нация / П.М.Рогачев, М.А. Сverdлин // Вопросы истории. – 1966. – № 1. – С. 33-48;

7. Джунусов, М.С. Нация как социально-этническая общность / М.С. Джунусов // Вопросы истории. – 1966. – № 4. – С. 16-30.

8. Цамерян, И.Н. Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации / И.Н. Цамерян // Вопросы истории. – 1967. – № 6. – С. 107-122.

9. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 283 с.

10. Чаквин, И.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV–начало XX вв.) / И.В. Чаквин // Советская этнография. – 1990. – № 6. – С. 42-54.

11. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

12. Беларуская літаратура XIX стагоддзя: Хрэстаматыя: Вучэб. дапаможнік / Склад. і аўт. камент. А.А. Лойка, В.П. Рагойша. – Мінск.: Выш. шк., 1998. – 487 с.

13. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3-х т. – Т. 2. Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З.Е. Абергаўз, Х.Ю. Бейлькін, А.Р. Бухавец і інш. // Пад рэд. В.П. Панюціча. – Мінск: Бел. Навука, 2002. – 552 с.

14. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М.А. Ткачоў [гал. рэд.]. – Мінск. Беларуская энцыклапедыя, 1993–2003. – Т. 1. А — Беліца / М.В. Біч [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. – 494 с.

ФАРМІРАВАННЕ НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭІ Ў РАСІІ Ў ЧАС ПРАЎЛЕННЯ КАЦЯРЫНЫ ІІ

Багдановіч А.І.г. Мінск, БНТУ

XVIII ст. – гэта не вельмі спрыяльны час для фарміравання нацыянальнай ідэі і ідэалогіі расійскага самаўладдзя. Значная работа, якая была распачатая ў XVI – XVII стст. апошнімі Рурыкавічамі і першымі Раманавымі па кансалідацыі расійскага грамадства, фарміраванні нацыянальнай свядомасці, ўсведамленні Расіі як сусветнай дзяржавы, была прыпынена. Пятроўскія рэформы, якія былі скіраваныя на гвалтоўнае насаджэнне і ўкараненне ў краіне галандскіх і нямецкіх парадкаў і прыніжэнне ўсяго рускага, як варварскага і адсталага, аказалі адмоўны ўплыў на ўсе бакі жыцця расійскага грамадства. Амаль на трэць скарацілася колькасць насельніцтва краіны. Дзяржаўны апарат, эканоміка і нацыянальная культура аказаліся ў глыбокім крызісе [1, с. 56]. Пасляпятроўскія часы характарызуюцца праўленнем шматлікіх дачаснікаў іншаземнага паходжання, якія, як і былое атачэнне Пятра I, працягвалі раскрадаць краіну, ператвараць большую частку яе насельніцтва ў бяспраўных рабоў. Нашчадкі Пятра вялі сябе на троне як людзі часовыя. Яны імкнуліся скарыстаць сваё становішча для набыцця асабістых выгод.

Толькі пры Кацярыне ІІ пачалі рабіцца захады да вяртання на шлях нацыянальнага адраджэння. Асноўную мэту нацыянальнага адраджэння імператрыца бачыла ў замене палітычных ідэй еўрапейскага абсалютызму, на якія з часоў Пятра I абаяліся царская ўлада, палітычнымі ідэямі самадзяржаўя. Кацярына ІІ разумела, што для таго, каб наблізіць манархію да нацыянальных інтарэсаў, неабходна, каб праваслаўная царква зноў магла стаць духоўным кіраўніком народа, неабходна было вызваліць яе ад кантролю дзяржавы (магчыма, ліквідаваць Сінод і абраць патрыярха), вызваліць ад прыгону сялянства і ва ўсіх выпадках, калі гэта магчыма, кіраванне з дапамогай чыноўнікаў замяніць самакіраваннем [2, с. 87]. Вяртанне Рускай Еўропіі да Русі не магло абысціся без барацьбы з дваранскім сяродсценнем (еўрапейцамі рускага паходжання) – прыгоннікамі, якія не жадалі адмовіцца ад валодання “хрышчонай уласнасцю”.

Аднак ў сваіх памкненнях да рускага нацыянальнага адраджэння імператрыца вымушана была ўлічваць абставіны, пры якіх яна ўзыхляла на прастол. Усё жыццё ёй прыходзілася ўлічваць інтарэсы службылага дваранства, якое прывяло яе да ўлады, і ні на хвіліну не забываць, што ў любы момант яе бліжэйшае акружэнне можа арганізаваць ёй якія-небудзь “гемараідальныя колікі” ці “апаплексічны ўдар табакеркай у скроню”. Само сабой зразумела, што яна мусіла праводзіць палітыку ў інтарэсах дваранства, хаця, як ніхто, разумела, што прыгоннае права – гэта перашкода развіццю і існаванню яе імперыі. Толькі гэтым можна растлумачыць яе дзеянні, скіраваныя на ўзмацненне пазіцый дваранства ў краіне. Пры Кацярыне II дваранства атрымала “даравальную грамату”, якая канчаткова ператварыла яго ў высакароднае саслоўе з неабмежаванымі прывілеямі. Двараніна вызвалілі ад абавязковай службы, наогул, ад абавязкаў перад дзяржавай, пакаранняў, інакш як па рашэнню дваранскага суда. У 1767 г. яна нават забараніла сялянам скардзіцца прадстаўнікам дзяржавы на супрацьзаконныя дзеянні сваіх гаспадароў.

Сваім фаварытам “за верную службу” яна раздала цэлыя вобласці разам з насельніцтвам: сыну казака Разумоўскага разам з графскім тытулам было падаравана 100000 рэвізскіх душ, нашчадку вядомага авантурыста і казнакрада князя Меньшыкава – таксама 100000, а графу Пацёмкіну – больш за 200000 рэвізскіх душ (насельніцтва невялікай еўрапейскай дзяржавы) [3, с. 36]. У 1783 г. імператрыца распаўсюдзіла прыгоннае права на ўсёй раней вольнай поўдзень Расіі і вольную Украіну. Звыш мільёна вольных сялян трапілі ў прыгонную залежнасць да фаварытаў імператрыцы і прадстаўнікоў кіруючай вярхушкі. Як росквіт старажытных Афін пры вольных грамадзянах забяспечвалі рабы, так росквіт рускага дваранства эпохі Кацярыны II забяспечвалі прыгонныя. Імператрыца адмяніла цялесныя пакаранні для дваран і першае нелупцаванае пакаленне спарадзіла бліскачае афіцэрства напалеонаўскіх войнаў, вальнадумцаў, дзекабрыстаў, безліч франдзёраў і вялікую дваранскую літаратуру на чале з А.С. Пушкіным, М.А. Някрасавым і Л.М. Талстым. Для яе было відавочным, што прыгонная праца меней выгодная, чым вольная. Упершыню пра гэта ў 1765 г. было надрукавана ў Працах Вольнага эканамічнага таварыства. Акрамя таго, імператрыца была

перакананая, што мільёны рабоў вельмі небяспечныя: генерал-пракурору А.А. Вяземскаму царыца пісала пра прыгонных: “Калі мы не пагодзімся на памяншэнне жорсткасцяў і палёжку чалавечаму роду яго нясцерпнага становішча, то і супраць нашай волі самі яны гэта возьмуць рана ці позна”.

Яшчэ ў канцы 1766 г. яна прыступіла да ажыццяўлення важнай акцыі свайго праўлення – склікання камісіі для складання новага “Уложения”. У выніку ва “Уложенную комиссию” было абрана каля 450 дэпутатаў ад розных сацыяльных груп. 33% складалі выбарныя ад дваранства, 36% – выбарныя ад гараджан, каля 20% – выбарныя ад сельскага насельніцтва і 5% – урадавыя службоўцы. Права выбіраць дэпутатаў былі пазбаўлены прыгонныя сяляне, якія складалі большасць насельніцтва краіны, і святары.

Перад пачаткам працы камісіі імператрыца склала “Наказ”, у якім выклала свае погляды на задачы камісіі. Асноўны тэкст “Наказу” – прадукт творчага пераасэнсавання ідэй Монтескье, які браў за ўзор англійскі парламентарызм, адаптаваны імператрыцай да рускай рэчаіснасці. У “Наказе” Кацярыне II не ўдалося пераадолець супярэчнасці паміж рэаліямі феадальнай структуры грамадства і буржуазнымі догмамі, якія абвясчаліся дзеячамі Асветы. Самым слабым месцам “Наказу” з’яўляецца рашэнне сялянскага пытання. У першапачатковым яго варыянце, які імператрыца давала чытаць вяльможам для крытыкі, сялянскаму пытання было нададзена больш увагі і вырашалася яно больш радыкальна, чым у апублікаваным тэксце. “Я закрэсліла, разарвала і спаліла, – пісала Кацярына, – больш паловы, і Бог ведае, што станецца з астатнім” [3, с. 76]. З захаваных чарнавікоў відаць, што ў “Наказе” гаварылася пра жаданне вызваліць сялян ад асабістай залежнасці, пакінуўшы памешчыкам права на частку іх працы. Імператрыца лічыла магчымым дазволіць сялянам набываць волю за выкуп. У апублікаваным жа “Наказе” ўжо не гаварылася аб праве сялян набываць свабоду за выкуп, а толькі рэкамендавалася памешчыкам, каб тыя “з вялікай абачнасцю спаганялі свае паборы” [4, с. 415].

Пасля сваёй няўдачы ў справе правядзення праз камісію сялянскіх вольнасцяў імператрыца страціла інтарэс да камісіі і распуціла яе, тым больш, што для гэтага выдалася зручная магчымасць. У 1768 г. пачалася вайна з Турцыяй і значная частка

членаў камісіі павінна была быць ці на полі боя, ці ва ўстановах, якія забяспечваюць армію ўсім неабходным.

Не асмелілася імператрыца пайсці і на ўзмацненне ролі праваслаўнай царквы ў краіне. Наадварот, у другой палове XVIII ст. роля праваслаўя істотна знізілася пад уплывам масонствуючага акружэння Кацярыны II, кіраўнікамі Сінода станавіліся асобы без усякага духоўнага звання – свецкія чыноўнікі, інтарэсы якіх былі далёкімі ад інтарэсаў праваслаўнай царквы. На гэту пасаду траплялі нават зусім выпадковыя людзі: рэктар Маскоўскага ўніверсітэта прафесар і масон Ян Мелісіно і такі вядомы бязбожнік, як армейскі брыгадзір Пётр Пятровіч Чэбышаў. Іх дзейнасць на гэтай пасадзе была скіравана на зніжэнне эканамічнай магутнасці і палітычнай ролі царквы ў расійскім грамадстве.

У 1764 г. сваім указам Кацярына II правяла секулярызацыю царкоўных ўладанняў, ў выніку чаго каля 2 мільёнаў душ манастырскіх сялян былі перададзены дзяржаве і падпарадкаваны Калегіі эканоміі. Гэта забяспечыла дадатковае паступленне ў казну 1,4 млн. рублёў, менш паловы з якіх адпускаталася непасрэдна на ўтрыманне цэркваў, манастыроў, шпіталаў і багадзельняў. Акрамя таго, імператрыца ўстанавіла для кожнага манастыра дакладную колькасць манаствующых. Больш паловы манастыроў было ўвогуле зачынена, асабліва на Поўначы і ў Сібіры, што мела адмоўнае значэнне для ўмацавання Расіі на ўскраінах. Так, у выніку знішчэння апоры рускай каланізацыі на Кольскім паўвостраве манастыра Трыфана Печанежскага частка Мурмана была захоплена Нарвегіяй.

Гэтым жа ўказам імператрыца зацвердзіла штаты манастыроў і ўпарадкавала іх колькасць. Будынкi зачыненых манастыроў ператвараліся ў казармы, шпіталі, лячэбніцы і г.д. Новыя манастыры ствараліся толькі з дазволу вышэйшай улады. Да канца XVIII ст. іх узнікла ўсяго толькі пяць [5, с. 32].

Нягледзячы на такое стаўленне да праваслаўя, асноўнага веравызнання ў Расіі, усё ж такі Кацярыну II можна аднесці да нацыянальных дзяржаўных лідэраў, бо яна пачала, так бы мовіць, русіфікацыю Расіі. На ключавыя пасады ў дзяржапараце, арміі, навуцы, адукацыі, мастацтве зноў сталі прызначацца рускія. Менавіта Кацярына II спыніла засілле ў Расійскай імперыі іншаземцаў..

Вядомы літаратар і крытык Ф.В. Булгарын у сваіх успамінах пісаў наступнае: “Імператрыца Кацярына II, быўшы Вялікаю княгіняй, вывучыла характар Двара і рускага народа і прывязала да сябе сэрцы выяўленнем асаблівай любові да ўсяго рускага і народнага. У яе валадаранне завітнела руская славеснасць, з’явіліся рускія мастакі, рускія навукоўцы і ўсе першыя месцы ў дзяржаве былі занятыя прыроднымі рускімі. Рускія палкаводцы вадзілі нашы войскі да перамог. Рускія саноўнікі кіравалі ўсімі часткамі дзяржаўнага механізму. Сама гасударыня здавалася рускай у самых дробных падрабязнасцях жыцця: апраналася па-руску, з рускімі заўсёды гаварыла на роднай мове і нават удзельнічала сваімі працамі ў рускай літаратуры. Праўленне яе было, у поўным значэнні слова, бліскучае і хвалебнае! Набыты новыя і багатыя вобласці, ва ўсім свеце грывелі перамогі, здабытыя рускімі на сушы і на моры; былі пабудаваныя новыя гарады, а старыя ўпрыгожаны; нададзены рух прамысловасці і гандлю...” [6, с. 86].

Безумоўнай заслугай імператрыцы стала школьная рэформа, якая па свайму характару насіла выразна вызначаны нацыянальны і пераважна свецкі характар. Менавіта асвету і школу разглядала яна ў якасці асноўнага інструмента ідэалагічнага выхавання падрастаючага пакалення ў духу адданасці прастола, праваслаўнай веры і Радзіме. Істотны ўклад імператрыца ўнесла ў развіццё нацыянальнага друку, навукі і літаратуры, тэатра, дзе да канца XVIII ст. сфарміраваліся нацыянальныя кадры, якія амаль поўнасцю выцеснілі са свайго асяроддзя іншаземцаў.

Такім чынам, палітыка Кацярыны II аказала істотны ўплыў на станаўленне і фарміраванне рускай нацыянальнай ідэі і нацыянальнай свядомасці, якая зацвярджалася непасрэдна дзяржавай праз падпарадкаваную ёй праваслаўную царкву, сістэму школьнай адукацыі, дзяржаўны кантроль за развіццём перыядычнага друку, тэатра, літаратуры і мастацтва.

Выкарыстаная літаратура

1. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М.: Издательский дом “Римис”. – 113 с.
2. Башилов, Б. Златой век Екатерины / Б. Башилов. – Рязань: Русь, 2006. – 246 с.

3. Эйдельман, А.Я. “Революция сверху” в России/ А.Я. Эйдельман // Наука и жизнь. – 1988. № 11 – С. 71- 84.
4. Павленко, Н., Андреев, Н., Кобрин, В., Федоров В. История России с древнейших времен до 1861года / Н. Павленко, Н. Андреев, В. Кобрин, В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1998. – 576 с.
5. Багдановіч, А.І. Фарміраванне ідэалагічных інстытутаў Расійскага самадзяржаўя ў XVIII – пачатку XIX стст. / А.І. Багдановіч // Гісторыка-археалагічны зборнік НАН Беларусі. Выпуск 25. – Мінск, 2010. – С. 30 – 34.
6. Булгарин, Ф. Воспоминания / Ф. Булгарин. – М.: Захаров, 2001. – 279 с.

ЗАРАДЖЭННЕ ПАРАСТКАЎ ПАРТНЁРСКІХ АДНОСІН У ПРАЦОЎНАЙ СФЕРЫ БЕЛАРУСІ НА МЯЖЫ XIX – XX СТСТ.

Дубовік А.А.г. Мінск, БНТУ

Адным з асноўных тыпаў сацыяльна-працоўных адносін з’яўляецца партнёрскі, заснаваны на іх дагаворным рэгуляванні з улікам інтарэсаў усіх бакоў. Зараджэнне партнёрскіх адносін у працоўнай сферы адносіцца да канца XIX – пачатку XX стст. і было абумоўлена новымі рэаліямі, якія праявіліся ў развіцці капіталізму ў парэформеннай Беларусі. У гэты перыяд складваецца пэўныя механізмы ўзаемадзеяння ў сістэме «дзяржава – прадпрымальнікі – рабочыя»; выпрацоўваецца фабрычна-заводскае заканадаўства, якое вызначала меру ўмяшальніцтва ўрада ў сферу працоўных адносін і адказнасці прадпрымальнікаў за жыццядзейнасць рабочых. Для нагляду за выкананнем фабрычнага заканадаўства і захаваннем парадку на прадпрыемствах у 1882 г. у Расіі, услед за еўрапейскімі краінамі, была заснавана фабрычная інспекцыя з чыноўнікаў Міністэрства фінансаў (у далейшым – Міністэрства гандлю і прамысловасці). Але ёй падпарадкоўваліся толькі цэнзавыя прадпрыемствы – тэя, што мелі не менш, чым 30 рабочых або не менш, чым 16 рабочых пры наяўнасці механічнага рухавіка [1, с. 212].

Парасткі сацыяльнага партнёрства фарміраваліся ў гэты перыяд па двух накірунках: узаемадзеянне гаспадароў і рабочых у

працэсе вытворчасці і як удзел прадпрымальнікаў у вырашэнні праблем умоў працы і побыту рабочых. Закон ад 3 чэрвеня 1886 г. «Аб найме рабочых на фабрыкі, заводы і мануфактуры і аб узаемных адносінах фабрыкантаў і рабочых» уводзіў правілы, згодна з якімі «гаспадар з нанятымі павінен абыходзіцца справядліва і лагодна, патрабаваць ад іх толькі працы, абумоўленай па дагавору або той, для якой найм учынены, плаціць ім дакладна і ўтрымліваць спраўна» [2]. Па гэтаму закону ўзаемныя адносіны прадпрымальнікаў і рабочых з патрыярхальных павінны былі ператварыцца ў дзелавыя, заснаваныя на свабодзе працоўнага дагавора. Фабрыкант павінен быў заключыць пісьмовы дагавор з рабочым у форме разліковай кніжкі ўстаноўленага ўзору. Налажала ўказваць тэрмін найму, устаноўлены памер заробтнай платы, кошт пражывання ў фабрычных казармах, запісваць усе дадзеныя аб заробках і спагнаннях, накладзеных на рабочых. Фабрычная адміністрацыя абавязвалася прадастаўляць фабрычнаму інспектару звесткі аб расцэнках работ, якія пасля зацвярджэння даводзіліся да ведама рабочых. Забаранялася зніжаць заробточную плату, мяняць колькасць рабочых дзён у тыдзень і колькасць рабочых гадзін, правілы працы раней заканчэння тэрміну дагавораў або без папярэджання за 2 тыдні для рабочых, нанятых на неакрэслены тэрмін. Наймальнікі пазбаўляліся права разлічвацца з рабочымі замест грошай хлебам, харчамі, таварамі і купонамі. Выдача заробтнай платы рабочым назначалася не радзей 1 – 2 разоў у месяц, прычым з заробку нельга было ўтрымліваць даўгі і рабіць недазволеныя вылічэнні. Гаспадар прадпрыемства меў права накладваць спагнанні на рабочых, але выключна дысцыплінарнага характару, якія не павінны былі служыць пакрыццём страт.

У адпаведнасці з законам 1886 г. былі заснаваны ў губернях фабрычныя прысутнасці, якім было прадастаўлена права выдаваць абавязковыя пастановы ў галіне аховы працы, медыцынскага абслугоўвання рабочых з улікам мясцовых умоў. Згодна закону ад 7 чэрвеня 1899 г. аб стварэнні Галоўнай па фабрычных і горназаводскіх справах прысутнасці, у кампетэнцыю ствараемых губернскіх устаноў уваходзіла выданне абавязковых палажэнняў, накіраваных на развіццё і прымяненне да мясцовых умоў правілаў, устаноўленых Галоўнай прысутнасцю. Асабліва важнае значэнне, на погляд расійскага фабрычнага інспектара і пісьменніка

У.П. Літвінава-Фалінскага, мела прыняцце 10 чэрвеня 1903 г. закона, па якім рабочыя атрымалі права на выбранне фабрычных старастаў як прадстаўнікоў сваіх інтарэсаў перад адміністрацыяй прадпрыемстваў [3, с. 91].

Аўтары чацвёртага тому «Гісторыі Беларусі» адзначаюць: «У прамысловасці і на транспарце Беларусі існавалі розныя ступені эксплуатацыі, умоў працы і жыцця рабочых: ад самых жорсткіх да даволі ліберальных, што не саступалі лепшым заходнееўрапейскім узорам сацыяльнай палітыкі і сацыяльнага партнёрства таго часу» [1, с. 211–212]. Сапраўды, у канцы XIX ст. былі выпадкі правядзення наймальнікамі разумнай сацыяльнай палітыкі. Найбольш яскравым прыкладам яе ў сацыяльна-працоўнай сферы стала ўвядзенне ў маі 1894 г. на Добрушскай папяровай фабрыцы па ініцыятыве дырэктара-распарадчыка Стульгінскага А.І. 8-гадзіннага працоўнага дня «з узаемнаю карысцю як для працадаўцы, так і для рабочага» [4, с. 30–31]. Прычым, як адзначаў Стульгінскі А.І. у напісанай ім брашуры, «рабочыя ў вышэйшай ступені добрасумленна выконваюць прынятыя на сябе абавязацельствы ўзамен змяншэння працоўнага дня» [5, с. 12]. Не выключана, што прыняццю рашэння аб увядзенні 8-гадзіннага працоўнага дня папярэднічала абмеркаванне новаўвядзення з рабочымі або, магчыма, нават заключэнне калектыўнага пагаднення. Таму можна разглядаць дадзены выпадак як прыклад сацыяльнага партнёрства паміж наймальнікам і рабочымі. Вядома, што пры Добрушскай фабрыцы былі адчынены бальніца і аптэка, правам бясплатнай медыцынскай дапамогі і бясплатнымі лекамі карысталіся не толькі рабочыя, але і члены іх сем'яў. Наяўнасць аптовага складу тавараў першай неабходнасці дазваляла рабочым набываць іх на 15-20% танней, чым у мясцовых крамах. Пры фабрыцы дзейнічалі школа з чатырохгадовым курсам навучання, ашчадная каса, існавалі хор і духавы аркестр [4]. Але, на жаль, Стульгінскі А.І. не быў тыповай фігурай айчыннага прадпрымальніка пачатку XX ст.

Працэс фарміравання адносін сацыяльнага партнёрства набыў новыя арганізацыйныя пачаткі ў сувязі з узнікненнем прафсаюзаў. У Беларусі яны пачалі стварацца раней, чым у цэнтральных губернях Расійскай імперыі – у сярэдзіне 90-х гг. XIX ст. [6, с. 5]. Прафсаюзы актыўна ўключыліся ў барацьбу за эканамічныя правы працоўных: скарачэнне працягласці працоўнага

дня, павышэнне аплаты працы, ліквідацыя штрафаў, паляпшэнне ўмоў працы. Самадзяржаўе спрабавала ўзяць рабочы рух пад свой кантроль праз дазвол на легалізацыю рабочых саюзаў, дзейнічаючых пад наглядом паліцыі. Адным з цэнтраў «зубатаўшчыны» быў Мінск. Тут у маі 1901 г. «зубатаўцы» ўмяшаліся ў стачку слесараў і з дапамогай начальніка губернскага жандармскага ўпраўлення Васільева М.В. прымусілі наймальнікаў зменшыць працягласць працоўнага дня. Гэта прыцягнула на бок «зубатаўцаў» многіх рамесных рабочых: у створаную Яўрэйскую незалежную рабочую партыю перайшлі з Бунда 15 з 20 прафсаюзаў [7, с. 140]. Аднак у далейшым з-за незадаволенасці наймальнікаў уладам прыйшлося адмовіцца ад метадаў «паліцэйскага сацыялізму». Расійскі даследчык Мядзведзеў С. адзначае, што ў Мінску «абурэнне фабрыкантаў выклікала прымусэнне іх заключаць калектыўныя дагаворы і прысваенне саюзамі заканадаўчай улады, якое выражалася ў выданні абавязковых пастановаў, рэгулюючых адносіны гаспадароў і рабочых. Галоўнае ж абвінавачванне, выстаўляемае прамыслоўцамі супраць саюзаў, заключалася ў арганізацыі працоўных забастовак» [8].

У ходзе буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі, якая пачалася ў студзені 1905 г., актыўныя выступленні рабочых і прафсаюзаў прымусілі царскі ўрад прыняць 4 сакавіка 1906 г. «Часовыя правілы аб грамадствах і саюзях», якімі дазвалялася ствараць саюзы наёмных рабочых на прамысловых і гандлёвых прадпрыемствах для ўзгаднення і абароны эканамічных інтарэсаў, паляпшэння ўмоў працы і быту, а таксама саюзы ўладальнікаў прадпрыемстваў для абароны інтарэсаў наймальнікаў. Тым самым была створана арганізацыйная аснова для трохбаковых адносін у сацыяльна-працоўнай сферы: наймальнікі – наёмныя работнікі – дзяржава. На думку некаторых сучасных даследчыкаў, менавіта ўказ ад 4 сакавіка 1906 г., які з’яўляўся безумоўнай заваёвай Першай рускай рэвалюцыі, фактычна паклаў пачатак станаўленню інстытута сацыяльнага партнёрства ў Расіі [9, с. 134]. Была ажыццёўлена легалізацыя калектыўных працоўных правоў – права на кааліцыю, права на забастоўку як сродак абароны калектыўных інтарэсаў; праведзена заканадаўчая рэгламентацыя пытанняў стварэння і дзейнасці прафесійных суполак працаўнікоў і наймальнікаў. Перагаворы з наймальнікамі вяліся прадстаўнікамі

прафсаюзаў, пасрэднікамі на іх нярэдка выступалі фабрычныя інспектары як прадстаўнікі дзяржавы.

Яшчэ да рэвалюцыі ў канцы 1904 г. у Баку прадстаўнікамі рабочых і нафтапрамыслоўцамі ў выніку ўсеагульнай стачкі быў падпісаны першы ў Расійскай імперыі калектыўны дагавор, які атрымаў назву «мазутнай канстытуцыі». Аднак выпадкі заключэння калектыўных дагавораў у той час былі адзінкавымі. У 1905–1907 гг. у Расійскай імперыі было заключана не больш 25 калектыўных дагавораў, галоўным чынам у паліграфічнай вытворчасці, у наступныя гады – яшчэ менш [9, с. 122]. Асноўнай перашкодай для іх заключэння была адмова прадпрымальнікаў, асабліва ў буйной прамысловасці, прызнаваць за прафсаюзамі, з прычыны іх нешматлікасці, права прадстаўляць усіх рабочых прадпрыемства або галіны вытворчасці.

Факты заключэння калектыўных дагавораў у дарэвалюцыйнай Беларусі не ўпамінаюцца ў гістарычнай літаратуры. Разам з тым, безумоўна, калектыўныя перамовы вяліся і прымаліся кампрамісныя рашэнні. Так, вядома, што кантора машынабудаўнічага завода Вячэрэка А. ў Гродзенскай губерні згадзілася на перагляд расцэнак пасля перамоў з выбарнымі ад рабочых [11, с. 285]. Не выключана, што мелі месца факты заключэння не толькі вусных, але і пісьмовых калектыўных пагадненняў.

Зараджэнню сацыяльнага партнёрства садзейнічалі таксама развіццё кааператыўнага руху, арганізацыя акцыянерных таварыстваў. Аднак адносіны сацыяльнага партнёрства ў дарэвалюцыйнай Беларусі не атрымалі распаўсюджвання. У гэты перыяд пераважаў канфліктны тып сацыяльна-працоўных адносін.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. у краіне пачала замацоўвацца практыка калектыўна-дагаворных адносін у сацыяльна-працоўнай сферы. З'явіліся прыміральныя камеры як асабліва форма ўзаемаадносін наймальнікаў, прафсаюзаў і дзяржавы. У іх склад уваходзіла роўная колькасць прадстаўнікоў ад рабочых і ўладальнікаў прадпрыемстваў. Галоўнымі задачамі гэтых органаў былі разбор працоўных канфліктаў, выпрацоўка ўзгодненых рашэнняў паміж прадпрымальнікамі і прафсаюзамі пры кантролі з боку дзяржавы.

Такім чынам, фарміраванне сістэмы сацыяльнага партнёрства ў Рэспубліцы Беларусь мае свае гістарычныя перадумовы, вывучэнне якіх дазваляе глыбей зразумець гістарычную пераемнасць дадзенай сацыяльнай з’явы.

Выкарыстаная літаратура

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX стст.) / М. Біч [і інш.]. – 519 с.

2. ПСЗ – III, СПб, 1888, Т. VI, № 3769.

3. Литвинов-Фалинский, В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Изд. 2-е, испр. и доп. / В.П. Литвинов-Фалинский. – М., 1904. – 372 с.

4. Киштымов, А.Л. Добрушская бумажная фабрика: опыт социальной политики директора-распорядителя А.И. Стульгинского (80-е гг. XIX в. – 1915 г.) / А.Л. Киштымов // Предпринимательство в Белоруссии. – 2000. – № 7. – С. 29-31.

5. Стульгинский, А.И. Восьми и девятичасовой труд на Добрушской писчебумажной фабрике князя Паскевича / А.И. Стульгинский. – СПб., 1895. – 14 с.

6. Дубовик, А.К. Из истории возникновения профсоюзов Беларуси (конец XIX – начало XX вв.) / А.К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2003. – № 2. – С. 4-11.

7. Бич, М.О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861-1904 гг. / М.О. Бич. – Минск: Наука и техника, 1983. – 278 с.

8. Медведев, С. Сотрудники Зубатова в Минске (1901–1903): рабочие и полиция против революционеров и капиталистов / С. Медведев [Электрон. ресурс]. – Рэжым доступу: // <http://www.google.ru/Zapadrus.za/zaprus/istbl/297-1901-1903>. – Дата доступу: 14.11.2011.

9. Морозов, В.Б. К истории становления социального партнёрства в России в 1905-1917 годах / В.Б. Морозов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 8. – № 41. – С. 119-126.

10. Озеров, И. Политика по рабочему вопросу России за последние годы (по неизданным документам) / И. Озеров. – М., 1906. – 322 с.

РАБОЧАЕ ПЫТАННЕ Ў ДАРЭВАЛЮЦЫЙНАЙ БЕЛАРУСІ

Дубовік А.А., Дубовік А.К. г. Мінск, БНТУ

У XIX ст. у Расійскай імперыі паўстала рабочае пытанне. Дадзенае паняцце з'яўляецца шматпланавым, аб'ядноўвае ў сабе шэраг кампанентаў: фарміраванне рабочага класа; яго колькасць, структуру, склад; умовы працы і ўзровень жыцця наёмных рабочых; прававое і палітычнае становішча рабочых; урадавая палітыка і інш. [1].

Да рэвалюцыі 1905–1907 гг. царызм і буржуазія адмаўлялі існаванне рабочага пытання, сцвярджаючы, што ў Расіі няма рабочага класа ў заходнееўрапейскім сэнсе гэтага слова, а ёсць усяго толькі «саслоўе фабрычных людзей», учарашніх сялян. У пачатку XX ст. мела месца наступнае меркаванне: рабочыя ў Расіі калі не шыкуюць, дык усё ж іх становішча лепшае, чым у сялян, бо яны маюць дзве крыніцы даходу: заробак на прамысловым прадпрыемстве і гаспадарку ў вёсцы. Як выказаўся аднойчы вядомы расійскі пісьменнік Л.М. Талстой, фабрычныя рабочыя – «сапраўдныя кавалеры ў параўнанні з мужыкамі» [2, с. 183]. Доктрына аб спецыфічным патрыярхальным развіцці Расіі, ігнараванне рабочага пытання, размытасць шэрагу норм фабрычнага заканадаўства – гэтыя і іншыя фактары тармазілі фарміраванне сацыяльна-партнёрскіх адносін. Тэрмін «рабочае пытанне» у гэты час выкарыстоўваўся толькі ў працах вучоных левай або ліберальнай плыняў [3].

Неабходна, аднак, прызнаць, што становішча рабочага класа Расіі і Беларусі на рубяжы XIX – XX стст. было больш цяжкім, чым у краінах Заходняй Еўропы. Перажыткі феадальна-прыгонніцкіх адносін адбіваліся як на ўзроўні заробтнай платы, так і на ступені эксплуатацыі працоўных. За сваю цяжкую працу рабочыя атрымлівалі такі заробак, які далёка не заўсёды забяспечваў пражытачны мінімум, асабліва, калі ў іх былі вялікія сем'і. Памер заробку быў звязаны, перш за ўсё, са станам рынку працы і працягласцю працоўнага дня. На ўзровень зарплаты рабочых Беларусі ўплывалі і такія фактары, як аграрная перанаселенасць вёскі і канцэнтрацыя ў гарадах і мястэчках вялікай колькасці беспрацоўнага насельніцтва, згоднага пайсці на любую працу. Па падліках вядомага гісторыка М.В. Доўнар-Запольскага, сярэдняя

гадавая зароботная плата рабочых паўночна-заходніх губерняў у 1897 г. складала толькі 147,8 руб. [4, с. 183]. Характэрнай рысай прамысловасці Беларусі канца XIX ст. з'яўлялася значная ўдзельная вага дробнай вытворчасці. Па колькасці занятых у ёй рабочых яна амаль у 3,5 разы перавышала фабрычна-заводскую прамысловасць. Сярод рамесных рабочых большасць складалі яўрэі. Іх колькасная перавага ў прамыслова-гандлёвым насельніцтве гарадоў склалася ў выніку царскага закону «Аб мяжы яўрэйскай аселасці», у якую поўнасю ўваходзілі і беларускія губерні [5].

Рэвалюцыя 1905–1907 гг. пакончыла з ілюзіямі, што ў Расіі няма рабочага пытання. Яно пачало прызнавацца адной з асноўных сацыяльных праблем разам з аграрным і нацыянальным пытаннямі. Ужо ў студзені 1905 г. была створана камісія па рабочаму пытання, якая атрымала ў паўсядзённым ужытку назву «камісія Какоўцава», па прозвішчу яе старшыні, тагачаснага міністра фінансаў. Праграма, выпрацаваная камісіяй, зыходзіла з пасьлу, што ў Расіі рабочае пытанне носіць такі ж характар, як і на Захадзе, і, значыць, вырашаць яго трэба так, як, напрыклад, вырашыў яго О. фон Бісмарк у Германіі. У адпаведнасці з гэтым была распрацавана праграма, якая складалася з чатырох асноўных пунктаў: 1) абавязковая арганізацыя бальнічных кас на аснове сумесных узносаў наймальнікаў і рабочых; 2) стварэнне на фабрыках і заводах змешаных органаў з прадстаўнікоў адміністрацыі і рабочых «для абмеркавання і вырашэння ўзнікаючых на глебе дагавору найма пытанняў, а таксама для паляпшэння побыту рабочых»; 3) скарачэнне працоўнага дня з 11,5 гадзін да 10, абмежаванне законам працягласці звышурочных работ; 4) перагляд артыкулаў закона, караючых за забастоўкі і датэрміновыя скасаванні дагавора аб найме. Сэнс апошняга пункта заключаўся ў адказе ад погляду на стачку як парушэнне грамадскага парадку, што падлягае крымінальнаму праследаванню і пакаранню [6].

Робчае пытанне знайшло адлюстраванне ў грамадска-палітычнай барацьбе ў ходзе выбараў і дзейнасці Расійскай дзяржаўнай думы ў 1906 – 1917 гг., хоць цэнтральным пытаннем у яе першых скліканнях было аграрнае. Па выбарчаму закону ад 11 снежня 1905 г. некалькі пашырылася кола выбаршчыкаў у параўнанні з «Палажэннем» ад 6 жніўня 1905 г., да іх далучаліся рабочыя. Аднак выбарчыя правы мелі толькі рабочыя

прадпрыемстваў, дзе колькасць працуючых мужчын ва ўзросце звыш 25 гадоў перавышала 50 чалавек. У выніку ад удзелу ў выбарах фактычна былі адхілены тры чвэрці ўсіх рабочых, а ў Беларусі працэнт рабочых, дапушчаных да ўдзелу ў выбарах, быў яшчэ ніжэйшы – толькі 10–15%. У 21 з 71 губерняў Расійскай імперыі, у тым ліку, ў Віцебскай, рабочыя не мелі свайго прадстаўніцтва. Поўная перавага на выбарах была забяспечана памешчыкам і буйной буржуазіі. Адзін голас памешчыка і 3,5 голаса гарадской буржуазіі адпавядалі 45 галасам рабочых. Таму рабочыя многіх прадпрыемстваў у Мінску, Мазыры, Пінску, Гродна байкатавалі выбары ў Дзяржаўную думу [6, с. 16,17,18,28].

Абнаўленне дзяржаўнага ладу Расійскай імперыі ў 1905–1906 г. істотна не паўплывала на законатворчасць па рабочаму пытанню, буйнейшыя думскія фракцыі не лічылі яго прыярэтным. Ні адна з многіх прапаноў сацыял-дэмакратаў па рабочаму пытанню не праходзіла; кадэты і акцыябрысты абаранялі пазіцыю прадпрыемальніцкіх саюзаў. Усяго два месяцы праіснавала I Дума і толькі паспела выказацца ў аднас імператара на карысць свабоды арганізацыі і самадзейнасці рабочых. II Дума стварыла камісію па дапамозе беспрацоўным, якая нічым сябе так і не праявіла. III і IV Думы ўхвалялі з невялікімі папраўкамі прапановы ўрада, сярод якіх самымі значнымі былі абяцаныя яшчэ ў 1904 г. царскім указам і прынятыя, нарэшце, III Дума ў студзені 1912 г. два законы аб страхаванні рабочых: ад няшчасных выпадкаў і па хваробе. Пасля прыняцця ў маі 1912 г. Дзяржаўным саветам і зацвярджэння 23 чэрвеня гэтага года імператарам яны сталі законамі і склалі, па сутнасці, базу сацыяльнага рабочага заканадаўства [8, с. 121].

Закон аб страхаванні ад няшчасных выпадкаў часткова пераглядаў Правілы ад 2 чэрвеня 1903 г. Ён па-ранейшаму распаўсюджваўся на рабочых толькі фабрычна-заводскай і горнай прамысловасці. У ліку неабароненых законам заставаліся будаўнічыя рабочыя, сярод якіх быў асабліва высокім узровень вытворчага траўматызму, многія групы прамысловых рабочых, усе сельскагаспадарчыя рабочыя і работнікі гандлю. Дапамога на час лячэння і пенсіі ў выпадку страты працаздольнасці складалі 2/3 заробку. У параўнанні са старым законам новым было тое, што асабістая адказнасць прадпрыемальніка замянялася калектыўнай: рашэнне аказваць ці не аказваць дапамогу і ў якім памеры прымала

страховое таварыства – акружное аб’яднанне прадпрымальнікаў. Страхаванне на выпадак хваробы станавілася абавязковым. Бальнічныя касы выдавалі хворым дапамогу, сродкі для якой складаліся з узносаў усіх рабочых і ўладальнікаў прадпрыемстваў. У працэсе абмеркавання законапраекта прадстаўнікі гандлёва-прамысловых колаў выказвалі пажаданне, каб расходы на лячэнне неслі толькі рабочыя ці каб доля гаспадароў была зменшана. Згодна з прынятым законам, уладальнік уносіў у касу 2/3 ад сумы ўзносаў рабочых, у яго ж захоўваліся ўсе грошы касы – для пазбягання выкарыстання іх не па прызначэнню, напрыклад, для падтрымкі бастуючых, і ён старшынстваваў на сходах упаўнаважаных – выбарных ад рабочых (агульныя сходы ўсіх членаў касы не дазваляліся). Нагляд за дзейнасцю бальнічных кас і страхавых таварыстваў ажыццяўлялі губернскае прысутнасці пад старшынствам губернатараў. Вышэйшым кантрольным органам быў Савет па справах страхавання, які дзейнічаў пад старшынствам міністра гандлю і прамысловасці.

Самі па сабе гэтыя законы былі крокам наперад у вырашэнні пытання аб страхаванні рабочых. Аднак не менш істотным было і тое, як яны прымяняліся на практыцы, у прыватнасці, у Беларусі. Тут у 1912 г. пад наглядам фабрычнай інспекцыі знаходзілася 1280 прадпрыемстваў. На канец гэтага года на іх працавала 51,3 тыс. рабочых дарослага ўзросту пры агульнай колькасці працаваўшых па найму звыш 400 тыс. чалавек [8, с. 121]. На 1 жніўня 1914 г. у пяці беларускіх губернях налічвалася 128 бальнічных кас, а колькасць іх удзельнікаў склала 47 тыс. чалавек [9, с.167]. Існавала таксама абмежаванасць па тыпах страхавання (не было страхавання па старасці, беспрацоўю), што не дазволіла карэнным чынам палепшыць сацыяльнае становішча рабочых Расійскай імперыі.

Акрамя таго, у 1907 г. у Дзяржаўную думу быў унесены праект закона аб страхаванні ад прафесійных захворванняў. Асаблівых прэрэканняў супраць яго не было, але дэпутаты не спяшаліся, а з пачаткам Першай сусветнай вайны аб гэтым законапраекце запамятавалі. У гады вайны рэпрэсіі поўнасьцю знішчылі рэшткі легальнасці ў рабочым руху. Урад, падтрыманы саюзам заводчыкаў і фабрыкантаў, палічыў несвоечасовым стварэнне прыміральных камер і ажыццяўленне іншых пунктаў даваеннай ліберальнай рабочай праграмы. У 1916 г. прамыслоўцы

А.І. Канавалаў, браты Рабушынскія выступілі з ідэяй стварэння ўсерасійскага рабочага саюза, які павінен быў садзейнічаць сацыяльнаму міру і паспяховай рабоце на патрэбы вайны, але арганізацыйны з'езд прадстаўнікоў рабочых не быў дазволены ўладамі. Калі ацэньваць паспяховасць вырашэння рабочага пытання ў Расійскай імперыі, адзначае расійскі даследчык І.С.Разенталь, дык трэба прызнаць, што перыяд, які папярэднічаў 1917 г., гэта час упушчаных магчымасцяў: з запланаваных дзесяці былі прыняты ўсяго два законы. Віной таму – не толькі менталітэт дзяржаўнай бюракратыі з яе традыцыйнай падазронасцю да незалежнай ініцыятывы і да грамадскіх аб'яднанняў, але і эгаізм і своекарыслівасць прадпрымальнікаў. Апошнія ў большасці сваёй імкнуліся да ўлады і не падтрымлівалі больш прадбачлівых прадстаўнікоў свайго класа, якія прапаноўвалі з мэтай змяншэння сацыяльнага напружання даць рабочым арганізацыям рэальную свабоду і ўзаемадзейнічаць з імі [2, с. 194].

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. Часовы ўрад не рашыўся абвясціць 8-гадзінны працоўны дзень. Аднак рэвалюцыйныя лозунгі ўвасабляліся ў жыццё без ўрадавых распараджэнняў. Пачала ажыццяўляцца ідэя рабочага кантролю над вытворчасцю.

У савецкай гістарыяграфіі лічылася, што рабочае пытанне, пад якім падразумявалася, перш за ўсё, эксплуатацыя рабочага класа, было вырашана ў СССР пасля сацыялістычнай рэвалюцыі і ўстанаўлення дыктатуры пралетарыяту. У сучаснай гістарычнай літаратуры рабочае пытанне трактуецца шырэй, чым праблема працы і капіталу, разглядаецца як пытанне аб узаемаадносінах паміж рабочым класам і грамадствам. Выказваецца думка, што рабочае пытанне не знікла, яно і ў наш час з'яўляецца актуальным, але механізмы яго праяўлення ў нашыя дні перацярпелі сур'ёзныя змены і што менавіта з гэтага пункту гледжання трэба падыходзіць да сітуацыі з рабочым пытаннем у краінах СНД [10].

Выкарыстаная літаратура

1. Напалкова, И.Г. Рабочий вопрос в России в XIX – начале XX века: традиции социального патернализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.Г. Напалкова. – Саранск, 2005. – 21 с.

2. Розенталь, И.С. Рабочий вопрос в дореволюционной России / И.С. Розенталь // Отечественные записки. – 2007. – № 4. – С.181-195.

3. Озеров, И. Политика по рабочему вопросу России за последние годы (по неизданным документам) / И. Озеров. – М., 1906. – 322 с.

4. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг./ М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Госплан БССР, 1926. – 238 с.

5. Дубовик, А.К. Формирование рынка труда в Беларуси в XIX – начале XX в. / А.К Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2003. – № 1. – С. 64–69.

6. Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцева 1905 г. – М. – 1926. – 57 с.

7. Забаўскі, М.М. Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай Думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / М.М. Забаўскі; БДПУ. – Мінск, 2000. – 40 с.

8. Фамін, В.М. Сацыяльныя мерапрыемствы дзяржаўных органаў па вырашэнні рабочых пытанняў у Беларусі (канец XIX – пачатак XX стст.) / В.М. Фамін // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці. Матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф.: у 2 ч. – Мінск, 2009. – Ч. 1. – С. 117–123.

9. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4-х т. – Минск, 1984. – Т. 1. – 400 с.

10. Чураков, Дм. О “рабочем вопросе” в прошлом и настоящем. Материалы круглого стола / Дм. Чураков // Альтернативы. – 2006. – № 1. – С. 140–144.

З ГІСТОРЫ ТРАНСПАРТНЫХ І ПРАМЫСЛОВЫХ АКЦЫЯНЕРНЫХ ТАВАРЫСТВАЎ БЕЛАРУСІ (20–50-Я ГГ. XIX СТ.)

Ерашэвіч А.У. г. Мінск, БДЭУ

Акцыянерныя таварыствы як карпаратыўны юрыдычны суб’ект па акумуляцыі грашовых сродкаў, інстытут і арганізацыйна-прававая форма ажыццяўлення прадпрымальніцкай гаспадарчай дзейнасці вядомы ў Расійскай імперыі з XVIII ст. Аднак толькі да першай трэці XIX ст. адносіцца заканадаўчае рэгуляванне дзейнасці акцыянерных кампаній, вызначэнне ўмоваў іх дзейнасці, маёмасных правоў і абавязкаў акцыянераў і акцыянернага таварыства. Асноўныя прававыя асновы функцыяніравання акцыянерных таварыстваў былі замацаваны ў двух нарматыўных актах. У маніфесце ад 1.01.1807 г. “О даровании купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий” [8, т. 29, № 22418, с. 971–979] абвешчалася аб магчымасці стварэння 4-х форм гандлёва-прамысловых аб’яднанняў (поўнага таварыства, таварыства на веры, акцыянернага таварыства ці таварыства на паях і арцельнага таварыства), замацоўваліся некаторыя асноўныя прынцыпы іх заснавання і дзейнасці (абмежаваная адказнасць акцыянераў, магчымы ўсесамоўны склад пайшчыкаў, так званы, дазвольны прынцып заснавання толькі пасля высачайшага зацвярджэння ці з дзяржаўнай санкцыі). Характэрныя рысы арганізацыйна-прававой формы акцыянернага таварыства рэгламентаваліся ў зацвярджаным імператарам 6. 12. 1836 г. палажэнні аб акцыянерных кампаніях [9, т. 11-2, № 9763, с. 257–266]. У гэтым заканадаўчым акце, нормы якога выкарыстоўваліся да 1917 г., фіксаваліся асноўныя прынцыпы фарміравання і функцыяніравання акцыянерных таварыстваў (адзіны памер укладу, які прыходзіцца на акцыю, прыватны характар укладаў, наяўнасць адзінага пастаяннага капітала, абмежаваная адказнасць акцыянераў па абавязацельствах, канцэсійная ці дазвольная сістэма заснавання акцыянерных кампаній) [падрабязней 10, с. 393–409; 8, с. 36–58].

Заўважым, што адной з асаблівасцяў акцыянернага заканадаўства першай паловы XIX ст. была, так званая, практыка сепаратнага заканадаўства, калі нормы і правілы пры стварэнні

асобных акцыянерных кампаній не заўсёды суадносіліся з агульнарасійскімі.

З пачаткам прамысловага перавароту і першапачатковага наапапення капітала ў Расійскай імперыі актывізаваўся працэс стварэння акцыянерных кампаній. У той час акцыянерныя таварыствы як форма прадпрымальніцкай актыўнасці, ініцыяраваная дзяржаўнай падтрымкай, лічыліся адной з прыдатных формаў і спосабаў вытворчага размяшчэння свабодных прыватных капіталаў, крыніцай іх фарміравання, назапашвання і наступнага фінансавання (інвесціравання) праектаў. Таму зразумела, што акцыянерныя кампаніі атрымлівалі дзяржаўныя льготы і прывілеі. Прадугледжвалася магчымасць укладаў для ўсіх жадаючых, а сярод іх заснавальнікаў у першай трэці XIX ст. часта заўважаліся саноўнікі, прадстаўнікі ваеннай эліты, чыноўніцкай бюракратыі. Акцыянерныя таварыствы выступалі як грамадскія інстытуты – канкурэнты манопольнай дзяржаўнай фінансава-крэдытнай сістэмы, накіраванай у асноўным для фінансавання дэфіцытаў даходнай часткі бюджэта і задавальнення інтарэсаў і патрэбаў памешчыцкага землеўладання. Акцыянерныя таварыствы сталі адной з формаў канцэнтрацыі і цэнтралізацыі капіталаў для іх капіталаўкладанняў у сферах прамысловасці, транспарту (будаўніцтва чыгунак, суднаходства), страхавой справе, пазней – у крэдытнай сістэме.

У 1807–1829 гг., у дадатак да 5 існуючых, у Расійскай імперыі было заснавана 19 акцыянерных таварыстваў, у 1830–1836 гг. створана 30 акцыянерных кампаній [10, с. 308–315]. Да 1836 г. каля паловы акцыянерных таварыстваў дзейнічалі ў Пецярбургу, каля 25% – у Адэсе. Па звестках расійскага гісторыка Л. Шапялёва, у 1837–1856 гг. у Расійскай імперыі было абвешчана аб фарміраванні 74 акцыянерных кампаній (5 з іх не былі заснаваны, а 22 былі ліквідаваны), у тым ліку, 14 суднаходных, 9 страхавых, 13 тэкстыльных, 8 цукровых, 7 па апрацоўцы прадуктаў жывёлагадоўлі, 3 горных, 20 іншых [11, с. 63, 64]. Адзначым, што на працэс стварэння акцыянерных таварыстваў, акрамя іншых фактараў, уплывалі змены ў стаўках працэнтаў па дэпазітным укладам. У 1830 г. гарантаваны даход па дэпазітах у дзяржаўных банкаўскіх установах звычайна складалі 4% гадавых, а нестабільныя дывідэнды ў акцыянерных таварыствах – 8–10%. Пасля зніжэння ў 1857 г. працэнтаў па ўкладам пачаўся адток свабодных капіталаў у

акцыянерныя таварыствы. У 1856–1860 гг. было абвешчана аб заснаванні 101 акцыянернай кампаніі (94 гандлёва-прамысловых, 1 крэдытнай, 6 чыгуначных), аднак 10 з іх так і не былі створаны, а 23 былі ліквідаваны [11, с. 66].

На тэрыторыі Беларусі ў 20-50-я гг. XIX ст. дзейнічалі (рэальна і намінальна) некалькі акцыянерных кампаній: сельскагаспадарчая (Беларускае вольнае эканамічнае таварыства ў Віцебску (снежань 1826 – верасень 1841 гг.), суднаходныя (Паўднёва-Заходняя кампанія для суднаходства паміж Чорным і Балтыйскім марамі, кампанія для ўтрымання параходства па Дняпру і яго прытоках, параходнае таварыства па Заходняй Дзвіне і яе прытоках), прамысловыя (Бабруйскі цукровы завод, Беларускае таварыства мануфактурнай прамысловасці), страхавыя (агульнарасійскія таварыствы для страхавання пажыццёвых і іншых тэрміновых даходаў і грашовых капіталаў (1835 г.), узаемнага страхавання жывёлы (1839 г.), супрацьпажарнае таварыства (1835), Саламандра (1846 г.).

У навуковай літаратуры найбольш асветлены некаторыя аспекты стварэння і дзейнасці Беларускага вольнага эканамічнага таварыства, але аб іншых акцыянерных таварыствах адсутнічае дакладная інфармацыя з першакрыніцаў. Таму звернем увагу на малавывучаныя бакі стварэння вышэйзгаданых суднаходных і прамысловых акцыянерных таварыстваў.

Сенацкі ўказ ад 5. 03. 1824 г., пасля зацверджанага імператарам палажэння Камітэта міністраў, абвяшчаў аб стварэнні Паўднёва-Заходняй кампаніі для суднаходства паміж Чорным і Балтыйскім марамі [9, т. 39, № 29827, с. 201–203]. Сярод заснавальнікаў кампаніі адзначаліся як прадстаўнікі агульнаімперскай (шталмайстар, сапраўдны камергер, сенатар, князь Гагарын, адмірал, сенатар, граф М.С. Мардвінаў), так і мясцовай (сапраўдны стацкі саветнік В. Пуслоўскі, палкоўнік Сакер, мінскі губернскае маршал Зяновіч) эліты. Галоўная мэта заснавання расійскай Паўднёва-Заходняй кампаніі заключалася ў аблегчэнні руху транспарту па Дняпру, Нёману, Дзвіне і ўпадаючых у іх рэкаў, паляпшэнні збыту земляробчых і мануфактурных тавараў, павелічэнні гандлёвых абаротаў. Адкрыццё кампаніі планавалася пасля накаплення капітала памерам 150 тыс. руб. (у наяўнасці павінна было быць не менш паловы). Яна павінна была

дзеянiчаць на галоўных шляхах Дняпроўскага, Нёманскага, Бярэзiнскага басейнаў. Акцыянеры, якiя ўноsiлi грошы яшчэ да зацвярджэння кампанii, з часу ўзносу сродкаў атрымлiвалi 5% штогод з унесенай сумы i наступных прыбыткаў, а iх грашовыя паступленнi прылiчвалiся да iх капiталу [1]. Агульны сход акцыянераў расiйскай Паўднёва-Заходняй суднаходнай кампанii па прапанове адмiрала М.С. Мардвiнава 24. 04. 1824 i 27. 04. 1825 г. вырашыў да моманту назапашвання капiталу 150 тыс. руб. (300 акцый па 500 руб. асiгнацямi кожная) не будаваць суднаў, а капiтал папаўняць за кошт 100 тыс. пудоў солi, падараванай Аляксандрам I кампанii ў пазыку на 3 гады без плацяжу працэнтаў. Аперацыя па рэалiзацыi солi была даручана членам таварыства памешчыкам В. Пуслоўскаму i А. Скiрмунту, якiм было дазволена забраць з крымскiх магізінаў 70 тыс. пудоў солi з гарантыяй пастаўкi нерухомымi маёнткамі (у В. Пуслоўскага да 22 тыс. душ, А. Скiрмунта да 5 тыс. душ сялян мужчынскага пола). З агульнага капiталу акцыянернай кампанii памерам 71 108 руб. за В. Пуслоўскiм i А. Скiрмунтам лiчылiся 36 846 руб., i кiраўнiцтва чакала ад iх яшчэ прыбытку памерам 9 221 руб. [4].

Паводле зацверджанага 5. 02. 1835 г. палажэння Камiтэта мiнiстраў бабруйскаму купцу Розiнгу, якi прыняў у таварыства пецяўбургскага купца Эберта i аптэкара Штрауха, была прадастаўлены 10-гадовы прывiлей на заснаванне i ўтрыманне па Дняпру i яго прытоках параходства для буксiроўкi суднаў з казённымi i прыватнымi грузамi. Аднак неўзабаве высветлiлася, што магутнасцi 2 параходаў (“Наследник” i “Константин” кожны па 50 конскiх сiлаў) было недастаткова, таму паводле зацверджанага 8. 02. 1838 г. палажэння Камiтэта мiнiстраў памянутым асобам было дазволена арганiзаваць акцыянерную кампанiю (некалькi акцый на кошт казны) i прадоўжыць надалей прывiлей дняпроўскага параходства па сканчэннi тэрміна яго дзеяння яшчэ на 4 гады. Устаўны капiтал складаў 1 180 000 руб., цi 1180 акцый (кожная коштам па 1000 руб.). Пры падпiсцы на акцii спачатку трэба было ўнесцi за кожную па 200 руб., а астатнiя грошы – пазней па прызначэннi праўлення кампанii, прыбытак меркавалася выдаваць акцыянерам штогод [2]. У адпаведнасцi з зацверджаным 8. 02. 1838 г. палажэннем Камiтэта мiнiстраў, апублiкаваным 9.03.1838 г., стваралася акцыянерная кампанiя для ўтрымання

параходства па Дняпру і яго прытоках [9, т. 13–1, № 10959, с. 92–94, т. 13–2, № 11617, с. 201]. У 1839 г. Дняпроўская параходная кампанія пачала дзейнічаць [9, т. 14–1, № 12521, с. 618]. Для арганізацыі яе работы, у прыватнасці, буксіроўкі суднаў і перавозкі пасажыраў па Дняпру і яго прытоках паміж гарадамі Магілёвам і Крамянчугам 21. 02. 1858 г. быў зацверджаны ўстаў Дняпроўскага параходнага таварыства, якое павінна было мець капітал 200 тыс. руб. серабром (4 тыс. акцый па 50 руб. кожная) і дзейнічаць 25 год [9, т. 33–1, № 32798, с. 262–265]. 31.08.1860 г. вярхоўнай уладай быў санкцыяніраваны ўстаў акцыянернага параходнага таварыства па Заходняй Дзвіне і яе прытоках [7; 9, т. 35–2, № 36122, с. 87–90]. Параходная акцыянерная кампанія мусіла ажыццяўляць перавозкі пасажыраў і грузаў па Заходняй Дзвіне паміж гарадамі Рыгай і Белым [3].

У сферы прамысловасці акцыянерныя таварыствы ствараліся ў цукраварнай вытворчасці і ў галіне перапрацоўкі льну і пнянкі. 10. 06. 1837 г. было абвешчана аб стварэнні таварыства для будаўніцтва ў Бабруйску цукровага завода [9, т. 12–1, № 10232, с. 317–318]. Праект арганізацыі Віленскай цукровай кампаніі праваліўся [9, т. 13-1, № 11068, с. 189–192; т. 23-1, № 22635, с. 632–633]. 29.09. 1839 г. было апублікавана зацверджанае імператарам 25.07. 1839 г. палажэнне Камітэта міністраў аб заснаванні Беларускага таварыства мануфактурнай прамысловасці льном і пнянкой з першапачатковым капіталам 137 126 руб. серабром (120 акцый па 1142руб. серабром за кожную) [6; 9, т. 14-1, № 12573, с. 643–647].

У цэлым, з-за слабасці купецкіх і прамысловых капіталаў транспартныя і прамыслова-гандлёвыя акцыянерныя кампаніі на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. не атрымалі развіцця. Працэс стварэння падобных акцыянерных таварыстваў актывізаваўся ў другой палове XIX ст., і асабліва ў пачатку XX ст.

Выкарыстаная літаратура

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 320. – Воп. 1. – Спр. 80 – Л. 1 адв. – 2 адв.
2. Там жа, Фонд 1297. – Воп. 1. – Спр. 10968. – Л.2, 5.
3. Там жа, Фонд 1297. – Воп. 1. – Спр. 16388. – Л. 8.
4. Там жа, Фонд 2001. – Воп. 1. – Спр. 63. – Л. 43, 44.

5. Об учреждении Белорусского общества мануфактурной промышленности льном и пенькой // Журнал мануфактур и торговли. – 1839. – Ч. 3. – № 10. – С. 1–10.

6. Об учреждении пароходного общества на р. Западной Двине и ее притоках. Устав акционерного пароходного общества // Журнал мануфактур и торговли. – 1860. – № 11. – С. 66–71.

7. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.

8. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е с 1825 по 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1862.

9. Список акционерных обществ и товариществ на паях по порядку учреждения. Сведения за 1799–1868 гг. // Ежегодник Министерства финансов. – СПб., 1869. – Вып. 1. – С. 308–315.

10. Функ, Я.И. Акционерное общество: история и теория (диалектика свободы) / Я.И. Функ, В.А. Михальченко, В.В. Хвалей. – Минск: Амалфея, 1999. – 608 с.

11. Шепелев, Л.Е. Акционерные компании в России / Л.Е. Шепелев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. – 347 с.

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЯ ПАЛІТЫКА ЦАРСКІХ УЛАД У БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.

Карпіевіч В.А.г. Мінск, ДУА “Камандна-інжынерны
інстытут” МНС Рэспублікі Беларусь

Сацыяльна-палітычныя падзеі, якія адбываліся на тэрыторыі Беларусі, Літвы і Польшчы ў 40 – 50-я гг. ХІХ ст., у значнай ступені аказалі ўплыў на адносіны царскіх улад да гэтых зямель. Урад праводзіў тут асаблівую палітыку, якая павінна была замацаваць дадзеныя землі за імперыяй. Пасля паўстання 1863 – 1864 гг. у заходніх губернях было ўведзена ваеннае становішча, тут былі раскватэраваны ў вялікай колькасці войскі. Уся паўната ўлады належала Віленскаму генерал-губернатару. У краі дзейнічала забарона на стварэнне рознага роду аб’яднанняў і таварыстваў, нават тых, якія мелі мэтай аказанне дапамогі сельскагаспадарчым

вытворцам. І толькі напрыканцы 70-х гг. XIX ст. урад даў дазвол стварыць на Беларусі таварыствы сельскіх гаспадароў, роля якіх была абмежавана пытаннямі аграрнай дзейнасці. Аднак і гэтыя таварыствы знаходзіліся пад пільнай увагай улад.

Сведчаннем таго, што царскі ўрад не лічыў памешчыкаў заходніх губерняў сваёй надзейнай апорай, было ўвядзенне дыферэнцыраванага чыгуначнага тарыфу. Згодна гэтаму тарыфу, было больш выгадна накіроўваць збожжа па чыгунках за мяжу, чым перавозіць для продажу ў межах губерняў. Так, перавоз грузу на адлегласць 567 км каштаваў 6,1 капеек за пуд. У той жа час, перавоз такога ж грузу на адлегласць да 300 км каштаваў 7,46 капеек за пуд [5, с. 202]. Выкарыстанне дадзенага тарыфу прывяло да таго, што рынак Беларусі быў запоўнены больш танным хлебам з расійскіх губерняў. Пуд тульскага жыта ў Вільні каштаваў у гэты час 50 капеек, а кошт аднаго пуда жыта мясцовай вытворчасці складаў 54 капеек, акрамя гэтага, плата за яго перавоз у межах 50 – 150 вёрст была 7,46 кап. за пуд [2, с. 50]. Толькі пасля шматлікіх зваротаў мясцовых памешчыкаў і прадстаўнікоў улад чыгуначныя тарыфы былі зменшаны.

Аднак у цэлым царскі ўрад аказваў падтрымку памешчыцкім гаспадаркам. Адным з такіх мерапрыемстваў было ўвядзенне дзяржаўнай віннай манаполіі. Паводле прынятага закону, дзяржава брала ў свае рукі закуп і продаж спірту, атрыманага на прыватных вінакурнях. Пры гэтым аказвалася падтрымка дробным вытворцам, паколькі дзяржава гарантавала ім збыт прадукцыі, а таксама скупляла ў іх спірт па больш высокай цане. Дадзены закон уступіў у сілу з 1 ліпеня 1897 г., аднак на беларускія землі ён быў распаўсюджаны значна раней – 2 мая 1895 г. [5, с. 260].

Паказчыкам таго, што царскія ўлады не ўлічвалі асаблівасцяў сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускіх зямель, стала будаўніцтва чыгунак. Чыгуначныя лініі пракладваліся згодна з стратэгічнымі планами ўрада, часта яны абміноўвалі важныя гандлёвыя цэнтры, якія, напрыклад, Шклоў альбо Магілёў, згубілі сваё ранейшае значэнне. Пры гэтым улады ігнаравалі звароты мясцовых памешчыкаў аб будаўніцтве чыгунак. Так, у 1862 г. яны пакінулі без увагі просьбу памешчыкаў Валынскай, Мінскай, Гродзенскай, Віленскай і Ковенскай губерняў аб будаўніцтве

чыгункі ад Беластока праз Пружаны да Пінска і далей да Валыні [3, л. 1].

Аднак нельга негатыўна ацэньваць ролю чыгуначнага будаўніцтва на Беларусі. Чыгуначныя зносіны аказалі значны ўплыў на развіццё гандлёвай дзейнасці на Беларусі, далі магчымасць павялічыць вываз тавараў за яе межы. Пры гэтым узрасла роля ў якасці важных гандлёвых цэнтраў тых населенных пунктаў, паблізу якіх праходзіла чыгунка.

У заходніх губернях праводзілася асобая палітыка і ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва. Кацярына II у 1791 г. вызначыла рысу яўрэйскай аселасці, у якую ўвайшлі і беларускія губерні. У 1882 г. царскі ўрад выдаў новы ўказ, паводле якога яўрэям забаранялася сяліцца па-за гарадамі і мястэчкамі, а таксама арандаваць альбо набываць зямлю. Таксама яўрэям забаранялася гандляваць віном у нядзелю і царкоўныя святы [4, с. 181].

Перанаселенасць гарадоў і мястэчак Беларусі яўрэямі прывяла да таго, што многія з іх былі вымушаны займацца прамысловай дзейнасцю альбо гандляваць. Гэта вызначыла нацыянальны склад гандлёвага саслоўя ў Беларусі, падаўляючая большасць якога была яўрэі. Яны таксама складалі і пераважную большасць гільдзейскага купецтва. Іх адносная колькасць сярод купцоў 1-й і 2-й гільдыі складала ад 80 да 90% і вышэй. Так, у 1868 г. з 85 купцоў 1-й гільдыі ў 5 губернях 69 былі яўрэі [1, с. 762-764]. Згодна перапісу 1897 г., да купецкага саслоўя ў Беларусі адносілася 12045 чалавек, з іх 10536 (альбо 87,5%) – яўрэі. Тое, што амаль увесь гандаль у губернях знаходзіўся ў руках яўрэяў, неаднаразова адзначалі ў сваіх справаздачах і губернатары.

Беларускае купецтва было арганізавана ў гільдыі і карысталася асобымі саслоўнымі прывілеямі, якія дазвалялі ім прымаць удзел у гарадскім самакіраванні. Па патэнтнай сістэме 1839 г. усе купцы павінны былі мець пэўны налічны капітал у залежнасці ад таго, да якой гільдыі яны адносіліся. Так, купцы 1-й гільдыі павінны былі мець налічны капітал у памеры 15 тыс. рублёў серабром, 2-й – 6 тыс. рублёў, 3-й – 2400 рублёў. Найбольш шматлікай гільдыяй была трэцяя. Вельмі часта ў яе запісваліся прадстаўнікі іншых саслоў'яў, каб атрымаць пэўныя прывілеі, і ў першую чаргу, каб пазбегнуць рэкруцкай павіннасці. З мэтай

узмацнення купецкага саслоў'я ўрад правёў у 1863 г. гільдзейскую рэформу. Згодна з новым палажэннем, скасоўвалася 3-я гільдыя.

У сувязі з развіццём прамысловасці і гандлю ўрад даваў дазвол на адкрыццё розных фінансавых устаноў і рознага роду таварыстваў, хоць тут таксама існавалі пэўнага роду перашкоды. Так, у Расіі ў 1865 г., узнікла першае спажывецкае таварыства, аднак у Беларусі яны з'явіліся больш чым праз чвэрць стагоддзя. І хоць яшчэ ў 1883 г. мясцовыя ўлады далі дазвол на стварэнне Віцебскага таварыства спажывцоў, царскія ўлады такім чынам унеслі папраўкі ў яго статут, што адкрыццё гэтага таварыства стала немагчымым. У 1890 г. быў распрацаваны яго новы статут, аднак само таварыства пачало дзейнічаць толькі з 1897 г.

Такім чынам, можна вызначыць, што палітыка царскіх улад на Беларусі была неадназначнай. З аднаго боку, царызм не лічыў мясцовае насельніцтва, у тым ліку і памешчыкаў, сваёй надзейнай апорай у краі. З другога боку, улады вымушаны былі праводзіць значныя пераўтварэнні, якія ў пэўнай меры садзейнічалі развіццю гандлю ў Беларусі.

Выкарыстаная літаратура

1. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. / [Сост. А. Сементовским. – Вильна: Тип. К. Вульфа, 1868]. – 246 с.

2. Дудкоў Д. А. Аб развіцці капіталізму ў Беларусі ў 2-й палове XIX ст. і пачатку XX ст. / Д.А. Дудкоў. – Мінск: Дзярж. выд. Беларусі “Партмассектар”, 1932. – 203 с.

3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 1458.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – СПб.: Гос. тип., 1882. – Т. 2. – 1139 с.

5. Экономика Белоруссии в эпоху империализма. 1900 – 1917 / Г. Т. Ковалевский [и др.]; под ред. Г.Т. Ковалевского. – Минск: Изд. Акад. наук БССР, 1963. – 420 с.

ПРАБЛЕМА ДЗЯРЖАЎНАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД 3 ЛЮТАГА 1917 Г. ПА КАСТРЫЧНІК 1917 Г.

Райчонак А. А.г. Мінск, БГТУ

На нашу думку, разглядваемы перыяд характарызуецца агульнай тэндэнцыяй актывізацыі беларускага нацыянальнага руху, выхадам яго з фактычнага падполля і прыўнясеннем пытання аб самавызначэнні Беларусі ў шырокія масы ў ходзе нарастання нацыянальнага і рэвалюцыйнага руху.

Першыя звесткі аб Лютаўскай рэвалюцыі трапілі на Беларусь 28 лютага 1917 г. Першага сакавіка больш дакладныя дадзеныя былі атрыманы ў Віцебску. 2–3-га сакавіка гэтае паведамленне дайшло да ўсіх губернскіх цэнтраў неакупаванай Беларусі.

Адразу ж пасля звяржэння царызму пачалася актыўная праца па стварэнню органаў, якія спрабавалі вырашыць пытанне аб уладзе ў Беларусі. Гэта праца, на наш погляд, вялася адразу па чатырох накірунках, што было выклікана розным разуменнем будучага рэвалюцыйнай Расіі ўвогуле і Беларусі, ў прыватнасці. Асноўная дзейнасць у гэтым накірунку была разгорнута Саветамі рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў; органамі, утворанымі Часовым урадам; органамі вайсковага камандавання Заходняга фронту; узнікшым некалькі пазней Беларускім нацыянальным камітэтам.

Характарызуючы беларускі рух пасля Лютаўскай рэвалюцыі, будзе да месца прывесці меркаванне М. Доўнар-Запольскага, які пісаў: "Што датычыць усходняй Беларусі, то Лютаўская рэвалюцыя застала беларускі рэвалюцыйны кірунак у момант няяснасці яго праграмы і канчатковых мэт. Нацыянальная ідэя, ідэя нацыянальнага адраджэння аб'ядноўвалі колы беларускіх работнікаў Петраграда, Мінска, Масквы і Вільні, але прыватнасці палітычнай ідэалогіі былі не ясныя, або, хутчэй, розныя элементы беларускіх рэвалюцыйных колаў не дамовіліся адносна вострых пытанняў будучыні" [1. с. 469].

Гэтыя рознагалосці ў многім ускладнілі развіццё нацыянальнага руху, што яшчэ доўгі час адбівалася на практычнай працы нацыянальных арганізацый. Фактычна, на працягу ўсяго 1917 г. ім прыходзілася звяртацца да ўнутрыарганізацыйнай

палемікі аб шляхах далейшага развіцця Беларусі. Гэта аб'ектыўна аслабляла нацыянальна-дзяржаўны рух.

Тым не менш, пасля Лютаўскай рэвалюцыі беларускі нацыянальна-вызваленчы рух пачаў набываць шырокі, арганізаваны характар. У першыя дні рэвалюцыі ў Мінску ўтварыўся Беларускі нацыянальны камітэт, які распачаў энергічную арганізацыйную і прапагандысцкую працу. Так, 25 сакавіка ў Мінску адбыўся з'езд беларускіх нацыянальных арганізацый, на якім прысутнічала каля 150 дэлегатаў. Асноўнай мэтай з'езда з'яўлялася выпрацоўка задач беларускага руху ў новых ўмовах. Ён паставіў пытанне аб неабходнасці адкрыцця беларускага ўніверсітэта і стварэння нацыянальнай школы, прыняў пастанову аб выданні газеты. Этнаграфічная камісія з'езда адзначыла, што ў склад Беларусі ўваходзяць Мінская, Гродзенская, Магілёўская, а таксама часткі Смаленскай і Чарнігаўскай губерняў. Пры гэтым быў выказаны пратэст супраць уключэння Віленскай губерні ў склад Літоўскай рэспублікі. З'езд таксама выказаўся за аўтаномію Беларусі ў складзе Расійскай федэрацыі [2. с. 32]. У дэкларацыі, прынятай з'ездам, у прыватнасці, гаварылася: “Беларускі нацыянальны з'езд... упэўнены, што яго нацыянальны урад, апіраючыся на ўсіх жыхароў Беларусі, прынясе карысць агульнадзяржаўнаму будаванню на фундаменце федэратыўнага строю, даручае сваім дэлегатам давесці аб гэтым да ведама часовага ўраду” [3]. У дэлегацыю ўвайшлі 7 чалавек.

Нягледзячы на тое, што дэлегацыя, накіраваная ў сярэдзіне красавіка для гэтых мэтаў, была прынятая Часовым урадам, які згадзіўся наладзіць пастаянны кантакт з БНК, канкрэтныя прапановы з боку дэлегацыі былі сустрэты холадна. Было заяўлена, што гэтае пытанне знаходзіцца ў кампетэнцыі будучага Устаноўчага сходу і Часовы ўрад не мае паўнамоцтваў на яго вырашэнне. Усё гэта прывяло беларускіх дзеячоў да ўсведамлення таго, што сапраўдную волю Беларусь здабудзе толькі тады, калі за палітычнымі лозунгамі будзе стаяць маса – арганізаваны народ.

Што тычыцца іншых гарадоў Расіі, то нацыянальныя палітычныя і культурныя арганізацыі сярод бежанцаў утварыліся ў Кіеве, Адэсе, Маскве, Калузе, Саратаве, Тамбове, Казані і інш. Іх спрабавала аб'яднаць Беларуская народная грамада на

арганізаваных ёю ў Маскве Усерасійскіх з'ездах бежанцаў-беларусаў.

На працягу лета адбывалася дыферэнцыяцыя беларускага руху. На з'ездзе беларускіх арганізацый і партый 8 – 10 ліпеня 1917 г. адбыўся раскол, у выніку якога перамогу атрымала Беларуска-сацыялістычная грамада (БСГ). БНК быў ліквідаваны, а замест яго быў абраны Выканаўчы камітэт Цэнтральнай Рады беларускіх арганізацый, да якой перайшло кіраўніцтва беларускім рухам. Гэта была не проста перамога “левай плыні” над “правай”. Пасля з'езду лозунг палітычнай аўтаноміі Беларусі канчаткова пачаў пераважаць над лозунгам абласной аўтаноміі.

На пытанне, чаму ж у разглядваемы перыяд (вясна – восень 1917 г.) не быў здзейснены пераход ад ідэі аўтаноміі да ідэі дзяржаўнай незалежнасці, здаецца, трапна выказаўся А. Луцкевіч, які пісаў: “Беларуская палітычная работа развілася пад двума лозунгамі: нацыянальнага адраджэння і ў першы перыяд рэвалюцыі – аўтаноміі Беларусі ў межах федэрацыйнай Расейскай Рэспублікі. Пры тагачасных варунках гаварыць аб нечым вялікім не было ніякае магчымасці, што пацвярджае факт, што нават шмат сільнейшая за беларусаў Украіна не магла адкрыта гаварыць аб дзяржаўнай незалежнасці, укрываючы свае праўдзівыя палітычныя ідэалы пад маскай аўтанамізму. Толькі ў найбольш конспірацыйных кружках ішлі гутаркі аб шырэйшых палітычных ідэалах” [4. с. 9].

З некалькі іншага боку да гэтага пытання падыходзіць даследчык Г. Парэчын: “Гаварыць аб аддзяленні ад Расіі тады ў шырокіх колах беларускага руху было раўнацэнна таму, што гаварыць за аб'яднанне з Польшчай. Усе слаі насельніцтва ў той час цвёрда прызнавалі, што незалежнае існаванне Беларусі – немагчыма” [5. с. 12]. Паколькі ён ў той час знаходзіўся ў Мінску, яго сведчанне можна лічыць больш каштоўным.

Да вышэй выкладзенага трэба дадаць невялікі каментарый. Чаму ў грамадскім усведамленні самавызначэнне Беларусі выглядала як імкненне далучыцца да Польшчы? Справа ў тым, што Германія планавала стварыць польскую дзяржаву як буфер паміж ёю і Расіяй і к 1917 г. гэтае пытанне выглядала як практычна вырашанае. Аб тым, што ствараецца незалежная Польшча, было добра вядома ў Беларусі. Ведаючы аб старых дамаганнях палякаў да беларускіх зямель, мясцовае насельніцтва лічыла, што пад

“самавызначэннем Беларусі” хаваецца не што іншае, як проста імкненне адарваць ад Расіі як мага болей зямлі, якая затым сама сабою будзе далучана да Польшчы. Да гэтага трэба яшчэ дадаць і культывіраванне ў папярэдні час паланафобіі сярод беларусаў царскімі ўладамі.

Калі характарызаваць адносіны Часовага ўрада і Саветаў да дзейнасці беларускіх арганізацый у той час, то органы Часовага ўрада адмаўляліся як-небудзь вырашаць беларускае пытанне, спасылаючыся на тое, што гэта знаходзіцца ў кампетэнцыі Устаноўчага сходу. Што ж тычыцца Саветаў, то, як пісаў В. Кнорын, “усё лета паміж Саветамі і Беларускай грамадой не было сутыкненняў” [6. с. 74.], але гэта працягвалася толькі да таго часу, пакуль бальшавікі не ўбачылі ў беларускім руху праціўнікаў у барацьбе за ўладу.

Беларускі рух, які ў пачатку Лютаўскай рэвалюцыі не меў дастатковых сіл, каб уключыцца ў барацьбу за ўладу, паступова набываў гэтыя сілы. Паказчыкам гэтага працэсу можа быць колькасны рост найбольш уплывовай беларускай партыі БСГ. З сярэдзіны лета да кастрычніка 1917 г. колькасны склад партыі ўзрос з 5 тыс. чалавек да 10 тыс., гэта значыць, за 3 з невялікім месяцы партыя павялічылася ў 2 разы. Для таго, каб уявіць ступень яе ўплыву, трэба нагадаць, што напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі беларускі нацыянальны рух выяўляўся ў дзеянні нешматлікіх, разрозненых груп.

Восенню 1917 г. пачалася паласа беларускіх вайсковых з’ездаў, якія з’явіліся новай моцнай плынню беларускага руху. На Усерасійскай дэмакратычнай нарадзе была абвешчана Дэкларацыя Беларускай вайсковай арганізацыі. У ёй выстаўляліся наступныя патрабаванні: “Мы, беларусы-вайскоўцы, ідучы нага ў нагу з прадстаўнікамі іншых нацыянальных дэмакратый Расіі, заяўляем: 1) аб катэгарычнай безадкладнасці пастуліравання Расійскай Дэмакратычнай Рэспублікі на федэратыўных пачатках, 2) аб неадкладнай неабходнасці правядзення ў жыццё пачаткаў аўтаноміі Беларусі ... 5) склікання Беларускага ўстаноўчага сходу” [7, с. 44]. Як бачна, ў заяве даволі выразна гучыць патрабаванне аўтаноміі.

18 – 24 кастрычніка адбыўся з’езд вайскоўцаў-беларусаў Заходняга фронту і прадстаўнікоў XII арміі, Балтыйскага флоту, Румынскага фронту. У рэзалюцыі, прынятай ім, гаворыцца, што

сваёй задачай ён лічыць: “палітычнае, культурнае і эканамічнае адраджэнне беларускага народа, аб’яднанне ў Беларускай Радзе ў Мінску, каб агульнымі намаганнямі беларускі народ, апіраючыся на здабытую аўтаномію, мог заняць месца ў вялікай Расійскай федэратыўнай (саюзнай) дэмакратычнай рэспубліцы як раўнапраўны член” [8].

Пасля таго, як у Часовую Цэнтральную Вайсковую Беларускаю Раду (ЧЦВБР) ўвайшлі прадстаўнікі, абраныя на вайсковых з’ездах Паўднёва-Заходняга і Паўночнага франтоў, з яе назвы было выключана слова “часовая”, і Цэнтральная Вайсковая Беларуская Рада стала галоўным каардынатарам беларускага руху ў арміі. Разам з Цэнтральнай Радай Беларускіх арганізацый, якая на сваёй другой сесіі (15-24 кастрычніка) была рэарганізавана ў Вялікую Беларускаю Раду, ЦВБР распачала арганізацыю агульнабеларускага з’езда, які б канчаткова вырашыў лёс Беларусі. Для гэтага меркавалася агульнымі намаганнямі згуртаваць вакол ВБР усе беларускія сілы.

Падводзячы вынікі стану развіцця ідэі беларускай дзяржаўнасці напярэдадні спробаў яе практычнай рэалізацыі, можна зазначыць наступнае. Па-першае, беларуская нацыя ў гэты час уступіла ў заключную фазу свайго фарміравання і была гатова весці барацьбу за права на самавызначэнне, але асаблівасці яе гістарычнага лёсу прывялі да пэўнай дэфармацыі яе сацыяльнай і эканамічнай структуры. Сярод галоўных праблем, якія заміналі працэсу дзяржаватворчасці, былі слабая класавая дыферэнцыяцыя, нізкі ўзровень урбанізацыі, развіццё капіталістычнай вытворчасці пераважна ў сельскай гаспадарцы пры наяўнасці значных перажыткаў феадалізму і вялікай аграрнай перанаселенасці, адсутнасць сістэмы нацыянальнай адукацыі і буйных універсітэцкіх цэнтраў. Па-другое, беларускі нацыянальны рух выпрацаваў свае асноўныя ідэалагічныя палажэнні, сярод якіх адно з галоўных займала патрабаванне права на самавызначэнне беларускай нацыі і патрабаванне аўтаноміі ў якасці канкрэтнай формы ўвасаблення гэтага права. Гэтыя патрабаванні былі характэрнымі і для іншых еўрапейскіх нацыянальна-вызваленчых рухаў дадзенага часу, што дазваляе разглядаць беларускі нацыянальны рух як частку еўрапейскага. Па-трэцяе, Першая сусветная вайна і Лютаўская рэвалюцыя выступілі ў якасці каталізатара беларускага

нацыянальнага руху і значна прасунулі наперад яго палітычныя патрабаванні. У гэты час фактычна фарміруюцца ўсе галоўныя ідэалагічныя плыні беларускага нацыянальнага руху і выпрацоўваюцца асноўныя падыходы да праблемы ўвасаблення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці.

Выкарыстаная літаратура

1. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. – 510 с.

2. Жылуновіч З. З’езд беларускіх нацыянальных арганізацый 25 сакавіка 1917г. // Полымя. – 1925. – № 6.

3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 60. – Воп. 3. – Сп. 151. – Арк. 3.

4. А.І. Усходняя Беларусь: Статыстыч. і гіст. матэрыялы. / А. І. – Мінск., 1918. – 56 с.

5. Парэчын, Г. Ідэя беларускай дзяржаўнасці перад утварэннем Савецкай Беларусі.// Запіскі адзелу гуманітарных навук: Працы кафедры сучаснага права. / Г. Парэчын – Мінск, 1929. – Т. 1.

6. Кнорин В. 1917 в Белоруссии и на Западном фронте. / В. Кнорин – Мінск., 1925. – 182 с.

7. Рудовіч С. Пошукі шляхоў да беларускай дзяржаўнасці (1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 4.

8. НАРБ. – Ф. 60. – Воп.3 – Сп. 338. – Арк. 7.

ТАДЭВУШ КАСЦЮШКА І ЯГО АДНОСІНЫ ДА ДЗЯРЖАЎНАГА ЛАДУ І ПРАВА

Саракавік І.А.г. Мінск, Акадэмія кіравання пры

Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

Андрэй Тадэвуш Банавентура Касцюшка (1746 – 1817 гг.) больш вядомы як кіраўнік паўстання 1794 г. і менш сваімі поглядамі на дзяржаўнасць і права. Яны выкладзены ў шэрагу яго прац. У «Мемарыяле аб Польшчы» (1793 г.) Касцюшка адзначыў значнасць і ролю Французскай рэвалюцыі ў распаўсюджванні па ўсёй Еўропе прынцыпаў свабоды і роўнасці. У той жа час, перамога Французскай рэвалюцыі, лічыў Касцюшка, гэта аснова новага дзяржаўнага ладу Польшчы. Тут жа ён выклаў праграму рэвалюцыйнай перабудовы Рэчы Паспалітай на рэспубліканскіх,

антыфеадальных пачатках. Ён лічыў, што ў выніку пераможнай рэвалюцыі павінны адбыцца ліквідацыя каралеўскай улады, чыноў вышэйшага духавенства; скасаванне Сената, свабода і роўныя правы для ўсіх; атрыманне кожным чалавекам, незалежна ад месца пражывання, паходжання, саслоўя ці веравызнання, свабоды набываць ці валодаць нерухомай маёмасцю; права выбіраць і быць выбраным на ўсе дзяржаўныя пасады тымі, хто валодае нерухомай маёмасцю ці плаціць падатак; поўная ліквідацыя прыгоннага стану сялян, узбраенне ўсяго народа; «каронныя маёнткі, староствы і царкоўныя ўладанні павінны служыць для ўтрымання войска» [1, с. 506 – 507].

7 мая 1794 г. у лагеры пад Паланцом Т. Касцюшка выдаў вядомы «Паланецкі ўніверсал». З аднаго боку, гэта была ў пэўнай ступені праграма дзеянняў новых сіл Польшчы, з другога – рэакцыя на заклік «маскалёў», як значылася ў нарматыўным акце, да сялян выступіць супраць тых, хто паўстаў, грабіць маёнткі паноў, якія ажыццяўляюць супраць іх дэспатызм. Пацвярджэннем апошняму з’яўляецца прызнанне ў гэтым акце Т. Касцюшкі лютага абыходжання памешчыкаў з простым народам, што «часта дае аснову маскалям асуджаць усю нацыю. Сведчаннем таму – скаргі ад салдат і рэкрутаў, што іх жонкі і дзеці не атрымліваюць ніякай дапамогі» [1, с. 519 – 514].

У сувязі з гэтым Т. Касцюшка даручыў камісіям кіравання ваяводствамі і землямі давесці да ўсіх памешчыкаў, гаспадароў маёнткаў і служачых, іх замяняючых, распараджэнне, у якім значылася, што просты народ, згодна закону, знаходзіцца пад апякунствам урада краіны; асоба кожнага селяніна свабодна і ён мае права перасяліцца туды, куды пажадае, заплаціўшы падаткі. Артыкул 3 акта ўстанаўліваў льготы пры адбыванні паншчыны: той, хто працаваў 5 ці 6 дзён у тыдзень, павінен працаваць на 2 дні менш; той, хто працаваў 2, 3 ці 4 дні у тыдзень, павінен працаваць на 1 дзень менш; той, хто працаваў у тыдзень адзін дзень, павінен працаваць адзін дзень у два тыдні. Аднак гэта ільгота распаўсюджвалася толькі на перыяд паўстання.

Менавіта інтарэсы паўстання прывялі да таго, што артыкулы 4 і 5 акта падтрымлівалі тых, хто прымаў у ім удзел: яны вызваліліся ад паншчыны, а пра іх гаспадарку павінны былі паклапаціцца мясцовыя ўлады. У артыкулах 7 і 8

прадугледжвалася пакаранне прадстаўнікоў мясцовых органаў улады і памешчыкаў, якія парушалі гэта распараджэнне.

«Паланецкі ўніверсал» прадугледжваў таксама дзейнасць мясцовых органаў улады і ўтвораных новых органаў паўстання – камісій кіравання і дзорных упраўленняў (арт.10 – 12) [1, с. 520 – 524; 2, с. 664 – 666].

Такім чынам, гэтым актам устанаўліваліся мясцовыя органы ўлады, рэгуляваліся адносіны паміж сялянамі і памешчыкамі, паміж імі і ўладнымі ўстановамі, гарантавалася апека ўрада над сялянамі і яны абвяшчаліся асабіста вольнымі, але зямлі не атрымалі. Гэтым актам кіраўнік паўстання хацеў прыцягнуць сялян да выступлення супраць царскага самаўладдзя.

Тут неабходна заўважыць, што яшчэ задоўга да прыняцця Канстытуцыі 3 мая 1791 г. Т. Касцюшка выказаў сваё незадавальненне прыгонным правам. Пазней, 2 красавіка 1817 г., у сваім тастаменце ён запісаў: «Глубоко чувствую, что крепостное состояние противоречит закону природы и благополучию народов, я свидетельствую настоящим, что уничтожаю его полностью и на вечные времена в моем имении Сехновичи в Брест-Литовском воеводстве как от моего имени, так и от имени будущих его владельцев» [1, с. 500, 538].

У той жа час ён не хацеў адштурхнуць ад паўстання шляхту, якая, валодаючы пэўнымі матэрыяльнымі і фінансавымі сродкамі, магла падтрымаць выступленне за незалежнасць Польшчы, і таму не адмяніў прыгоннае права.

Заслугоўвае ўвагі і артыкул Т. Касцюшкі «Дозоры» у газеце «Дневник народного восстания» у трэцім нумары за 1794 г. У ім аўтар правамерна заўважыў, што правосуддзе неабходна аддаць «в те руки, которые нас кормят и охраняют». Калі ж пакінуць усё, як ёсць цяпер, «в руках тех, которые всегда были его тиранами, он (народ. – І. С.) не поверит ни в правосудие, ни в данную ему свободу и не пойдет в доблестном порыве защищать их». На яго погляд, «правосудие – это основа свободы. Без правосудия свобода является болезнью для общества». Тут жа ён прапанаваў прыкласці намаганні для выкаранення таго, «что всегда было вреднейшим недостатком поляков. Писали законы, но никогда не следили за их исполнением...».

У гэтым артыкуле Т. Касцюшка выступіў супраць несправядлівасці, у падтрымку сялян, простага народа. «Гнев начинает раздирать сердце, – піша ён, – когда тиран, чтобы умножить свою роскошь, вырывает из рук крестьянина то, что он приготовил для своих голодных детей. Все дани, подати и барщинные работы зависели от каприза пана». Т. Касцюшка быў перакананы, што «правительство, как наивысшая опека народного счастья, невзирая на убытки, понесенные частными лицами, должно искоренить тиранию, уничтожить несправедливость, подавляя непослушание и усмиряя своеволие землевладельцев...

Правительство должно быть одинаково благосклонно ко всем, каждому предоставляя свободу вероисповедования. Нужно, чтобы в этом правительстве подражало самому небу, которое, как говорит Фенелон, имея под собой разных людей, всем одинаково посылает свет и влагу» [1, с. 525 – 528].

На працягу ўсёй сваёй палітычнай дзейнасці Т. Касцюшка імкнуўся быць паслядоўным прадаўжальнікам ідэй Ж.Ж. Русо, Ш. Монтэск'е, Т. Джэферсана і іншых прагрэсіўных дзеячоў. Яго дзяржаўна-прававыя і грамадска-палітычныя погляды найбольш поўна былі выкладзены ў брашуры «Ці могуць палякі дабіцца незалежнасці?», выдадзенай у 1800 г. у Парыжы. У ёй важна яго палажэнне аб тым, што першай крыніцай заняпаду дзяржавы з'яўляецца страта народамі сілы духу і веры ў сябе, а таксама антынародная палітыка магнатаў, калі яны пачалі «імкнуцца не да дабрабыту, а да задавальнення ганарыстасці магнацкіх прозвішчаў... Магнаты былі зацікаўлены ў тым, каб пераканаць нацыю ў яе нікчэмнасці і слабасці, упэўніць яе ў тым, быццам яна нічога не можа дасягнуць сваімі ўласнымі сіламі, без дапамогі суседняй дзяржавы, бо яны ўзбагачаліся, гандлюючы яе крывёю ля падножжа тронаў. Магнаты былі зацікаўлены ў аслабленні духу сваіх суайчыннікаў, у прыніжэнні іх годнасці для таго, каб, не ведаючы сваёй сілы, яны не маглі скінуць з сябе ганебнай апекі, у адваротным выпадку магнаты страцілі б увесь свой уплыў і аўтарытэт» [3, с. 232–233]. Значыць, галоўнай прычынай заняпаду Рэчы Паспалітай ён лічыў класавыя супярэчнасці, антынародную палітыку магнатэрыі дзяржавы.

Адначасова Т. Касцюшка крытыкаваў феадальна-памешчыцкі лад, адзначаючы, у прыватнасці, што ў дзяржаве, дзе

ёсць урадлівыя землі, сяляне амаль паміраюць ад голаду і нястачы, слаба развіта прамысловасць, рамяство, навука, а «шляхта ўмела толькі тыраніць сялян». У той жа час ён быў прыхільнікам неабходнасці захавання і аховы права прыватнай уласнасці, буржуазных пераўтварэнняў у краіне. Ён лічыў, што, «хоць прынцыпы свабоды і роўнасці дапускаюць усіх аднолькава да займання ўрадавых пасадак, аднак ... я б жадаў, каб асобы, якія зоймуць месцы ва ўсіх магістратурах, былі абраны з ранейшых саслоўяў».

Важнымі з'яўляюцца яго разважанні наконт суадносін свабоды і законнасці. Згодна з імі, «рэвалюцыя праводзіцца не для таго, каб зняць усякую аброць са свавольства, наадварот, яна ставіць сабе за мэту ўстанавіць парадак, падпарадкаваць закону ўсякія правапарушэнні, прывучыць падпарадкоўвацца ўладам, устаноўленым нацыяй, ахоўваць уласнасць кожнага, якая складае аснову грамадства. Усім даюцца аднолькавая свабода і роўныя правы, але нікому не дазваляецца ўчыняць злачынствы... Правасуддзе павінна быць пагрозай для злачынцаў, але не помстай; невінаватым жа яно служыць прытулкам. Тыя, хто думае, што важней не ўпусціць злачынцаў, чым стварыць бяспеку невінаватым, робяць жудасную памылку... Хто не паважае ўстаноўленай над ім улады, парушае правы нацыі, учыняе крыўды і грабязы, той разбойнік і злодзей. Рэвалюцыя якраз і ставіць сабе за мэту выпраўленне заганаў, знішчэнне злачынстваў і ўкараненне ў сэрцы ўсіх грамадзян міласэрнасці і дабрадзейнасці» [3, с. 233].

Т. Касцюшка Т. лічыў вельмі важным правядзенне шырокай асветы насельніцтва, якая дазваляла б яму актыўна ўдзельнічаць у заканадаўстве. Ён пісаў, што да рэвалюцыі французы не займаліся грамадскімі справамі, а «калі яны атрымалі права ўдзельнічаць у заканадаўстве, то пачалі вучыцца яму і думаць над інтарэсамі нацыі», бо заканадаўства патрабуе вялікіх ведаў.

Прагрэсіўна яго палажэнне і аб тым, што ўсе сацыяльныя слаі насельніцтва і, так званыя, ніжэйшыя, а не толькі каралеўская ўлада і шляхта, маюць права ў вырашэнні дзяржаўных праблем. Не без падстаў, гаворачы пра каралеўскую ўладу і шляхту, ён пытае: «Кожны ведае, што яны не валодаюць прывілеяваным розумам; чаму ж яны прысвоілі сабе права распарадкаваць лёсам нацыі без іх волі?».

Т. Касцюшка звярнуў увагу і на такую сацыяльную праслойку грамадства, як бадзягі, п'яніцы, дармаеды. Па яго меркаванню, да іх трэба адносіцца сурова і неабходна выкарыстоўваць на грамадскіх работах, будаўніцтве дарог, каналаў, брукаванні вуліц у гарадах з выплатай памяркоўнай узнагароды.

Заслугоўвае ўвагі і яго палажэнне наконт таго, што незалежнасці можна дасягнуць толькі на аснове ўласных намаганняў. Т. Касцюшка перакананы, што «надежда на чужеземцев ничего не даст», і не без падстаў задае пытанне: «Есть ли страна в мире, которая достигла высокой степени славы под чужой опекой?». Ці яшчэ: «Мало обнаружить стремление к порядку и справедливости, нужно еще обладать мужеством, чтобы отстоять их». [1, с. 540, 544].

Гэтыя дзяржаўна-прававыя ідэі Т. Касцюшка лічыў неабходнай умовай для перамогі рэвалюцыі ў Рэчы Паспалітай. Аднак унутрыпалітычнае становішча ў дзяржаве, расстаноўка палітычных сіл унутры яе прымусалі яго ў ходзе паўстання 1794 г. узгадняць свае дзеянні са шляхтай і мяшчанами і да часу не поўнасцю прытрымлівацца сваіх дзяржаўна-прававых поглядаў.

Прававыя і палітычныя ідэі Т. Касцюшкі вызначылі новае накіраванне ў палітычнай барацьбе ў Рэчы Паспалітай і садзейнічалі падрыхтоўцы і зараджэнню рэвалюцыйнага дэмакратычнага руху ў Польшчы, Беларусі і Украіне.

Выкарыстаная літаратура

1. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. 1. – М.: Госиздат полит. лит., 1956. – 784 с.
2. Костомаров, Н.И. Старый спор (Последние годы Речи Посполитой) / Н.И. Костомаров. – М.: Чарли, Смоленск: Смядынь, 1994. – 768 с.
3. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. – 671 с.

РЭЦЭПЦЫЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПОСТАЦІ ТАДЭВУША КАСЦЮШКІ І ПАЎСТАННЯ 1794 Г. У “БЕЛАРУСКАЙ ПЕСНІ ПРА КАСЦЮШКУ”

Трафімчык А. В.

г. Мінск, БІП-Інстытут
правазнаўства

У беларускай літаратуры не існуе, так бы мовіць, “касцюшкіяды”, хаця напачатку такія тэндэнцыі назіраліся. Беларусы шанавалі памяць пра Тадэвуша Касцюшку у легендах, паданнях, песнях, якія ўзнікалі і працяглы час бытавалі ў народным асяродку яшчэ пры жыцці героя. Гэта інфармацыя ідзе ў разрэз з меркаваннем Ігната Храпавіцкага – прадстаўніка старажытнага шляхецкага роду, прыхільніка абуджэння беларусаў як народа (1817 – 1893 гг.). Даследчык XIX ст. у 1843 г. лічыў тагачасны беларускі этнас выключна апалітычным у сваім паэтычным фальклоры: “Калі мы будзем шукаць у ёй (паэзіі беларускага народа. – А. Т.) адлюстраванне палітычных здарэнняў, якія адбываліся колісь у краі, успамінаў пра людзей, што маглі на іх уплываць і вартасцямі ці заганамі прыцягваць да сябе ўвагу народа, баюся, каб наша праца не была зусім марнаю. Люд у беларускіх правінцыях з таго часу, як гісторыя наша пачынае высветлівацца, аніякага не браў удзелу ў кіраўніцтве краем, ні ў беспарадках, якія бесперапынна мянялі палітычную арганізацыю. Ён падпадаў пад уплыў Літвы (sic!), Польшчы і Расіі, абьякава пазіраючы на войны, якія вялі між сабою тыя дзяржавы. Дык нас не павінна здзіўляць, што ён не захаваў у памяці тыя здарэнні ды не апяваў учынкаў ваяра, якога не ведаў, як назваць, ворагам ці братам” [1, с. 177–178].

Адным з твораў, якія абвяргаюць меркаванне І. Храпавіцкага, з’яўляецца ліра-эпічны сказ, умоўна названы даследчыкамі “Беларускай песняй пра Касцюшку”. Твор упершыню быў запісаны і апублікаваны паралельна двума збіральнікамі фальклорнага багацця – Паўлам Шэйнам [2, с. 384] і нейкім Пламеньчыкам [3] ва ўсходняй частцы Беларусі ў другой палове XIX ст. (адпаведна, пад Барысавам і Лепелем), а трохі пазней, у 1903 г. – Вячаславам Камінскім у Відзах (Браслаўшчына – Паўночная Беларусь) [4]. Гэта цікава і ў нейкім сэнсе знамянальна ўжо само па сабе, бо сведчыць пра этнічнае адзінства вялікай беларускай тэрыторыі: як бачна з песні, насельніцтва нават тых земляў, на якіх практычна не вяліся

ваенныя дзеянні, усведамляла падзеі паўстання як ім блізкія і ў той жа час, не зважаючы на асіміляцыйную палітыку суседзяў, выразна адрознівала сябе ад палякаў і расейцаў (“маскалёў”).

Савецкія выданні запісаў песень П. Шэйна, атрымаўшы сацыяльную структурызацыю, гэтай песні не ўтрымліваюць. Ёсць толькі зазначэнне, што салдацкія песні на Беларусі з’явіліся і развіваліся ў канцы XVIII – пачатку XIX стст. і мелі ўплыў рускіх салдацкіх песень, бо рэкруты заносілі іх у рэпертуар беларускай вёскі. Арыгінальныя салдацкія песні на тэрыторыі Беларусі, гаворыцца ў выданні “Беларускія народныя песні” 1962 г., “па ідэйнаму зместу блізкія да рускіх песень” [5, с. 416]. Падагнанасць пад ідэалагічныя патрабаванні бачыць братэрства ўсходнеславянскіх народаў відавочная: у канцы XVIII ст. рэкруты не маглі заносіць сваіх песень у рэпертуар беларускай вёскі, тым больш ідэйна блізкіх да рускіх, па той простае прычыне, што першыя рэкруты родам з Беларусі ў расійскім войску з’явіліся толькі пасля другога падзела Рэчы Паспалітай (1793 г.), калі на беларускіх землях была ўведзена рэкруцкая павіннасць [6], і вярталіся яны дадому ў масавым парадку як мінімум праз чвэрць стагоддзя (такі быў тэрмін рэкрутчыны), гэта значыць, калі пачатак XIX ст. застаўся ў гісторыі. Ва ўступным слове да раздзелу “Салдацкія песні” згаданай кнігі дадаецца, што “ў некаторых салдацкіх песнях ёсць водгукі розных гістарычных падзей” [5, с. 416], але якіх менавіта, не паведамляецца.

Сюжэтна варыянты песень, запісаных Шэйнам і Пламеньчыкам, падобныя (браслаўская інтэрпрэтацыя дайшла ва ўсечаным выглядзе – без пачатковай часткі): жаўнер выязджае “Маскву ваёваць”, развітваецца з каханай, якая пасля пагібелі героя галосіць па ім. Твор выкананы ў класічных традыцыях гэтага жанру. Патэтычнае гучанне яго дасягаецца рознымі сродкамі: танічная рытміка ў звязку з сінтаксічнымі канструкцыямі (інверсіі, паўтарэнні, супрацьпастаўленні) стварае ў песні адпаведны настрой. Гэта дапаўняецца яшчэ і іншымі спосабамі: прыёмам і сімвалізацыі (напрыклад, у шэйнаўскай публікацыі фігуруе “Дунай-рэчанька” як традыцыйны сімвал нейкай мяжы, за якой знаходзіцца няродная зямля; сімвалічна і спатыканне ў варотах каня Касцюшкі, што з’яўляецца кепскай прыкметай) [7, с. 450; 8, с. 154–156], іншасказаннямі (“*Вазьмі, маці, пяску жменю, / Пасей на каменю. /*

Як той пясок узыйдзець, / Так Касцюшка з вайны прыдзець”, паралелізму (“*Ляціць пятух чэраз рэку, / Пяе кукарэку, / Я ня ўвіжу Касцюшэчкі / Ад веку да веку. / Ляціць воран чэраз морэ, / А лятучы крачыць, / А хто ж майго Касцюшэчкі / Магілу аплачыць?*”) і г. д. – з публікацыі Пламеньчыка [9]. Вобраз Тадэвуша Касцюшкі выпісаны, па слухнай заўвазе А. Каўкі, і ў Пламеньчыка, і ў П. Шэйна “экспрэсіўнымі тонамі народнага спачування і жалю” [9], таксама досыць алегарызаваўся, “заархетыпіўся”, ператварыўшыся ў вобраз напauлегендарнага, напauрэльнага гістарычнага змагара. На карысць гэтай думкі сведчыць рэзкае разыходжанне з сапраўднымі фактамі яго біяграфіі: Касцюшку не забілі, як у мастацкіх мэтах падае песня, а ўзялі ў палон, лінія кахання героя – таксама мастацкая выдумка фальклорнага твора. Такім чынам, можна лічыць, што падзеі паўстання сталі глебай для стварэння песні, а кіраўнік паўстанцаў – прататыпам яе галоўнага героя.

Нягледзячы на адносную і геаграфічную, і культурную блізкасць рэгіёнаў, дзе ў XIX ст. былі запісаны варыянты песні (Барысаўшчына і Лепельшчына), пры інтанацыйнай і экспрэсіўнай тоеснасці іх характар мае адно істотнае адрозненне: “у шэйнаўскай публікацыі заўважаецца пэўная сацыяльная і нацыянальная адчужанасць да паўстання як да чыста шляхецкага і польскага” [9]. Гэта магчыма вытлумачыць большым уплывам падзей паўстання на Лепельшчыне. Думаецца, што некаторыя прадстаўнікі гэтага рэгіёна бралі ўдзел у збройным чыне (калі такія факты маюць месца, то ўсё зразумела). У той час, калі Барысаўшчына аказалася ў стратэгічным тыле расійскіх войскаў – за Мінскам, якога паўстанцы (атрад С. Грабоўскага) узяць не рашыліся, рушыўшы на паўднёвы ўсход, да Бабруйска. На паўночным захадзе ж ад Лепеля, на Браслаўшчыне, дзейнічаў атрад славутага кампазітара М.К. Агінскага [10], таму і нацыянальны, і сацыяльны аспекты ўспрымання падзей, іх мастацкая інтэрпрэтацыя там маглі быць рознымі.

Варыянт, занатаваны Камінскім В. на Браслаўшчыне, да таго часу па нейкім прычынам застаўся без першапачатковай завязкі. Песня пачынаецца з кароткага, канстатацыйнага апісання сутыкнення шляхты і маскалёў і вынікаў гэтай падзеі. Падобныя радкі прысутнічаюць і ў публікацыі песні, зробленай Шэйнам П.

Ляжаць, ляжаць палячанькі

Па тры па чатыры.

Ляжыць, ляжыць пань Касцюшка

Ашъ падъ Бѣлым-стокомъ...

Але, у адрозненне ад абодвух варыянтаў, пазнейшы запіс мае павялічаную канцоўку са з’едлівай рыторыкай – своеасаблівай высновай адносна падзеі.

«Палячанькі дварачанькі!

Дзѣ жъ вы царства дзѣлі?

У Варшаві, ў слаўным мѣсця

На абѣдзя зъ ѣли

Палячанькі дварачанькі!

Дзѣ жъ вашъ розумъ дзѣўся?

У сабакі блізка сракі,

Падъ хвостомъ звярц’еўся. [4, с. 756].

Саркастычныя інтанацыі твора, думаецца, у дадзеным выпадку сведчаць пра ацэнку той падзеі як пэўнай авантуры. Указаная А. Каўкам прысутная ў шэйнаўскай публікацыі сацыяльная і нацыянальная адчужанасць прасочваецца і ў варыянце, зафіксаваным В. Камінскім Між тым, на Браслаўшчыне полымя паўстання шугала на ўсю моц, мясцовы люд браў удзел у збройным чыне [11]. Таму верагодна, што такія адценні, як і сама павялічаная да пачатку XX ст. канцоўка песні (пры страце пачатку), узніклі пазней. Такім чынам, дадзеная адчужанасць абумоўлена ў гэтым выпадку часовай адлегласцю, у ходзе якой з розных прычын – найперш ідэалагічнай асіміляцыі і культурнай русіфікацыі – паўстанне “тутэйшымі” стала ўспрымацца як польскае.

Рэцэпцыя і мастацкая канструкцыя вобраза Касцюшкі ў песнях таксама не тоесная. У лепельскім варыянце прысутнічае эмпатыя ў сувязі з трагічным лёсам героя, ступень якой значна змяншаецца ў запісанай пад Барысавам песні і, бадай, не захоўваецца да пачатку XX ст. у браслаўскім варыянце.

Такім чынам, як паказвае аналіз, з аднаго боку, існаванне “Беларускай песні пра Касцюшку” у розных рэгіёнах сведчыць пра іх роднаснасць як тэрыторыі адной народнасці, аднак, з іншага боку, адрозненні, разыходжанні ў інтэрпрэтацыях і ўспрыманні апісваемых падзей, а таксама ў канструяванні вобраза галоўнага героя – Касцюшкі гавораць пра неаднолькавую ступень уздзеяння

тых падзей на насельніцтва рэгіёнаў Беларусі. Адметна, што адчужанасць ад гістарычнай постаці Касцюшкі ў беларускім фальклору ўзрастае з часам: пакрысе давалася ў знакі нацыянальнае развіццё беларусаў у рамках Расійскай імперыі.

Выкарыстаная літаратура

1. Храпавіцкі, І. Погляд на паэзію беларускага люду / І. Храпавіцкі // XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах. – Мінск, 2000. – Кніга другая. – С. 171–190.

2. Шейн, П.В. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П.В. Шейн. – СПб.: Типография Майкова, 1874. – 566 с.

3. Płomieńczyk. Pieśń białoruska o Kościuszcze / Płomieńczyk // Dziennik poznański. – 1882. – 23 marca. – S. 1.

4. Каминский, В. Бѣлоруссы Ново-Александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ ихъ пѣсняхъ, обрядахъ и обычаяхъ (Изъ отчета о командировкѣ съ этнографической цѣлью въ апрѣлѣ 1903 года) / В. Каминский // Филологические записки. – Воронеж, 1910. – Выпуск V. – С. 755–756.

5. Беларускія народныя песні. Са зборнікаў П. Шэйна. Склаў К. Кабашнікаў. – Мінск: Дзяржвыд БССР, 1962. – 429 с.

6. Бекцінееў, Ш. Рэкруцкая павіннасць / Ш. Бекцінееў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М.А. Ткачоў [гал. рэд.]. – Мінск. Беларуская энцыклапедыя, 1993–2003. – Т. 6. Кн. I / Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2001. – С. 170.

7. Салавей, Л.М. Дунай / Л.М. Салавей // Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2005. – Т. 1: Акапэла – Куцця. – С. 450.

8. Драздоў, Ю. / Ю. Драздоў, Л. Салавей // Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.] – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 154-156.

9. Каўка, А. Наш Касцюшка / А. Каўка // Голас Радзімы. – 1990. – 3 мая. – С. 7.

10. Емельянчык, У. Дыверсійныя рэіды ў паўстанні 1794 г. на Беларусі / У. Емельянчык // Спадчына, 1994, № 3. – С. 52-58.

11. Паўстанне 1794 г. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://sosnyrest.narod.ru/1794g2.htm>. Дата доступу: 13.01.2013.

АБРАДЫ ВЕСНАВОГА ЦЫКЛУ БЕЛАРУСАЎ ЯК СПОСАБ САЦЫЯЛІЗАЦЫІ ДЗЯЦЕЙ (НА МАТЭРЫЯЛАХ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ ХІХ СТ.)

Якубінская А. Дз.г. Мінск, БНТУ

Працэс сацыялізацыі ў традыцыйным грамадстве з’яўляецца аптымальным механізмам уключэння дзяцей у сялянскую грамаду і вызначаецца міжпакаленнай трансмісіяй традыцыйнай культуры. Механізм сацыялізацыі ў традыцыйным грамадстве беларусаў другой паловы ХІХ ст. гарантаваў з’яўленне паўнаважных членаў сялянскай грамады: здаровых людзей, здольных працаўнікоў, якія ведаюць і ўшаноўваюць духоўную спадчыну сваіх прашчुरаў, прытрымліваюцца маральных норм і выконваюць законы звычайнага права. Перадача культурнага вопыту, уздзеянне традыцыі пачыналася ў сялянскім грамадстве беларусаў з моманту нараджэння дзіцяці, што і абумоўлівае цікавасць да вывучэння працэсу сацыялізацыі на першых этапах жыццёвага цыклу чалавека – перыядаў маленства і дзяцінства (ад нараджэння да 12-14 гадоў). Месца і роля дзяцей у гэтых абрадах была дакладна вызначана і абумоўлена іх сацыяльным статусам. Больш таго, сістэма абрадаў была пабудавана такім чынам, што дзіця ўсведамляла ўсю неабходнасць свайго ўдзелу ў тым ці іншым абрадзе, а таксама прававую сілу рытуала, які сімвалічнымі сродкамі вызначаў далейшы лёс яго выканальнікаў і, нават, служыў своеасаблівым каталізатарам духоўных і маральных каштоўнасцяў сялянскага грамадства.

У традыцыйным грамадстве беларусаў існавала перакананне, што ўдзел дзяцей у абрадах веснавога цыклу проста неабходны з-за іх “звышнатуральнай уласцівасці” быццам бы ўплываць на сілы і з’явы прыроды, ураджай, прыплод жывёлы. Вылучаюцца такія веснавыя дзіцяча-юнацкія святы як “Гуканне вясны”, Свята Тройцы (Сёмуха, “Зялёнае свята”) [1, с. 208–211]. Удзел дзяцей у абрадах веснавога цыклу быў накіраваны на набыццё імі поспеху ў будучай працоўнай дзейнасці, на захаванне здароўя на ўвесь будучы год. На *Грамніцы*, паводле народнага павер’я, зіма з вясной сустракаюцца, каб убачыць гэту сустрэчу і “атрымаць ад зімы ў падарунак чырво-

ныя боцікі” босыя дзеці па снезе беглі на гумно [8, с. 136]. Але, калі яны ў распачы вярталіся дадому, дарослыя звярталі іх увагу на чырвоныя ад холаду ногі – гэты і ёсць чырвоныя боцікі.

У кліматычна-геаграфічных умовах Беларусі час “гукання вясны” прыпадаў на свята *Блажавешчання* (Дабравешчання, Звеставання). Дзіцячыя гурткі хадзілі па вёсцы і спявалі падобную на заклінанне вяснянку, у якой жадалі добрага ўраджаю, скаціне – прыплоду, сям’і – дабрабыту, за што атрымлівалі ласункі – сушаныя чарніцы, яблыкі, гарбузікі, а то нават і яйкі, хлеб, каўбасы. У вяснянках таксама прасочваецца ўяўленне беларускіх сялян аб “магчымасці” дзяцей уплываць на ўрадлівасць і плоднасць:

Благаславі, Божа, зіму замыкаці,
Зіму замыкаці, вясну загукаці.
Дай, Божа, на жытачка род,
На жытачка род,
На статачак плод,
На статачак плод
Людзям на здароўе [9, с. 126].

Сам абрад гукання вясны выконвалі дзяўчаты, якія збіраліся на свабодныя ад снегу ўзвышшы і, седзячы кружком на падасланай саломе, спявалі песні-вяснянкі. Сялянкі Наваградскага павета Мінскай губерні на Блажавешчанне пяклі для сваіх дзяцей піражкі ў форме буслоў – “галіопы”. Дзеці ў гэты дзень звярталіся да бусла з адмысловым прыгаворам: “Бусля, бусля, на табе галіопу, а мне дай жыта копу!” [5, с. 102]. А маленькія хлопчыкі ў гэты дзень бегалі на суседняе дварышча і збіралі там трэсачкі, каб суседскія куры хадзілі да іх несці яйкі, што з’яўляецца своеасаблівай праявай рэшткаў старажытных магічных дзеянняў, так званая, “сімільная магія”.

Вельмі цікавыя абрады выконваліся дзецьмі на *Саракі*. У гэты дзень, паводле народных уяўленняў, з поўдня вяртаецца сорок выраяў. Маці выпякалі сваім дзецям “жаўранкаў” з цеста, а малыя падкідвалі іх дагары з просьбай аб хутчэйшым прылёце птушак [8, с. 147]. На Саракі хлопчыкі павінны былі да ўзыходу сонца прынесці з дварышча 40 трэсачак і высыпаць іх пад печ. Той, хто так зробіць, быццам бы знойдзе сорок птушыных гнёздаў вясной. Таксама ў гэты дзень для моладзі і дзяцей у варотах гумна ладзілі арэлі, на якіх трэба было абавязкова пагойдацца, каб набыць здароўе на ўвесь год [8, с. 142]. Ва Увараўскай воласці Ельнінскага

павета на Саракі дзеці рабілі невялікую труну з рэдзькі, куды змяшчалі тараканаў, прусоў, клапаў. Гэтую труну з лыкавым крыжам яны неслі на пахаванне і, закапаўшы яе, прыгаворвалі: “Жылі не сяляне, памерлі не радзіцелі.” [2, с. 145]. Тут цікава адзначыць, што дарослыя сяляне, вярнуўшыся з пахавання нябожчыка, гаварылі: “Няхай мруць клапаы і тараканы, а нам добрага здароўя!” [3, с. 315]. Так пэўным чынам трансфармавалася і праявілася ў каляндарнай абраднасці асэнсаванне дзецьмі пахавальных традыцый беларускіх сялян.

Вялікадню папярэднічала свята *Вербная нядзеля*, “якая захавала з язычніцкіх часоў вераванні аб перадачы здароўя, сілы адроджанай прыроды чалавеку праз непасрэдны кантакт (кантактная магія)” [4, с. 48]. Так, у вёсцы Шаркаўшчызна Дзісенскага павета Віленскай губерні маці на Вербную нядзелю забараняла сваім дзецям есці да канца абедні (асвяшчэння вярбы), каб дзеці нашча з’елі тры пупышкі свянцонай вярбы, што быццам бы абароніць іх ад веснавой ліхаманкі [5, с. 104]. Агульнавядомы звычай хвастаць усіх сустрэчных асвячонамі ў царкве галінкамі вярбы, што быццам бы забяспечвае здароўе на ўвесь будучы год, прыгаворваючы пры гэтым: “Будзь здароў, як вада, а расці, як вярба!” [5, с. 89–90].

У некаторых мясцовасцях Беларусі ў апошні дзень велікоднага тыдня сяляне адведвалі на могілках памерлых родзічаў і сваякоў. На Віцебшчыне ў чацвер велікоднага тыдня сяляне паміналі сваіх памерлых дзетак, для чаго варылі яйкі па іх колькасці і, пакачаўшы яйкі па траве на дзіцячых могілках, з’ядалі [7, с. 244].

Святам пастухоў у беларускіх сялян было *Юр’я*, калі ўпершыню выганялі жывёлу ў поле. У гэты дзень гаспадары частавалі пастухоў хлебам, салам, кілбасамі, давалі сырыя яйкі, з якіх пастухі пяклі сабе яешню, выгнаўшы статак на поле, і святкавалі Юр’я [5, с. 117]. У традыцыйным грамадстве беларусаў існавала “школа пастухоўства” – культурны феномен, накіраваны на фарміраванне ў хлопчыкаў мужчынскай адаптацыйнай стратэгіі: мужчынскай свядомасці і адпаведных паводзін, актыўнай сацыяльнай ролі [10, с. 92]. У хлопчыкаў з 7 год пачынаўся “пастухоўскі век” [9, с. 10]. Некаторыя хлопчыкі, а часам і дзяўчынкі з бедных сем’яў вымушаны былі наймацца ў пастухі ці

падпаскі да больш заможных сялян. Гэты занятак лічыўся цяжкім і непрэстыжным, да таго ж праца падпаска вельмі танна каштавала.

Сляды старажытнага культу расліннасці прасочваюцца ў свяце *Сёмухі* (Тройца, Зялёнае свята), бо хату і падворак сяляне ўпрыгожвалі “маем” – галінакамі бярозы, клёну, ліпы [4, с. 56]. На Сёмуху дзяўчаты ў лесе “завівалі бярозкі” (перапляталі бярозавыя галінкі), частаваліся яешняй і спявалі траецкія песні, у якіх прасочваецца аналогія з жаночым лёсам. Пасля спеваў дзяўчаты махалі фартухамі і папарна праходзілі пад звязанымі за верхавіны бярозкамі, здзяйсняючы такім чынам абрад “кумлення” [9, с. 190]. Цікава адзначыць, што і ў частаванні пастухоў на Юр’я, і ў частаванні дзяўчат на Сёмуху прысутнічае яешня, таму, магчыма, тут можна весці размову аб агульнай абрадавай страве гэтых веснавых святаў. Таксама ёсць сведчанні, што на свята Сёмухі бацькі не выпускалі дзяцей з дому гуляць у лес, бо там бегае “тучніца” (ваўчыная зграя), ці ў поле, засцерагаючы іх ад русалак [5, с. 120].

Далучэнне да традыцыі ўшанавання продкаў пачыналася з маленства з удзелам дзяцей у абрадах *Радаўніцы* і *Дзядоў* [1, с. 210]. Рытуальная вячэра на Дзяды прадугледжвала саджанне за стол усіх членаў роду адпаведна прынцыпу старшынства, у тым ліку, і дзяцей. Даследчык, які працаваў пад крыптанімам Л.С., пры апісанні памінальных трапез на Дзяды звяртае ўвагу на тое, як бацькі знаёмяць дзяцей з асаблівасцямі прыняцця ежы падчас памінальнай вячэры: пасля кожнага глытка трэба класці лыжку на стол, “каб памерлы продак таксама змог зачарпнуць ежы і не застацца галодным” [6]. У вёсцы Маркава Вілейскага павета Віленскай губерні напрыканцы абрадавай вячэры на Дзяды існаваў звычай даваць гасцям па адной шклянцы парнога малака ў памяць аб памерлых немаўлятах [5, с. 122]. Гэта, сведчыць аб тым, што ў традыцыйным грамадстве беларусаў існавала асэнсаванне каштоўнасці і значнасці кожнага чалавечага жыцця. Такім чынам, працэс трансляцыі дзецям традыцыйных культурных каштоўнасцей, іх далучэнне да традыцыі ўшанавання продкаў садзейнічаў самавызначэнню дзіцяці, якое пачынала атаясамліваць сябе з пэўным родам, прадстаўнікі якога займалі ўласную нішу ў грамадстве.

Удзел дзяцей у каляндарных абрадах веснавога цыклу пачынаўся з пяці – шасцігадовага ўзросту, калі дзіця пачынала ўключацца ў працоўную дзейнасць сялян праз фарміраванне ўласных працоўных абавязкаў у бацькоўскай гаспадарцы. Таму месца дзіцяці ў абрадавых дзеяннях сям’і вызначалася яго гаспадарчай роляй. Амаль усе абрады, выканальнікамі якіх былі дзеці і моладзь, звязаны са святкаваннем “пачатку” (святы “Васілля”, “Туканне вясны”, “Сёмуха”). Гэта тлумачыцца сацыяльнай роляй дзіцяці ў традыцыйным грамадстве беларусаў другой паловы XIX ст., якая сімвалізуе пачатак, зараджэнне чагосьці новага, унікальнага, своеасаблівага і адметнага. Сацыяльнае значэнне ўдзелу дзіцяці ў такіх святах вызначалася верай беларусаў у “звышнатуральную” ўласцівасць дзяцей “уплываць” на ўрадлівасць і плоднасць, на сілы і з’явы прыроды. Такім чынам, праз удзел у каляндарных абрадах дзеці пачыналі асэнсоўваць сваю сацыяльную ролю і далучаліся да этнічнай культуры.

Выкарыстаная літаратура

1. Беларусы : у 8 т. – Мінск : Беларус. навука, 1995 – 2008. / Т. 5. : Сям’я / В.К. Бандарчык [і інш.]; рэдкал.: В.К. Бандарчык. – 2001. – 375 с.
2. Добровольский, В.Н. Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1914. – 1022 с.
3. Добровольский, В.Н. Смоленский этнографический сборник / В.Н. Добровольский // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии.– 1893. – Т. 23. – Вып. 1. – Ч. 2. – 443 с.
4. Земляробчы каляндар: абрады і звычаі / уклад. А.І. Гурскага. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 429 с.
5. Крачковский, У.Ф. Быт западно-русского селянина / Ю.Ф. Крачковский; Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те. – М.: Университетская тип., 1874. – 212 с.
6. Л.С. Дзяды / Л.С. // Гродненские губернские ведомости. – 1891. – № 97. – Неофициальная часть.
7. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные предания о лицах и

местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск : Губернская тип., 1897. – 171 с.

8. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Вып. 8: Быт белоруса. – Вильно: Б. м., 1912. – 124 с.

9. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края / П.В. Шейн. – Т.1.Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. – 585 с.

10. Якубінская, А.Дз. Традыцыйная сацыялізацыя дзяцей беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX стст. / А.Дз. Якубінская. – Мінск: РІВШ, 2010. – 118 с.

БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ РУХ У ПАЧАТКУ XX СТ. І ПРАБЛЕМА БЕЛАРУСКАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

Унучак А.У.

г. Мінск, Інстытут гісторыі
НАН Беларусі

На пачатку XX ст. галоўныя лідэры беларускага нацыянальнага руху гуртаваліся вакол тыднёвіка “Наша Ніва”, які выходзіў у 1906–1915 гг. У няпростых умовах развіцця нацыятворчых працесаў на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. сфарміравалася “нашаніўская” ідэалогія, якая стала дамінаваць у нацыянальным руху і зрабілася вызначальнай для беларускай ідэнтнасці. Разам з гэтым, трэба адзначыць, што адначасова з “нашаніўскай” ідэалогіяй на тэрыторыі Беларусі функцыянавалі і мелі папулярнасць “заходнеруская” і “краёвая” ідэалогіі.

Згодна з аўтарам адзінай на сённяшні дзень сінтэтычнай манаграфіі, прысвечанай “заходнерусізму”, А. Цвікевічам: “пад “заходнерусізмам” мы разумеем тую плынь у гісторыі грамадскай думкі на Беларусі, якая лічыла, што Беларусь не з’яўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і не мае дзеля гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае развіццё, але што яна з’яўляецца культурна і дзяржаўна часткай Расіі і таму павінна разглядацца як адзін з яе суштаўных элементаў” [1, с. 7].

Працяглае знаходжанне Беларусі ў Расійскай імперыі, русіфікацыя прывялі да таго, што ў самой Беларусі сталі з’яўляцца грамадскія сілы, якія пры падтрымцы ўладаў Расійскай імперыі сцвярджалі “адвечную” рускасць краю і выключна дабратворны

ўплыў Расіі на лёс Беларусі. Натуральна, што пры гэтым не магло ставіцца пытанне пра самастойную беларускую дзяржаўнасць.

З іншага боку, існавала ідэйная плынь і грамадская сіла, якая атрымала назву “краёвасць”. Што тычыцца вызначэння тэрміну “краёвасць”, то, на нашу думку, найбольш удалай з’яўляецца дэфініцыя А. Смаленчука: “краёвасць - гэта ідэалогія, якая была распрацавана ў Беларусі і Літве на пачатку ХХ ст. Яна грунтавалася на ідэі палітычнай нацыі. Краёўцы сцвярджалі, што ўсе карэнныя жыхары гістарычнай Літвы, незалежна ад іх этнічна-культурнай прыналежнасці, з’яўляюцца “грамадзянамі краю” і тым самым належаць да адзінай нацыі. Апроч гэтага, краёвасць можна трактаваць і як рысу свядомасці часткі грамадства беларуска-літоўскага краю, які стаў Радзімай не толькі для беларусаў і літоўцаў, але і для палякаў, яўрэяў, татар, рускіх. Розныя этнічна-культурныя патокі змешваліся, зліваліся і нараджалі ўнікальны тып “краёўца”, які сапраўды адчуваў сябе грамадзянінам краю і мог адначасна належаць да двух ці нават да трох этнасаў” [2].

“Краёвасць” грунтавалася на ідэі адраджэння Вялікага княства Літоўскага, якое было захоплена Расійскай імперыяй ў канцы ХVІІІ ст. Пры гэтым яны сцвярджалі, што ёсць “Расія дэмакратычная” і ёсць “Расія імперская”. “Краёўцы” лічылі, што кожная нацыя, якая пражывала на тэрыторыі краю, павінна мець самую шырокую культурную аўтаномію. Агульнай мовай для міжнацыянальных зносінаў павінна быць польская, як гэта было ў часы падзелаў Рэчы Паспалітай.

Такім чынам, “Наша Ніва” вымушана была лічыцца з існаваннем “заходнерусізму” і “краёвасці” ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі.

“Заходнерусы” імкнуліся давесці, што беларуская ідэя – гэта прадукт польскай справы. Трэба было абгрунтаваць барацьбу з ёй у рамках расійска-польскага супрацьстаяння, каб улада адчувала, якую вялікую небяспеку яна ўяўляе. З гэтай мэтай газета “Окраины Россіи” звярнуліся да “генезісу” беларускага руху. Пішучы пра Галіччыну, гэтае выданне сцвярджала, што як толькі тамтэйшыя ўкраінцы, “пад уплывам палякаў”, “згубілі сваю нацыянальную аснову” (безумоўна, расійскую. – А.У.), то адразу ж “падпалі пад уплыў сацыялістычных утопіяў”. Аналагічная сітуацыя, на думку аўтара матэрыялу, які схаваўся пад псеўданімам “Белорус”, была і ў

Беларусі, дзе “падрыўную працу” вяла “польская сацыялістычная партыя ў Літве”. Спачатку, пісала газета, яна ў Лондане друкавала агітацыйныя пракламацыі на беларускай мове, пасля ў Львове і Кракаве “з’явіліся беларускія “Смыкі”, “Дудкі” і “Скрыпкі”, з яскрава азначанай сацыялістычнай афарбоўкай, а пазней “партыя” перанесла сваю дзейнасць у Расію, дзе з’явіліся “Лемантары”, “Долі”, “Нівы”. “Дырыжоры” беларускага руху “завабілі ў партыю” (відаць, маецца на ўвазе БСГ. – А.У.) “выключаных гімназістаў і розных недавучак з народа: арганістаў, “аканомаў”, сельскіх акушэрак, настаўнікаў і г.д.” Асноўнымі падпісчыкамі “Ніў” і “Доль” былі “сельскія настаўнікі”. Відавочна, што “Окраины Рос- сии” былі добра інфармаваным выданнем, бо сапраўды была рэальная сувязь беларускага руху з ППС, сапраўды апошня дапамагала яму ў выдавецкіх праектах. Але гэта было толькі на пачатку 1900-х, да 1908 г. усялякія супольныя праекты спыніліся, і “Окраины Рос- сии” не маглі пра гэта не ведаць. Такім чынам, тактыка змешвання рэальных, напярэльных і міфічных фактаў была заклікана паказаць штучнасць беларускага руху, яго несамастойнасць, антыдзяржаўную (сацыялізм) і антырасійскую скіраванасць [3, с. 196].

Разам з гэтым, “Наша Ніва” атрымала падтрымку ад “краёвага” выдання “Przełąd Wileński”, які раскрытыкаваў дзейнасць “заходнеруса” Лук’яна Саланевіча, напісаўшы, што той спачатку “гуляў у “беларускасць”, а пасля адкрыта перайшоў у чорнасоценны лагер. Знакам такога пераходу было ператварэнне “Белорусского Общества” ў “Северо-Западное”. Хоць, адначасова, той жа тыднёвік выказваў сваю занепакоенасць агульным станам беларуска-польскіх дачыненняў, асабліва танальнасцю беларускай прэсы ў стасунку да палякаў. Галоўны рэдактар гэтага “краёвага” выдання Л. Абрамовіч лічыў, што паводле прынцыпу “дэмакратычнасці” палякі не маюць права праводзіць нацыянальную працу ў чыста беларускіх асярод- дзях, а беларусы – у польскіх ці “адвеку спаланізаваных” [4, с. 1-2]. “Наша Ніва” адразу адказала Л. Абрамовічу, абвінаваціўшы яго са- мога ў “недэмакратычнасці”. Бо “дэмакратызм”, як лічыў А. Луцкевіч, – гэта “жаданне абудзіць народ да жыцця, дабіцца, каб ён свой голас даў, каб выказаў свае думкі, сваю душу”. А гэта магчыма толькі ў межах роднай культуры і на роднай мове. Бела- рускі рух, паводле А. Луцкевіча, пачынаўся як дэмакратычны, бо ён

ставіў “гэты вялікі і светлы ідэал вышэй за ўсялякія нацыяналізмы” [5, с. 2].

У дачыненні да шляхоў выбару грамадска-палітычнага развіцця нашаніўцы не мелі адзінства. Так, калі “Наша Ніва”, пяром А. Уласава, пачала падтрымліваць ідэі “краёвасці”, супраць гэтага катэгарычна выступіў В. Ластоўскі. Ён пісаў, што “ўласаўская” канцэпцыя толькі размывае беларускі дух. В. Ластоўскі не жадаў саступаць нават у тактычных пытаннях. Яшчэ раней ён пісаў з нагоды смерці Э. Ажэшкі: “Праўдзівай бацькоўшчынай Ажэшковай была Беларускае зямля, каторая яе ўзгадавала; з Польшчай – апрача мовы і гістарычных перажыткаў – вялікая пісьменніца мела мала супольнага” [6, с. 308].

Паводле А. Луцкевіча, “пры развіцці краёвай культуры хутчэй ідзе развіццё культуры ў кожнай нацыі” [7, с. 3]. Тым самым ён прызнаваў, што беларуская культура можа паспяхова развівацца ў “краёвым” кантэксце, а беларускі рух як частка “краёвага”. Хоць цікава, што адзін з галоўных ідэолагаў краёвасці М. Ромэр лічыў А. Луцкевіча “беларускім эндэкам”, які толькі часова супрацоўнічае з “дэмакратамі”.

Цэнтральнай арэнай ідэйнай барацьбы ў ходзе нацыянальных працэсаў у Беларусі была мова. Менавіта з ёй звязвалася самастойнасць нацыі. “Заходнерусы” ўвесь час імкнуліся давесці, што беларускай мовы не існуе, а калі факт яе існавання пад уплывам нашаніўскага руху зрабіўся неабвержным, то пачалося змаганне за яе правы ў грамадскім жыцці.

Аднак, нягледзячы на велізарную перавагу ў рэсурсным вымярэнні расійскай і польскай нацыяналістычнай прэсы над “Нашай Нівай”, менавіта нашаніўскія ідэі ў гістарычнай перспектыве атрымалі перамогу. Гэта аб’ектыўна сведчыць аб іх большай адэкватнасці той сітуацыі і гістарычнай справядлівасці.

Пазіцыя “Нашай Нівы” заставалася амаль нязменнай, яна паслядоўна даказвала, што беларуская мова і беларускі народ аб’ектыўна існуюць і з гэтым трэба лічыцца. Шлях, абраны рэдакцыяй выдання, быў слушны, яна не кідалася да абразаў і хлусні, яна была больш ідэйным выданнем, чым многія з яе апанентаў. Ёй удалося адстаяць правы беларускай мовы і дэ-факта дамагацца прызнання апанентамі існавання адметнасці беларусаў.

У 1913 г. “Наша Ніва” змясціла артыкул “Хто страшней” [8, с. 1]. Там яна пісала, што ў “чарнасоценным” лагеры паўстала пытанне, каго цяпер лічыць больш небяспечным для расійскіх інтарэсаў у краі – беларусаў ці палякаў. Сама пастаноўка пытання сведчыла, што з беларускімі дзеячамі пачыналі сур’ёзна лічыцца.

Падчас вайны, як можна меркаваць з публіцыстыкі беларускага выдання, Л. Саланевіч і яго групоўка абвінавацілі “Нашу Ніву” ў непатрыятычных настроях. “Наша Ніва” ў сваю чаргу сцвярджала, што гэта “заходнерусы” найбольш шкодзяць інтарэсам Расіі, бо ў часе вайны сеюць варожасць паміж народамі краю.

Што датычыць “краёўцаў”, іхняя падтрымкі беларускіх дзеячоў, з аднаго боку, а з другога – палемікі з “Нашай Нівай”, то можна казаць, што “беларускія палякі” не падтрымалі беларускі рух і не стварылі яму альтэрнатыву, бо не сышлі з польскага грунту. Паланізацыя зайшла занадта далёка – пра гэта пісала “Наша Ніва”. У складзе рэдакцыі тыднёвіка былі адрознымі пазіцыі А. Луцкевіча, які выступаў пэўны час на карысць “краёвай” ідэі, і В. Ластоўскага, які прапагандаваў апору выключна на ўласныя “мужыцкія” сілы. Разам з гэтым, яны аддавалі канчатковую перавагу “этнолінгвістычнай” канцэпцыі нацыі, хоць пэўны час і былі прыхільнікамі “краёўства”, ці канцэпцыі “палітычнай” нацыі.

У цэлым, сутнасць ідэйнага супрацьборства “Нашай Нівы” заключалася ў вызначэнні тоеснасці беларусаў. Выдаўцы газеты здолелі ўбачыць галоўную праблему 5 заходніх губерняў Расійскай імперыі, праблему нацыянальнай ідэнтычнасці “тутэйшых” яе насельнікаў і даць на яе цэласны адказ. Цэласны ў тым сэнсе, што нацыянальная ідэалогія, распрацаваная нашаніўцамі, датычылася ўсіх сфераў жыцця – палітыкі, культуры, эканомікі, рэлігіі. Можна толькі спрачацца, наколькі слухным быў гэты адказ, але нельга не пагадзіцца, што ён прагучаў выразна і недвухсэнсоўна – “тутэйшыя” – гэта беларусы, “паўночна-заходні край” – гэта Беларусь. Яна мае сваю культуру, гісторыю, а значыць – і права на самастойнае палітычнае жыццё.

Выкарыстаная літаратура

1. Цьвікевіч А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Менск, 1993.

2. Смалянчук А. “Краёвасць” у беларускай гісторыі / <http://old.kamunikat.org/www/czasopisy/almanach/01/01chronika.htm>.
3. Беларус. Новый поход на Белорусию // Окраины России. – 1908. – 29 марта.
4. Г.Б. 3 газэт // Наша Ніва. – 1912. – 10(23) траўн. – С. 2.
5. Abramowicz L. Nieporozumienie // Przegląd Wileński. – 1912. – 5(18) maja – S. 1-2.
6. В.Л. Эліза Ожэшко // Наша Ніва. – 1910. – 13(26) траўн. (Факсімільнае выданне. Вып. 3. – Мінск: Тэхналогія, 1998. – 801 с.).
7. А-н-а. Край і народ // Наша Ніва. – 1912. – 19(1) ліп. – С. 3.
8. Б.С. Хто страшней // Наша Ніва. – 1913. – 15 сак. – С. 1.

БЕЛАРУСЬ В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Семенова Л.Н.г. Минск, БНТУ

Глупость Республики превосходит
все глупости Империи.

Г. Флобер

К концу XVIII в. имперское противоборство Речи Посполитой и России за территории с православным славянским населением Беларуси и Украины завершилось в пользу России и ее союзников. Речь Посполитая была поделена между тремя странами, сомкнувшими свои имперские границы. Большой удачей для Европы стало политическое, а не военное развязывание польского узла. У малых народов Центральной и Восточной Европы в то время практически не было шансов на формирование собственных государств. В рамках венской системы международных отношений ее главными арбитрами была позволена к существованию лишь узкая полоса небольших буферных государств в Западной Европе, призванных сдерживать имперские амбиции Франции и Пруссии. Только Османская империя постепенно стала разжимать имперские объятия в Европе, отпуская на свободу Грецию, Сербию, дунайские княжества, Болгарию и т.д. Наступало время немногочисленных империй эпохи капитализма и империализма, поделивших между собой весь мир. Не случайно известный английский историк Э. Хобсбаум назвал период с 1875 по 1914 гг. «Веком Империи». «Век Империи, – писал он, – громче других взывает о разоблачении»

связанных с ним мистификаций именно потому, что мы уже не живем в нем, но все еще не знаем, насколько значительным остается его влияние на нас. Это вовсе не значит, что его следует развенчать и опорочить» [15, с. 11].

Российская империя, ставшая в XIX в. второй после Британской по размерам территории, растекалась по Евразии, то медленно и осторожно на западе, то напористо и воинственно на юге и востоке, опоясывая себя все новыми землями. Как же происходило включение новых земель в состав Российского государства? Что сшивало страны и народы в ткань единого имперского организма? Как, какими скрепами Беларусь присоединялась к имперскому пространству, какое место в нем занимала? Вростание было процессом долгим, неоднозначным, проходившим во всех сферах общественной жизни. Отметим лишь некоторые детали сложного имперского рисунка.

Первая видимая скрепа – объявление себе и миру факта присоединения новых земель. Как правило, это международные договоры, которыми завершаются либо войны, либо дипломатические переговоры различной природы, и внутренние законодательные акты. Разделы Речи Посполитой состоялись в рамках дипломатического взаимодействия Пруссии, Австрии и России и были оформлены в заключенных ими секретных конвенциях, которые по иронии судьбы начинались одинаково: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы...». Перечень договоров представлен в следующей таблице:

Таблица 1. Международные договоры, оформившие разделы Речи Посполитой

	Договор	Дата заключения	Территории (современной Беларуси), отошедшие России	Российские акты и иные документы

Первый раздел Речи Посполитой

	<p>Секретная конвенция между Россией и Пруссией</p> <p>Секретная конвенция между Россией и Австрией</p>	<p>6 (17) февраля 1772 г.</p> <p>25 июля (5августа) 1772 г.</p>	<p>Часть Литовской провинции Речи Посполитой в составе Полоцкого и Витебского воеводств с границей по р. Западная Двина, далее на юг по прямой линии до Орши, затем по р. Друть до ее впадения в Днепр, затем по течению Днепра (граница, утвержденная по мирному договору 1686 г.)</p>	<p>Указ Екатерины II о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши (6 (17) августа 1772 г.)</p> <p>Договоры Польши с Пруссией, Австрией и Россией, закреплявшие отчуждение польских земель 1773 г. (ратифицированы Польшей 8 сентября 1773 г.)</p>
--	---	---	---	---

Второй раздел Речи Посполитой

	<p>Секретная конвенция между Россией и Пруссией</p>	<p>12 (23) января 1793 г.</p>	<p>От селения Друя на левом берегу Западной Двины, у стыка границ Польши, Курляндии и России, далее к рекам Нарочь и Дуброва, затем</p>	<p>Манифест о присоединении к России новых земель (подписан командующим русскими войсками в Польше генерал-аншефом</p>
--	---	-------------------------------	---	--

			по границе Виленского воеводства на Столпеж – Несвиж – Пинск – Кунев и к границе австрийской Галиции.	М.Н. Кречетниковым 27 марта 1793 г.) Русско-польский договор об отказе Речи Посполитой на вечные времена от земель, указанных манифестом от 27 марта 1793 г.
--	--	--	---	---

Третий раздел Речи Посполитой

	Акт о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши	23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.).	От границы Волыни до Брест-Литовска, затем по течению р. Западный Буг до границы Подляшья, далее вдоль Подляшской границы до верховьев р. Нарев (Беловежье), далее на север до пересечения р. Неман у Гродно, затем по течению Немана до прусской границы.	Указ Екатерины II о присоединении к России Литвы и Черной Руси (14 декабря 1795 г.).
	Русско-австрийская декларация по этому вопросу	23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.).		
	Русско-прусско-австрийская конвенция о третьем разделе Речи Посполитой	13 (24) октября 1795 г.		
	Конвенция между Россией и Пруссией с участием Австрии о	15		

	распределении финансовых и имущественных обязательств Речи Посполитой	(26) января 1797 г.		
--	---	---------------------	--	--

Источник: Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 3. / Ред. В.В. Чепко, В.Н. Жигалов. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1961. – 625 с.

Широкоград, А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Широкоград. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 842 с. – С. 452 – 489.

Так буднично для России закончилось вековое дело собирания русских земель, а для Польши – смерть ее государства. Исходя из интересов Российской империи, выдающийся русский историк В.О. Ключевский суммировал разделы Речи Посполитой: «Предстояло воссоединить Западную Русь; вместо того разделили Польшу. Очевидно, это различные по существу акты – первого требовал жизненный интерес русского народа; второй был делом международного насилия». Он отмечал, что «Польша не была лишним членом в семье государств Северо-Восточной Европы, служа слабой посредницей между тремя сильными соседками. Но освобожденная от ослаблявшей ее Западной Руси и преобразовавшая свой государственный строй, как пытались сделать это лучшие люди эпохи разделов, она могла бы сослужить добрую службу славянству и международному равновесию, стоя крепким оплотом против пробивавшейся из всех сил на восток Пруссии» [10, с. 749]. Однако этого не случилось. Речь Посполитая не смогла противодействовать имперскому насилию соседей. Изначально разделенная внутри на польско-католическую и украинско-белорусскую православную вооруженные части, она не избежала и раздела извне. Можно сколько угодно упрекать Пруссию, Австрию, Россию за грубость и произвол их внешней политики, подчеркивать, что ни от Речи Посполитой, ни от какой-либо из ее частей не исходило прошения о принятии добровольного подданства (народы вообще никто не спрашивал о том, как они желают устроить свою судьбу), обращать внимание на

секретность конвенций (например, конвенции о первом разделе держались в тайне до сентября 1772 г., когда Пруссия и Австрия ввели свои войска в оговоренные конвенциями области), но нельзя не признать, что все эти документы соответствовали общепринятой дипломатической практике и были адекватными сложившейся международной обстановке.

Имперское расширение невозможно объяснить исключительно прагматическими основаниями, будь то в политике или в экономике. Порой оно движимо геополитическими амбициями и азартом, верой в свою особую миссию. Вообще, империи оживляются духовным, культурным, историческим, геополитическим смыслом.

Отношение российских властей к присоединенным белорусским землям не было одинаковым. Первоначально при Екатерине II земли считались русскими, утерянными во времена древнего Русского государства. Появилась красноречивая формула: «Отторженная возвратих». Подтверждение этим идеям Екатерина находила в древнерусских летописях, которые внимательно читала во времена разделов Речи Посполитой. Однако, несмотря на столь убедительные исторические обоснования, Екатерина призывала своих дипломатов и военных к особой осторожности в действиях на западном направлении, подчеркивала нецелесообразность приобретения Россией этнических польских территорий. Приоритетным для нее являлось южное направление, закрепление на Черном море, контроль над черноморскими проливами. В этом она была продолжательницей дела Петра I, который при всем своем безудержном стремлении укрепиться на Балтике, разгромив Швецию, никаких других планов по захвату западных русских земель не вынашивал. Отсюда и екатерининская неуверенность и некоторая двойственность в отношении к белорусским землям. С одной стороны, это возврат русских земель с православным населением, «издревле законной и неоспоримой собственности» Руси-России, с другой стороны, «новоприобретенные земли» (термин встречается в ряде указов) [9, с. 92].

При Павле I и особенно Александре I, во время правления которого в состав Российской империи вошло Царство Польское, белорусские земли стали считать польским краем. Это был период явного заигрывания с польской знатью и ее умиротворения в ущерб простому народу, приведший к новой волне колонизации.

Николай I, неутомимый «обустроиватель» своей страны, разработал программу слияния с империей западных земель в духе нового курса на унификацию общероссийского законодательства. Курс на унификацию правового пространства и русификацию, базировавшийся на признании земель своими, русскими, был продолжен при последующих императорах. Так белорусские земли, оказавшиеся и географически, и исторически между Русью и Польшей, теперь уже в империи стали местом соперничества польской и русской культур, политики колонизации и русификации, русско-польским пограничьем. Это перекрестье в немалой степени способствовало формированию собственного белорусского национального самосознания и самоидентификации.

Важной скрепой для включения новых земель в имперское пространство является распространение на них административно-территориального деления. Уже Римская империя, не утратившая для империй XIX в. эталонных качеств, изобретала различные административно-территориальные формы для вхождения новых земель. Империи отличались большим разнообразием таких форм, которые при этом всегда отражали принципиальные статусные различия между метрополией и колониями. Россия же, наоборот, стремилась к единообразию, в основном заключая вновь приобретенные земли, в том числе белорусские, в единую сеть губернского правления. Только в Центральной Азии нашли место протектораты и унии с восточными правителями, да беспрецедентные привилегии получили Великое княжество Финляндское и первоначально Царство Польское. Сторонники унификации считают, что единый внешний статус территорий отражает их внутреннее равенство между собой, особенно в главных обязанностях «платить и служить», отсутствие деления на центр и периферию, препятствует национальному сепаратизму. Их оппоненты настаивают на необходимости особых административных форм для учета национальных особенностей. В Российской империи своеобразии каждого региона подчеркивалось первоначально сохранением национальной правовой системы. На белорусских землях, вплоть до польского восстания 1830–1831 гг. в Витебской и Могилевской губерниях, в западных до 1840 г. действовал Статут Великого княжества Литовского. Помимо административно-территориального деления, существовали также учебное,

военное, хозяйственное, почтовое, таможенное и другое районирование.

Таблица 2. Эволюция административно-территориального деления на белорусских землях

	Год учреждения	Губернии (300 – 400 тыс. душ муж. пола) и их центры	Города – центры поветов / уездов (20 – 30 тыс. душ муж. пола)	Генерал-губернаторства
	1772	<p>Псковская (Опочка),с 1776 г. Полоцкая (Полоцк)</p> <p>Могилевская (Могилев)</p>	<p>(С 1777 г.): Полоцк, Дрисса, Себеж, Невель, Динабург, Режицы, Люцин, Велиж, Городок, Сураж</p> <p>(С 1777 г.): Могилев, Чаусы, Старобыхов, Орша, Бабиничи, Сенно, Мстиславль, Чериков, Копысь, Климовичи, Рогачев, Беличи</p>	Белорусское наместничество (до 1775 г.)
	1793	Минская (Минск)	Минск, Витебск, Поставы, Докшицы, Дисна, Борисов, Игумен, Бобруйск, Мозырь, Давид-	

			Городок, Пинск, Не- свиж, Слуцк	
	1794–1796	Виленская (Вильно) Слоним- ская (Слоним)	Вильно, Завилейка, Троки, Браслав, Ошмяны, Ков- но, Упицы, Волкомир, Тельшаны, Россоны, Ша- вель Слоним, Новогрудок, Гродно, Вол- ковыск, Лида, Брест, Кобрин, Пружаны	
	1796	Могилев- ское намест- ничество (Мо- гилев) Полоцкое наместниче- ство (Полоцк) Минское наместниче- ство (Минск) Вилен- ское намест- ничество (Вильно) Слоним-	Речицкий по- вет	Белорус- ская губерния Литовская губерния

		ское наместничество (Слоним)		
1802	Могилевская губерния (Могилев); Витебская губерния (Витебск) Минская губерния (Минск); Гродненская губерния (Гродно); Виленская губерния (Вильно)	В дальнейшем происходили незначительные изменения: менялось поветовое деление, вводились временные военные правления, происходило упорядочивание и т.д.	Белорусское генерал-губернаторство Литовское генерал-губернаторство Северо-Западный край (с 1840 г.)	

Источник: Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд) і інш. Т.4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачаток XX ст.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – С. 49–50.

При налаживании системы административно-территориального управления происходила встреча и взаимодействие двух миров. Органы генерал-губернаторского и губернского управлений заполнялись чиновниками из центра, уездные, за исключением уездных комиссаров, и ниже управления состояли из местных представителей. Всей полнотой власти, практически неограниченными полномочиями обладали генерал-губернаторы, являвшиеся наместниками императора. Они заседали и в Сенате. В ведении губернатора находились местные гарнизоны, сбор налогов, набор рекрутов, следственные и судебные дела, казенные подряды и поставки, охрана общественного порядка. Как генерал-губернаторские, так и губерньские управления состояли из общего присутствия и канцелярии. В целом они были немногочисленными: канцелярские аппараты управления

состояли из 56 человек, их дополняли более трехсот чиновников нескольких контор и более ста человек военных команд. Среди контор, как правило, были казенная палата, возглавляемая вице-губернатором, которая занималась хозяйственными и финансовыми вопросами, рекрутская управа, приказ гражданской опеки, межевая контора. Руководители, в основном, комплектовались из русских чиновников. Так, в Минском губернском управлении в 1795 г. насчитывалось по 8 человек, прибывших из Архангельского и Олонецкого наместничеств, 1 человек из Твери, 2 – из Могилева. В 1796 г. Виленский генерал-губернатор назначал на канцелярские должности чиновников и студентов из Малороссии [5, с. 51 – 53].

В поветах (впоследствии уездах) представителями царской власти становились комиссары, назначавшиеся, в основном, из российских офицеров, кандидатуры которых проходили утверждение в сенате. Административно-полицейские и судебные функции в уезде выполнял нижний земский суд во главе с земским исправником. Если в российских губерниях земский исправник выбирался, то в белорусских – назначался сенатом. Уезды разделялись на ключи во главе с войтами. Войтам подчинялись сотские и десятские. С 1830-х гг. уезды подразделялись на станы во главе с приставами. На все эти должности избирались представители местного населения, в том числе, и из среды «добрых и незазорных крестьян». Должностные лица имели специальные атрибуты: жезлы, медные жетоны с гербом Российской империи [16, с. 193].

На местную шляхту была распространена 14-классная система чинов и рангов. Однако, государственные обязанности шляхта считала непочетными, предпочитая им военную службу и выборные дворянские должности. Представители низших сословий охотно занимали предусмотренные для них должности, считая их серьезным достижением на жизненном пути.

В конце XVIII в. в белорусских губерниях насчитывалось более 1,9 тыс. служащих государственных органов разных уровней – местных уроженцев и приезжих, что составляло 1,5 % от численности всех горожан [5, с. 53]. Это крайне небольшой процент, но именно эти люди обеспечивали работу государственного механизма – главной политической скрепы империи.

Империи в эпоху капитализма объединялись в единый организм, прежде всего, экономическим взаимодействием. Колонии

становились источником сырья, сельскохозяйственной продукции, местом сбыта для промышленных товаров метрополии и объектом инвестиций ее капитала. В рамках империи формировалась самодостаточная экономическая зона, мир-экономика, по терминологии Ф. Броделя. Например, в капиталистической империи Британии каждая ее часть играла строго отведенную ей экономическую роль: Индия – жемчужина (первоначально поставщик специй и прочих колониальных товаров, впоследствии поставщик сырья и грандиозный рынок сбыта), Австралия и Новая Зеландия – дальние овцеводческие фермы, Канада – зерновая ферма и ресурсная кладовая, Малайзия – производительница каучука, Сингапур – военно-морская база и т.д.

В России со слабым развитием капитализма экономическое взаимодействие только налаживалось, единый капиталистический рынок делал первые неуверенные шаги. Регионы еще жили самостоятельной хозяйственной жизнью со старыми, давно налаженными торговыми связями, которые русские капиталы пока не в силах были переориентировать. Как отмечал М.В. Довнар-Запольский: «С присоединением Белоруссии к России в структуре хозяйства не произошло таких существенных изменений, которые могли бы повлиять на общий ход народно-хозяйственной жизни» [7, с. 302]. К тому же присоединяемые к империи территории не отличались экономическим богатством и динамичным развитием капитализма. Это в полной мере относилось и к белорусским землям. Притчей во языцех стала их непомерная бедность. Довнар-Запольский, ссылавшийся на русского помещика, привыкшего видеть бедного крепостного великорусского мужика, писал: «... и этот крепостник стал в изумлении перед бедностью белорусского крестьянина» [7, с. 302].

В хозяйственном районировании Российской империи Виленская и Гродненская губернии Литовского региона, наряду с относившейся к этому региону Ковенской губернией, вместе с Прибалтийским регионом (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии) составляли один хозяйственный район. Для него было характерно интенсивное земледелие, ориентированное на европейский рынок. Белорусский регион в составе Минской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний характеризовался преимущественно как земледельческий с преобладанием барщинного помещичьего хозяйства. Он также был связан с европейским рынком, на который поставлялись рожь, гречиха, овес, ячмень, картофель.

Сельскохозяйственная продукция вывозилась через Ригу и Ревель – наиболее значительные после Петербурга балтийские порты. По словам помещика Энгельгарта, описавшего бедность крестьян Подвинья, «когда баржи с хлебом направлялись по Двине к Риге, то сотни голодающих и полунагих крестьян толпились на берегу реки и на пристанях, прося у судовщиков хлеба» [7, с. 308]. В таких условиях Российская империя могла довольствоваться только проверенной имперской экономической скрепой – таможенной политикой. Система преференциальных пошлин, которая считается нулевым уровнем экономической интеграции, – неперенный атрибут экономического фундамента любой империи. Указом Елизаветы Петровны от 20 декабря 1753 г. «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов» таможи внутри страны были упразднены и вынесены на участки внешней государственной границы [3]. В это расчищенное от обременительных сборов пространство внутренней торговли с единым внешним таможенным барьером, меняющимся в зависимости от мировой экономической конъюнктуры, и вошла белорусская экономика. Кстати, недавно восстановленный белорусско-польский Августовский канал был построен в первой половине XIX в. в результате таможенной войны между Россией и Пруссией. Как только война закончилась, хозяйственное значение канала упало и он оказался заброшенным.

После отмены крепостного права динамика капитализма распространилась и на белорусские земли. Вслед за Россией Беларусь превращалась из страны сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка в страну плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. В пореформенной империи белорусские губернии стали специализироваться на рыночном картофелеводстве, зерноводстве и скотоводстве. Развивались легкая и пищевая промышленность, металлообработка, строились транспортные системы, прежде всего, водные каналы и железные дороги.

Несмотря на успехи капитализма, в пореформенное время совместная жизнь регионов Российской империи в большей степени укреплялась не столько экономическими, сколько политическими действиями, культурно-историческими и геополитическими соображениями. Видение места и роли регионов отражались в государственной идеологии и общественном мнении. Ядром Российской империи считались 29 губерний европейской части с великорус-

ским населением, к которым на западе примыкали 15 губерний с белорусским и украинским населением и 10 губерний в Сибири и на Дальнем Востоке с великорусским населением. Положение белорусских губерний прочно ассоциировалось с западом: западные губернии, Западный край, западный форпост России. Когда зимой 1795 г. последний король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский после отставки ехал из Гродно в Петербург, пересекая знакомую ему территорию Великого княжества Литовского, сопровождавшая его охрана подчеркивала, что они едут по западной России [8, с. 124].

Указ от 18 декабря 1842 г. «О преобразовании Северо-Западных губерний» свидетельствует о закреплении в государственно-политической лексике понятия «Северо-Западный край». Место западного форпоста на границе с более развитым западноевропейским миром было очень важным и весьма специфическим. Это было пограничье, где, с одной стороны, осуществлялись плодотворные влияния и взаимодействия, но, с другой стороны, виделись и враждебные происки. Пограничье нуждалось в особом обустройстве и охране.

После присоединения белорусских земель к России на них стала организовываться военная пограничная охрана, введенная еще при Петре I. В «Указе о включении в состав Российской империи отошедших от Польши территорий по первому разделу Польши» предписывалось: «Обнести столбами с императорским гербом все пространство новых границ» [17, с. 453]. После очередных разделов столбы отодвигались все дальше на запад. Охрана границы строилась в две линии: на первой находились драгунские, впоследствии казачьи, затем армейские полки, расположенные по форпостам, на второй, в 3–7 верстах от границы, таможенные вольнонаемные конные объездчики и пешие стражники. В пограничных городах создавались пограничные пункты и таможни. Пограничная и таможенные службы неоднократно реформировались, преобразовываясь в вид специальных войск, пока, наконец, в 1899 г. пограничная стража не получила полное военное устройство [6, с. 16]. Право применять оружие пограничники получили только в 1829 г. Все это время пограничники и таможенники вели изнурительную борьбу с контрабандой, которая стала четким показателем экономического и политического уровня развития страны. Пакгаузный надзиратель Кре-

тингской таможни середины XIX в. С. Минцлов высказал интересную мысль: «Никакие грозные приказы и усилия штатов и повышения окладов пограничной стражи и таможенной охраны не прекратят потока контрабанды, льющегося из Пруссии. Есть только единственное, но совсем другое средство прекратить ее – надо стать в один уровень культуры с Германией. Контрабанда – точный показатель степени перевеса культурности одной страны над другой... В Австрию и Галицию контрабанда велась даже из России, а это – вернейшее указание на совсем плохие дела у соседа» [3]. В конце XIX в. у пограничников появилась новая забота – борьба с контрабандой политической литературы. Усилился поток и нарушителей границ: с одной стороны, страну нелегально покидали потенциальные эмигранты, с другой стороны, границу пересекали иностранные разведчики, революционные деятели. Граница и пограничье были пульсом всего государственного организма, безошибочно показывая его состояние.

Западный форпост Российской империи приобретал и соответствующую его значению военную мощь. Вообще, вооруженные силы являются важнейшей скрепой империи. На присоединенные земли приходит имперская армия, проводя при этом политику центра, местное население набирается в армию. На белорусские земли была распространена рекрутская повинность. Часть войска ВКЛ, принявшая присягу на верность России, была включена в состав российской армии. Отказавшие служить и возвратившиеся домой были подвергнуты репрессиям и отправлены в Екатеринославское наместничество на «вечное поселение». Из уроженцев белорусских земель формировались следующие полки русской регулярной армии: конный литовский (из белорусов и литовцев), конный татарский (из белорусских и литовских татар), конный польский (из белорусов, поляков и литовцев). С 1775 г. существовал Белорусский полк, комплектовавшийся исключительно из белорусов. Уроженцами белорусских губерний комплектовались уланские полки. Из местных рекрутов в значительной мере формировались гарнизоны, расквартированные в городах Беларуси. Вообще, белорусы, составлявшие в 1811 г. десятую часть 40-миллионного населения Российской империи, насчитывали 15% военнослужащих [4, с. 34]. На их долю выпала война 1812 г. и все последующие войны, которые вела империя: русско-турецкие войны, Крымская война, Первая мировая.

После восстания 1830 – 1831 гг. император Николай I, который, будучи великим князем, ведал инженерными делами и крепостями, приказал построить три линии крепостей для укрепления западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье. Во второй линии главной была крепость Брест-Литовск, строительство которой велось в 1830-е гг. под командованием генерал-майора И.И. Дена. В 1840-е гг., когда строительством руководил адмирал Н.С. Мордвинов, в крепостной комплекс включили здания бернардинских монастырей и из гранита построили новую мощную церковь, которая, по словам Мордвинова, своим видом должна была «свидетельствовать во вновь присоединенных землях о мощи государства Российского» [2, с. 40]. В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск, Динабург. Состояние инженерной обороны русской границы в странах Запада, против которых она и была предназначена, оценивалось очень высоко. Блестящий военный эксперт того времени Ф. Энгельс отмечал: «Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Новогеоргиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире» [17, с. 537]. Однако крепкий западный форпост не спас империю от гибели во время русской революции 1917 г.

Мы осветили лишь малую толику скреп, державших Беларусь в имперском пространстве России. Ни у кого не вызывает сомнений, что включение и вживание состоялось. По словам Н.С. Шашкевича, «находясь в составе Российской империи, Беларусь оказалась глубоко инкорпорированной в общеимперский государственно-политический организм» [14, с. 29]. Основные дискуссии разворачиваются минимум по двум вопросам: какими средствами это происходило и каков результат пребывания белорусских земель в Российской империи. Пути присоединения и дальнейшая политика были разными, зависящими от обстоятельств и личных качеств императоров. Как и любая страна, Россия действовала порой разумно и аккуратно, порой грубо и жестоко, но чаще по-русски бестолково и неуклюже. Главной целью имперского расширения, за редкими исключениями, было включение и по-своему обустройство. Если на

внешних границах любая империя была строгой и неприступной, то внутри, для своих народов она, как могла, обеспечивала мир и взаимодействие. Мы привыкли иронизировать над лозунгом Наполеона III во II Французской империи «Империя – это мир», перечисляя множество завоевательных войн, которые вела эта империя, но забываем сказать о том, сколько она прекратила междоусобных, племенных, этнических войн и социальных конфликтов внутри своих границ. Также и Российская империя останавливала и прекращала межплеменные, междоусобные войны на Кавказе, в Средней Азии, обеспечивая их народам мир, точно так же, как ранее Российская империя прекратила войны магнатов и их конфедераций и казачью вольницу Речи Посполитой, обеспечив белорусскому и украинскому крестьянству мир. В те времена империи в большей степени, чем какие-либо другие формы государственной и межгосударственной организации, обеспечивали внутренний мир. Мир – залог общественного взаимодействия, которое при огромных имперских ресурсах становится плодотворным и результативным. Там, где силы малой страны уходят на поддержание чрезмерного для нее государственного аппарата и его политические амбиции, сил большой империи хватает и на развитие, в том числе, и культурно-национальное для проживающих в них народов.

В сложившейся международной обстановке рубежа XVIII–XIX вв. вряд ли белорусским землям удалось бы остаться вне империй. Вопрос шел лишь о том, к какой империи они будут присоединены: к далеким ей ментально и культурно немецкой прусской, немецкой австрийской, или, наоборот, максимально близкой русской. Польский патриот, посвятивший свою жизнь возрождению Польши, бывший в начале XIX в. министром иностранных дел России, князь Адам Ежи Чарторыйский, которого трудно заподозрить в симпатиях к России, писал, что Царство Польское могло быть восстановлено только «под скипетром Александра», «... в то время не было других способов воскресить Польшу, оставленную даже Францией» [11, с. 353]. Что же говорить о белорусских землях, которые в XIX в. не входили в сферы геополитических интересов других стран, кроме России?

Так Российская империя, по словам И.Л. Солоневича, стала не только «сообществом народов, уживающихся вместе» [13, с. 396], но и «общим домом, имеющим общую крышу и общие внешние

стены, где каждая народность имеет свою собственную квартиру, в которой она может устраиваться как ей будет угодно» [12, с. 335], домом, в котором «русское самодержавие было нянькой для русских «инородцев»» [13, с. 363]. В конце концов, именно в этом доме, воспитанная этой нянькой, и выросла белорусская нация.

Список использованной литературы

1. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. Т. 3. / Ред. В.В. Чепко, В.Н. Жигалов. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1961. – 625 с.

2. Брест. Первое тысячелетие. Путеводитель «Жемчужины Беларуси». – Минск: УП «Рифтур», 2010. – 96 с.

3. В обход закона и таможи: краткий экскурс в историю отечественной контрабанды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gpk.gov.by/press_center/regional_news/13774/. – Дата доступа: 17.05.2013 г.

4. Вооруженные формирования Беларуси. К юбилеям великих побед / сост. Г.Ч. Лянькевич, И.И. Птуха; редкол.: В.В. Гайдукевич, А.А. Павловский [и др.]. – Минск: Беларусь, 2005. – 135 с.

5. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т.4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 518 с.

6. Граница. Вехи истории пограничных войск Беларуси / сост. В.Г. Мищенко. – Минск: Межд. центр культуры книги, 2003. – 64 с.

7. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Беларусь, 2011. – 591 с.

8. Дэвис, Н. Литва: великое княжество с королями / Н. Дэвис // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 11 / сост., ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2013. – С. 82–136.

9. История имперских отношений: беларусы и русские. 1772 – 1991 гг. / Сост., пер., ред. А.Е. Тараса. – Минск: А.Н. Вараксин, 2008. – 608 с.

10. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: В 2-х кн. Кн. 2 / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1056 с.

11. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императоромъ Александром I. Пер. с фр. А. Дмитриевой. Ред. и вступ. статья А. Кизеветтера. Томъ первый. – М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1912. – 388 с.

12. Солоневич, И.Л. О сепаратных виселицах / И.Л. Солоневич // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.Н. Шишелина. – М.: Наука, 2007. – С. 335–342.

13. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.Н. Шишелина. – М.: Наука, 2007. – С. 354–405.

14. Сташкевич, Н.С. Трудный путь государственности / Н.С. Сташкевич // Беларуская думка. – 2008. – № 1. – С. 28 – 33.

15. Хобсбаум, Э. Век Империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 512 с.

16. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учебное пособие / П.Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Высшая школа, 2007. – 463 с.

17. Широкопад, А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Широкопад. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 842 с.

УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (ИЮЛЬ – ДЕКАБРЬ 1914 Г.).

Смольянинов М.М.

г. Минск, Институт истории
НАН Беларуси

В 2014 г. исполняется 100-летие со дня начала Первой мировой войны. Развязанная правящими кругами ведущих империалистических держав Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Антанты (Англия, Франция и Россия), она втянула в свою орбиту 38 государств с полутора миллиардным населением.

Белорусские губернии, входившие в состав Российской империи, оказались в зоне столкновения геостратегических интересов Германии и России, в первые же дни были объявлены на военном положении и являлись одним из эпицентров мирового военного конфликта, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Российская империя по причине огромного территориального пространства и слабо развитой сети путей сообщения значительно

отставала по времени от своих противников в вопросах мобилизации и сосредоточения войск в местах стратегического развертывания. Учитывая это, варианты подготовленного плана войны и мобилизационного расписания 1910 г. предусматривали формирование армий, в первую очередь, войсками приграничных с территориями Германии и Австро–Венгрии военных округов [1, л. 7, 19].

Кроме того, ускорение мобилизационных мероприятий требовала франко–русская военная конвенция, обязывавшая Россию к скорейшему переходу в наступление с целью отвлечения наибольшего числа германских войск, готовивших нанесение главного удара по французам. Поэтому российское командование торопило с мобилизацией и выдвиганием войск в места развертывания военных действий. Так, командир 19-го армейского корпуса (штаб дислоцировался в Брест–Литовске) генерал В.Н. Горбатовский в телеграмме начальникам дивизий и артиллерийских бригад, входивших в состав корпуса, приказывал: «Ввиду серьезного положения...вести мобилизационные работы при полном напряжении. Все, что можно сделать раньше, чем назначено по мобилизационному плану, должно быть сделано» [2, л. 21, 22].

Объявленная 18 июля 1914 г. мобилизация в русскую армию (здесь и далее даты указаны по старому стилю – М.С.) в белорусских губерниях прошла оперативно и «успешно», как отмечали в своих сообщениях в вышестоящие штабы уездные и губернские власти и командиры войсковых частей. Мобилизованными «нижними чинами запаса» в спешном порядке пополнялись по штатам военного времени подразделения и части пехотных дивизий и артиллерийских бригад, дислоцировавшихся здесь 2-го, 3-го, 4-го и 19-го армейских корпусов. Последние затем в «спешном» порядке выдвигались в места формирования соответствующих армий: 2-й, 3-й и 4-й армейские корпуса – в состав 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта; 19-й армейский корпус – в состав 5-й армии Юго-Западного фронта.

Кроме мобилизации «чинов запаса», для пополнения частей действующей армии с выступлением последних в поход в гарнизонах и при уездных воинских присутствиях белорусских губерний формировались дружины государственного ополчения. По нашим подсчетам, тут были сформированы 52 пешие дружины. Им присваивались порядковые номера и наименование той губернии, из ратников которой они были сформированы полностью или в большинстве. Дружи-

ны предназначались для несения гарнизонной и караульной службы, охраны железнодорожных линий, мостов, других объектов стратегического назначения, сопровождения военных грузов, а также для пополнения частей действующей армии в ходе сражений. Численность одной дружины, как правило, составляла до тысячи человек.

Россия, выполняя свой союзнический долг и спасая Францию от разгрома, первой предприняла боевые действия против Германии и Австро-Венгрии. Решение о начале наступления было принято в условиях, когда могла быть развернута только одна треть русских вооруженных сил и при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление. Численность войск Северо-Западного фронта, в состав которого влились корпуса из белорусских губерний, к началу наступления (4 – 6 августа) не достигала 75% полного состава [3, л. 70, 82]. Кроме того, наступление 1-й и 2-й армий названного фронта в Восточную Пруссию против германских войск с целью охвата с флангов и разгрома противника севернее Мазурских озер было плохо организовано: не имело хорошо налаженной разведки, без взаимодействия армий, на удалении одна от другой до 100 км и разделенных полосой озер.

Первое столкновение с неприятелем 1-й армии, с участием 30-й и 40-й пехотных дивизий 4-го армейского корпуса, состоялось 7 августа в районе Гольдапа и Гумбинена. Развернувшееся в одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, оно получило название Гумбинен-Гольдапского. Противнику был нанесен большой урон: убитыми 8000 человек, в том числе 200 офицеров; взято в плен 1000 человек, захвачено 12 орудий [4, с. 120]. Российские дивизии также понесли «значительные потери в нижних чинах» и «большие в офицерском составе» [5, л. 36]. Германские войска отступили. Русские не преследовали и упустили шанс их окончательного разгрома.

Воспользовавшись разрывом между русскими армиями и зная из перехваченных радиোগрам об их плане действий, германские войска приостановили отступление и, оставив заслон из двух дивизий против 1-й армии, основные силы перебросили против перешедшей в наступление 2-й армии генерала Самсонова, окружили и разгромили два ее корпуса (13-й и 15-й). В конечном итоге обе армии Северо-Западного фронта под натиском противника с боями были вынуждены отступить на исходные позиции с огромными потерями – 116 тыс. солдат и офицеров убитыми и пленными [6, с. 54].

Одновременно, примерно с такими же недостатками в организации, совершалось наступление войск Юго-Западного фронта, в составе которого была 5-я армия. По причине уже названных обстоятельств наступление началось, не дожидаясь полного сосредоточения и развертывания войск, при отсутствии надежной связи между штабами, плохо налаженной разведке и слабом управлении войсками.

В таких условиях состоялось тридцатитрехдневное (с 5 августа по 8 сентября) сражение в Восточной Галиции на фронте в 320 км между реками Вислой и Днестром, получившее название Галицийской битвы. В числе других в составе 5-й армии в боях принимал участие 19-й армейский корпус, достигший переменного успеха: отступление 17 августа под угрозой австрийцев зайти в тыл у мест. Томашев и разгром последних 19 августа под Тарноваткой, Домброва [7, л. 20–27].

После разгрома австро-венгерских войск в Галицийской битве Ставке Верховного главнокомандования русской армии виделась возможность вторжения в пределы Германии с территории «Русской Польши» в Силезию. Германское командование, осознав такую опасность, с целью помощи австрийцам перебросило часть войск из Восточной Пруссии, образовало новую 9-ю армию и, чтобы предупредить русских, развернуло наступление на среднюю Вислу.

Русская Ставка Верховного главнокомандования в спешном порядке перебросила с Северо-Западного фронта в район Варшавы 2-й и 4-й армейские корпуса, а также произвела рокировку войск 4-й, 5-й и 9-й армий Юго-Западного фронта на участок от Сандомира до Варшавы. С 15 сентября развернулось Варшавско-Ивангородское сражение, в котором приняли участие 2-й, 4-й и 19-й армейские корпуса из белорусских губерний. Германские войска были отброшены от Варшавы.

После успешного завершения Варшавско-Ивангородского сражения русская Ставка разработала план продолжения наступления с целью вторжения вглубь Германии. Германское командование, узнав из перехваченных радиogramм о намерении русских, приняло решение предупредить их наступление, вырвать у них инициативу. Оно перебросило войска 9-й армии из района Ченстохова, Калиша на север к Торну с целью нанесения внезапного удара во фланг и тыл 2-й и 5-й русских армий, окружения и разгрома их в районе Лодзи.

С 29 октября развернулось Лодзинское сражение, в котором принимали участие 2-й, 4-й и 19-й армейские корпуса. Бои проходили с переменным успехом. Попытки германских войск окружить 2-й и 19-й армейские корпуса были отбиты, но с большими потерями, особенно в 26-й и 43-й пехотных дивизиях 2-го корпуса (от 65% до 70%) [8, с. 61]. Не увенчались успехом усилия противника, направленные на окружение 2-й и 5-й армий. В результате отпора, данного им 19-м армейским корпусом совместно с другими частями, германские войска сами оказались в окружении, из которого им удалось вырваться с большими потерями. В итоге Лодзинской операции ни одна из сторон не достигла намеченных целей: австро-германским войскам не удалось окружить и разгромить русские армии, русским – осуществить вторжение через Познань и Силезию вглубь Германии.

Потерпев неудачу с окружением двух русских армий, германские войска, получив подкрепления с французского фронта, предприняли попытку развить наступление в двух направлениях: с правого фланга своего фронта в обход 19-го армейского корпуса на Пабянице – с целью овладеть Лодзью, с левого – на Лович с целью овладеть последним, затем захватить Варшаву. Имея многочисленную артиллерию, в достатке снабженную снарядами, они резко изменили тактику борьбы: вместо атак стали применять сильный артиллерийский огонь против уступавших в этом противнику русских корпусов.

В этот период русские войска также получали пополнения, но их было крайне недостаточно. Уставшие и расстроенные войска 5-й армии (в их составе 19-й армейский корпус), дав превосходящим силам противника Пабяницкое сражение, чтобы осуществить эвакуацию Лодзи, отступили на 45 км. Это дало им возможность прочнее занять новую позицию. В то же время противник также использовал отход русских, перебросив отсюда часть своих сил на левый фланг с целью нанесения сильного удара на Лович.

Завязалось Ловичское сражение. С 17 ноября по 30 ноября продолжались ожесточенные бои на участке фронта, занимаемом 2-м армейским корпусом. Превосходство германских войск в живой силе и артиллерии, с одной стороны, и упорство русских войск, с другой, проявились в этих сражениях в полной мере. В эти дни имел место такой показательный факт: прибывший из Гродно в качестве подкрепления в составе бригады 76-й пехотной дивизии 302-й пехотный

Суражский полк, сформированный в июле в Бобруйске и уже принимавший участие в боях в Восточной Пруссии, 17 ноября совместно с соседними частями перешел в наступление, выбил противника из деревень Сержники, Голенска, Недзвяды и остановился на окраине дер. Марьянка. При этом был отбит у противника взятый им накануне в плен раненый поручик Кременский, захвачено около 60 человек немцев и 6 зарядных ящиков от артиллерийских орудий, много винтовок [9, л. 21]. В бою с германскими войсками 25 ноября 3-я сибирская дивизия смогла удержаться только при содействии прибывшего 302-го Суражского полка [8, с. 183].

27 ноября германские войска провели сильную атаку на фронте 2-го корпуса, но были отбиты. С 28 ноября по 2 декабря они усиливали давление. Ведение мощного артиллерийского огня они стали сочетать с атаками. Создалась угроза прорыва фронта на участке между реками Висла и Бзура. Началась эвакуация Ловича. Сражение было выиграно германскими войсками.

30 ноября Ставка Верховного главнокомандования провела в Брест-Литовске совещание с главнокомандующими Северным и Юго-Западным фронтами. Были признаны слабыми численный состав войсковых частей, отмечен большой некомплект офицеров, недостаток пополнений из-за нехватки винтовок, недостаток боеприпасов, сапог и теплой одежды. Было принято решение начать отвод войск.

К 4–5 декабря 1914 г. русские войска были отведены на линию от р. Вислы на севере до дер. Любач на юге. Корпуса, вышедшие из белорусских губерний, заняли позиции с севера на юг: 2-й армейский – от Воли Шидловской до дер. Земяры, 4-й армейский – между устьями рек Хайнатка и Бялка, 19-й армейский – от дер. ПодконицеДуже до Любача. Войска приступили к укреплению позиций. Этим был завершен маневренный период войны, начинался позиционный.

Таким образом, белорусы, влившиеся во время мобилизации в части и подразделения дислоцировавшихся на территории белорусских губерний соединений русской армии, с самого начала приняли непосредственное и активное участие в боевых действиях Первой мировой войны. По причине геополитического положения белорусских земель, они, на наш взгляд, составляли самый высокий удельный вес в личном составе этих соединений в начальный период вой-

ны. В военных сражениях совместно с другими белорусы имели успехи, а также терпели поражения, несли большие потери.

Использованная литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (ГВИА). – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 1931.
2. РГВИА. – Ф. 2216. – Оп. 1. – Д. 124.
3. Зайончковский А.М. Мировая война 1914 – 1918 гг. Изд. 3 – е. в двух томах. – Т. 1. Компания 1914 – 1915 гг. / А.М. Зайончковский. – М., 1938.
4. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны / И.И. Ростунов. – М., 1976.
5. РГВИА. – Ф. 2187. – Оп. 1. – Д. 18.
6. Смальянінаў М.М. Трагедыя пачатку ХХ ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 3.
7. РГВИА. – Ф. 2368. – Оп. 2. – Д. 610.
8. Корольков Г.К. Лодзинская операция. 2 ноября–12 декабря 1914 г. / Г.К. Корольков – М., 1934.
9. РГВИА. – Ф. 2911. – Оп. 1. – Д. 2.

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ БЕЛОРУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (март – октябрь 1917 г.)

Богданович Е.Г.г. Минск, БНТУ

Февральская революция внесла новое содержание в белорусскую национальную идею. На первый план вышел вопрос государственного самоопределения Беларуси. Представления интеллектуального авангарда о формах и содержании государственности, путях ее достижения приобрели более определенный вид. Национально-государственная идея активизировала сознание многих белорусов – военных, рабочих, беженцев. Заметно оживились белорусские общественно-политические структуры в Минске, фронтовой зоне российских войск.

Победа Февральской революции дала возможность организоваться белорусским общественно-политическим организациям и партиям, разным по своей социально-классовой сущности и политической ориентации. Расширились классовые рамки общественно-

политического движения. Заметно увеличилась за счет части рабочих, низового офицерства, разночинной интеллигенции, отдельных представителей местной аристократии социальная база национального движения, до этого главным образом крестьянская и мелкошляхетская. В свою очередь, углубилась политическая неоднородность движения, стали очевидными попытки крупнособственнических элементов (Р.Скирмунт и др.) возглавить его, обострились внутренние противоречия, вызванные резким усилением социально-экономического радикализма, революционности низов, особенно крестьянских и солдатских. Дело усложнялось все еще низким уровнем самосознания большинства белорусского населения, игнорированием белорусского вопроса со стороны России, как Временным правительством, так и революционной оппозицией в лице большевистской партии.

В марте – октябре 1917 г. на территории Беларуси действовали более 20 политических партий, в том числе: белорусские национальные – Могилевский белорусский национальный комитет, Гомельский союз белорусской демократии, Витебский союз белорусского народа, Оршанский белорусский народный комитет, Христианско-демократический союз, Белорусская партия народных социалистов, Белорусская партия автономистов, Белорусская Социалистическая Громада; еврейские – Поалей-Цион, Объединенная еврейская социалистическая партия, Бунд и общероссийские – Конституционно-демократическая партия («Партия Народной Свободы»), Партия социалистов-революционеров, Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики и меньшевики).

Программы белорусских партий либеральной ориентации были позаимствованы главным образом у кадетов. Как свидетельствуют программные документы, кадеты выступили против возможного преобразования России на основе федерации, считая это практически неосуществимым. В качестве альтернативы национальному делению предлагалась территориальная автономия «провинциального типа». За народностями России признавалось право на создание экстерриториальных национальных союзов для решения задач в культурной сфере. Национально-территориальное переустройство России рассматривалось как невозможное и опасное [1, 1-30].

Разработанный в конкретных условиях начала XX в. либеральный вариант решения национального вопроса предусматривал со-

хранение полиэтнического Российского государства, при этом он обеспечивал конституционные права личности в сфере культурно-национальных отношений.

Среди белорусских партий общеполитической ориентации кадетов придерживались в той или иной степени следующие: Могилевский белорусский национальный комитет, Гомельский союз белорусской демократии, Витебский союз белорусского народа, Оршанский белорусский народный комитет, Христианско-демократический союз, Белорусская партия народных социалистов, Белорусская партия автономистов.

Анализ программных документов могилевской, гомельской, витебской и оршанской организаций свидетельствует о том, что они в той или иной форме высказывали областническую идею. Сторонники этого направления общественной мысли считали, что Беларусь является не краем с особенным народом, а только областью России, имеющей свои особенности разного, но только не национального характера. Как местность, всё-таки отличающаяся от центра, Беларусь требует специальных законов местного характера. Реализация концепции областников не означала бы возникновения белорусской государственности, однако объективно создала бы для нее важнейшую предпосылку: область собрала бы белорусские земли вокруг краевого центра власти, хоть и подчиненного общероссийским органам, но сориентированного на решение местных проблем.

Наиболее последовательно и обоснованно вопросы будущего государственного обустройства белорусского края обсуждались в программных документах белорусских автономистов.

Организации Белорусской партии автономистов возникли весной 1917 г. в Москве, Петрограде, Минске и других городах. В сентябре 1917 г. газета «Вольная Белоруссия» напечатала Проект платформы белорусских автономистов, который с некоторыми дополнениями был утвержден конференцией партии, состоявшейся 7 сентября 1917 г. в Минске. Автором проекта был Д.Соболевский – член особого совещания по областной реформе для Учредительного собрания при Временном правительстве России.

Проект белорусских автономистов содержал следующие требования.

Основой государственного строя России должна стать демократическая федеративная республика.

За белорусами признается право на национальное, культурное и политическое самоопределение в пределах широкой краевой автономии Беларуси с сохранением единства и неделимости ее с Россией и с обеспечением прав национальных меньшинств края.

Высшим законодательным органом на Беларуси должна стать Рада, избранная на основе всеобщего избирательного права и на основе пропорционального представительства национальных меньшинств края.

Рада избирает из числа своих членов Генеральный секретариат, которому принадлежит высшая местная исполнительная власть на Беларуси.

Проект предусматривал сохранение в общегосударственной компетенции внешнего представительства, военной организации, денежной системы, таможни, путей сообщений, почты и телеграфа [6, 2].

19 октября 1917 г. «Вольная Белоруссия» напечатала поправки к Проекту платформы белорусских автономистов. Главным пунктом этих поправок было требование «издания Временным правительством акта об автономии Белоруссии в пределах Российской федеративной демократической республики с конечным присоединением к автономной Белоруссии всех забранных земель и городов, лежащих в пределах этнографического расселения белорусского народа» [4, 3].

Таким образом, программные положения автономистов в отношении национального вопроса существенно отличались от соответствующих положений остальных партий буржуазно-либеральной ориентации. Если последние сознательно ограничивали решение белорусского вопроса в лучшем случае культурным самоопределением белорусов, то автономисты вели речь и о самостоятельной политической жизни. Кроме того, представители Белорусской партии автономистов не только готовили проекты, но и стремились их реализовать, подавая петиции Временному правительству, работая в его комиссиях.

После Февральской революции 1917 г. возобновила свою деятельность близкая по своей общеполитической платформе к меньшевикам и эсерам, но принципиально отличающаяся по национальному вопросу, Белорусская социалистическая громада (БСГ).

25 марта 1917 г. состоялась конференция БСГ, которая определила отношение партии к современному моменту. По национальному вопросу партия выдвинула требование автономии Беларуси в составе Федеративной Российской республики [2, л. 14].

4–6 июня 1917 г. в Петербурге прошла II конференция БСГ, на которой был обсужден проект новой программы партии. На III партийном съезде в Минске 14–25 октября 1917 г. этот проект был принят и после обсуждения программу утвердили.

В соответствии с новой редакцией программы БСГ выдвигала следующие требования в области национальных отношений:

широкое развитие белорусской культуры,

национализация школы,

полное самоуправление Беларуси с законодательным органом – Краевой Радой, избранной на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права для разработки и развития законов,

широкие политические и экономические права для всех национальностей, проживающих на белорусской земле [3, л. 60].

За автономию Белоруссии выступала также и Белорусская народная громада – общественно-политическая и благотворительная организация, действовавшая в 1917 – 1918 гг. в России среди уроженцев Белоруссии. БНГ была основана 9 мая 1917 г. на митинге в Московском университете по инициативе группы белорусских интеллигентов во главе с И. Василевичам, А. Цвикевичем, Ф. Туруком. К лету 1917 г. БНГ объединяла более одной тысячи членов. В основу политической платформы организации было положено требование автономии Беларуси в составе федеративной Российской республики [5].

Таким образом, почти все политические партии, действовавшие на территории Беларуси в марте – октябре 1917 г., осознали, что Беларусь имеет основания быть некой целой административной единицей. В то же время национальные программы партий, их видение будущего государственного обустройства России и Беларуси, как ее части, существенно отличались.

Либерально – буржуазный вариант решения национального вопроса, предложенный кадетами и близкими им белорусскими партиями, предусматривал сохранение целостности и неделимости

России. Беларуси в лучшем случае придавался статус «области» с местным законодательством в культурно-просветительной сфере.

Белорусские партии национально-демократической ориентации (БСГ, БНГ) активно пропагандировали идею национальной государственности Беларуси в форме широкой краевой автономии в составе Российской федеративной демократической республики.

Использованная литература

1. Кокошкин, Ф.Ф. Автономия и федерация./ Ф.Ф. Кокошкин. – Петроград, 1917.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 60. – Оп. 3 – Д. 748.
2. НАРБ. – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 109.
3. Папраўкі да праэкту пляцформы беларусаў-аўтанамістаў / Вольная Беларусь. – 1917. – 19 кастрычніка.
4. Политическая платформа и Устав БНГ в Москве. – М., 1917.
5. Сабалеўскі, Д.М. Праэкт пляцформы беларусаў-аўтанамістаў / Вольная Беларусь. – 1917. – 17 верасня.

ЖЕНСКИЙ УДАРНЫЙ БАТАЛЬОН И ВЫБОРЫ ВО ВСЕ-РОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Воробьев А.А. г. Могилев, МГУ им. А.А. Кулешова

О женском «ударном батальоне смерти» Бочкаревой в последнее время было написано немало. Публикации о деятельности этой весьма специфической части русской армии периода Первой мировой войны в значительной степени восполнили тот пробел, который существовал в советские времена, когда практически почти вся история этой войны замалчивалась или же искажалась, а сама война называлась не иначе, как «империалистической». И если о формировании женского ударного батальона, его командире (Бочкаревой) и о деятельности этого подразделения информации уже немало, то об участии батальона в выборах в Учредительное собрание до сих пор сведения в исторической литературе отсутствуют. В данной публикации речь пойдет именно об этом, ранее упущенном, аспекте деятельности женского ударного батальона.

Женский «ударный батальон смерти» Бочкаревой был направлен на Западный фронт, который проходил в годы Первой мировой войны по территории Беларуси от Двинска (ныне Даугавпилс в Латвии) на севере до Пинска на юге. Батальон был включен в состав центральной, десятой армии Западного фронта. О пути батальона на боевые позиции написал впоследствии в своих воспоминаниях белорусский литератор М.Ф. Федорович (псевдоним – Чернушевич). Он, будучи тринадцатилетним мальчишкой, возвращался домой, под Минск из вынужденной эвакуации после «великого отступления» русской армии в 1915 г., когда под угрозой захвата немцами оказался Минск. Так он попал в эшелон, который доставлял на фронт женский батальон. Сначала, правда, его не хотели брать, но потом пожалели и с женщинами-солдатами М.Ф. Федорович доехал почти до самого дома. В Замирье он покинул военный эшелон, а батальон направился дальше, на свои боевые позиции под Барановичами. За время этого вынужденного путешествия будущему литератору больше всего запомнились два момента. Во-первых, флаг батальона, который был красного цвета, а на нем были изображены череп с перекрещенными костями и надпись – «Батальон смерти имени Бочкаревой». Во-вторых, налет на военный эшелон с женским батальоном на железнодорожной станции Койданово немецкого аэроплана, вызвавший большую панику среди женщин-солдат [1, с. 502]. Прибытие женского батальона на боевые позиции не способствовало подъему боевого духа солдат-мужчин Западного фронта, которые уже вовсе не хотели воевать. После Февральской 1917 г. революции в России планировалось проведение, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, выборов в новый парламент, который должен был определить стратегические направления развития страны. Этот новый парламент получил название Всероссийского Учредительного собрания. За проведение выборов в Учредительное собрание выступали все легальные политические партии России, включая и большевистскую партию. Особенностью тогдашней России стало то, что избирательные права впервые в ее истории получили женщины. Кроме того, впервые в мировой истории в 1917 г. в России избирательные права получили военнослужащие русской армии, тогда, как их в то время не имели солдаты ни одной армии мира. Таким образом, женщины-солдаты ударного батальона тоже получили возможность участвовать в вы-

борах во Всероссийское Учредительное собрание. Выборы в Учредительное собрание в избирательном округе Западного фронта, получившего право представлять отдельный, фронтовой округ планировалось начать 8 ноября 1917 г. и проводить по 14 ноября (т.е., в течение семи дней). Затем дату начала выборов перенесли на 15 или 26 ноября. Фактически, выборы во Всероссийское Учредительное собрание в избирательном округе Западного фронта были проведены с 22 по 28 ноября [2, с. 257-258]. Это было вызвано захватом власти в России большевистской партией, которая в своих интересах отсрочила проведение выборов на Западном фронте и в ряде других избирательных округов. В выборах в Учредительное собрание на Западном фронте намеревались участвовать кандидаты двенадцати избирательных списков. Список № 1 был представлен блоком партии украинских социалистов-революционеров (эсеров) и украинской социал-демократической рабочей партии (меньшевики), список № 2 – мусульманами-социалистами (Всероссийским мусульманским Советом), № 3 – партией кадетов (конституционно-демократической), № 4 – БСГ (Белорусской социалистической громадой) и съездом солдат-белорусов Западного фронта, № 5 – объединенной РСДРП (меньшевики, меньшевики-интернационалисты и объединенцы), № 6 – Русской демократической партией, № 9 – большевистской партией, № 10 – блоком трудовой народно-социалистической партии (энесов), Всероссийской социал-демократической организации «Единство» (группы меньшевиков во главе с Плехановым) и группы социалистов-революционеров, объединившихся вокруг газеты «Воля народа» (правых эсеров), № 12 – блока партии социалистов-революционеров (эсеров) и Совета крестьянских депутатов солдат армий Западного фронта [3, 4, 5, 6]. Кандидатские списки № 7, № 8 и № 11 имели в своих составах по одному человеку, и все они приняли решение снять свои кандидатуры и не участвовать в выборах [5]. Женщины ударного батальона голосовали на избирательном участке 10-й армии Западного фронта. Их голоса на выборах в Учредительное собрание распределились следующим образом: за список № 1 проголосовал 41 человек, № 3 – 1 человек, № 4 – 1 человек, № 5 – 3 человека, № 6 – 1 человек, № 9 – 219 человек, № 12 – 30 человек. Остальные списки голосов не получили [7, л. 12, 24]. Больше всего голосов (более 70%) женщин-солдат ударного женского батальона на выборах во Все-

русское Учредительное собрание получили большевики. В завершение следует сказать, что они же одержали победу на выборах и на всем Западном фронте. Эта победа была обусловлена не только достаточно высоким авторитетом большевистской партии среди солдат Западного фронта русской армии, о чем много писалось в советские времена. Победили большевики и за счет переноса выборов в Учредительное собрание на более поздний срок, что позволило им до их начала полностью завершить большевизацию войск Западного фронта, обеспечив значительные преимущества над остальными кандидатскими избирательными списками. Итоги же голосования солдат женского ударного батальона, на наш взгляд, сильно зависели от политических симпатий солдат-мужчин, о которых женщины-солдаты не могли не знать.

Использованная литература

1. Пяцьдзсят чатыры дарогі. Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў / склад. тэкстаў – Я. Казека. – Мінск: дзярж. выд.- ва БССР, 1963. – 551 с.

2. Знаменский, О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения / О.Н. Знаменский. – Л.: Наука, 1976. – 364 с.

3. Большевистские кандидаты на выборах в Учредительное собрание по Западному фронту // Буревестник. – 1917. – 18 октября. – С. 1.

4. Кандидатские избирательные списки на выборах в Учредительное собрание по Западному фронту // Фронт. – 1917. – 24 октября. – С.1-2.

5. Кандидатские избирательные списки на выборах в Учредительное собрание по Западному фронту // Фронт. – 1917. – 31 октября. – С. 2.

6. Кандидаты организации «Единство» на выборах в Учредительное собрание по Западному фронту // Единство. – 1917. – 8 ноября. – С. 2.

7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 60 п. – Оп.3. – Д. 346. Фронтовая комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание Западного фронта.

РАСПОСТРАНЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ГОМЕЛЬСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ МОГИЛЕВСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСТВА В 1897–1907 ГГ.

Восович С.М.г. Брест, БрГТУ

Гомельский братский союз активно занимался распространением религиозно-нравственной литературы. Значительная часть книг, брошюр, листов раздавалась народу бесплатно. Так, по просьбе священника тюремной церкви г. Гомеля отделение выдало 15 декабря 1897 г. 170 экземпляров книг для чтения заключенным. Через полтора месяца, 25 января 1898 г., в ответ на просьбу Могилевской духовной консистории, отделение постановило выслать в Утевский приход 170 книг религиозно-нравственного содержания и 525 крестиков для бесплатной раздачи народу [1, с. 130].

Наибольшее количество литературы было бесплатно роздано в 1899 г. – 3211 экземпляров листов и брошюр [2, с. 114]. Больше всего её распространялось в храмовые праздники. Например, в указанные дни в 1899 г. в Гомельском Свято-Петропавловском соборе, Гомельской Свято-Троицкой церкви и Белицком Свято-Александроневском храме было бесплатно роздано богомольцам 1600 экземпляров Троицких листов и 50 брошюр. В м. Хальч для проведения аналогичного мероприятия в 1899 г. было выслано 100 экземпляров Троицких листов и 100 брошюр [2, с. 112].

Порой листки и брошюры бесплатно раздавались во время продажи книг в часовне Свято-Петропавловского собора. Например, в 1900 г. таким способом было распространено 300 листов, книг и брошюр [3, с. 81]. Временами литература просто раздавалась посетителям чайных Попечительства о народной трезвости.

Часть литературы передавалась лицам, оказавшим содействие братству. Так, с целью поощрения правильного и благоговейного чтения в церквях, поддерживавшего религиозное настроение богомольцев, Гомельское отделение, согласно постановлению своего управления от 1 августа 1899 г., наградило 158 экземплярами Нового Завета лучших и усердных чтецов уезда, отмеченных приходскими священниками. Книгами Нового Завета были награждены также два заведующих братскими библиотеками-читальнями: сиделец второй чайной Попечительства о народной трезвости в г. Гомеле Курошко и сиделица Белицкой чайной Владычанская. А

заведующий книжным братским складом при Свято-Петропавловском соборе В.А. Шевелев, «несущий трудныя обязанности приёма, выдачи, сортировки и продажи книгъ», был награжден Библией [2, с. 113].

Рассматриваемый вид деятельности постепенно стал сокращаться с 1900 г., а в 1902–1903 гг. Гомельское отделение вообще отказалось от бесплатного распространения литературы [таблица 1]. Думается, это было вызвано тем, что братский отдел в начале XX в. перестал получать значительные пожертвования книгами.

Таблица 1

Количество литературы, бесплатно розданной Гомельским братским отделением в 1897–1903 гг.

Количество бесплатно розданных экземпляров книг, брошюр, листов	Годы					
	1897–1898	1899	1900	1901	1902	1903
	790	3211	1091	821	0	0

Источник: Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства, открытое в ознаменование св. коронования их Императорских Величеств; его состояние и деятельность с 19 октября 1897 г. по 1 января 1899 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11–12 (часть официальная). – С. 107; Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства (второй год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1900. – № 9 (часть официальная). – С. 112–113; Отчет о состоянии и деятельности Гомельского отделения Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1900 год (третий год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1901. – № 9 (часть официальная). – С. 81; Деятельность двух отделений братства – Гомельского и Мстиславского. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1902. – № 9–10 (часть официальная). – С. 66; Деятельность двух отделений братства – Гомельского и Мстиславского. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. –

1903. – № 9–10 (часть официальная). – С. 80–81; Краткий очерк деятельности двух братских отделений – Гомельского и Мстиславского за 1903 г. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1904. – № 13 (часть официальная). – С. 85–87.

В последующее время Гомельская братская организация все-таки вернулась к данному виду деятельности. За первые десять лет существования отделения было бесплатно роздано народу около 13000 книг, брошюр и листовок.

Придавалось большое значение не только бесплатному распространению, но и продаже литературы. В первый год существования Гомельское братское отделение организовало книжную торговлю в двух местах г. Гомеля: в часовне местного Свято-Петропавловского собора и при чайной Попечительства о народной трезвости. Заняться о более широком распространении полезных для народа книг, отделение делало незначительные надбавки на продаваемую продукцию. В результате чистая прибыль была небольшой. Так, несмотря на то, что к 1 мая 1898 г. было продано 1037 экземпляров книг различного содержания, отделение получило чистой прибыли лишь 1 руб. 62 коп. [1, с. 131]. За 1289 экземпляров книг, брошюр и листовок религиозно-нравственного содержания, проданных к 1 января 1899 г., было получено чистой прибыли 3 руб. 55 коп. [4, с. 107]. Причем со второго года книжная торговля проводилась только в часовне Гомельского Свято-Петропавловского храма.

Наибольшее количество книг Гомельским отделением было продано в первые полтора года его существования [таблица 2].

Таблица 2

Количество книг, проданных Гомельским братским отделением в 1898–1903 гг.

	Годы					
	1897–1898	1899	1900	1901	1902	1903
Количество проданных экземпляров книг	1289	502	204	-	-	-
Сумма, вырученная от	32,75	47,86	17,86	-	-	-

продажи литературы (в руб.)						
-----------------------------------	--	--	--	--	--	--

Источник: Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства, открытое в ознаменование св. коронования их Императорских Величеств; его состояние и деятельность с 19 октября 1897 г. по 1 января 1899 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11–12 (часть официальная). – С. 107; Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства (второй год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1900. – № 9 (часть официальная). – С. 113; Отчет о состоянии и деятельности Гомельского отделения Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1900 год (третий год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1901. – № 9 (часть официальная). – С. 81; Деятельность двух отделений братства – Гомельского и Мстиславского. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1902. – № 9–10 (часть официальная). – С. 66–68; Деятельность двух отделений братства – Гомельского и Мстиславского. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1903. – № 9–10 (часть официальная). – С. 80–82; Краткий очерк деятельности двух братских отделений – Гомельского и Мстиславского за 1903 г. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1904. – № 13 (часть официальная). – С. 85–87.

С целью распространения в деревнях предметов «религиозного почитания» отделение на своем заседании 21 января 1898 г. постановило выписать на 60 руб. крестиков и иконок для организации их продажи в некоторых селах Гомельского уезда при местных церквях. В связи с этим был даже сделан запрос о высылке образцов в мастерскую серебряных и бронзовых изделий Романова, расположенную в с. Красном Костромской губернии [1, с. 131]. Думается, данное начинание Гомельского братского отдела не получило дальнейшего развития, так как в последующих отчетах ничего не говорилось об устройстве торговли при храмах.

В 1903 г. продажа книг стала осуществляться при помощи книгоноши. За сравнительно короткий период времени (полтора месяца

ца) он смог продать 657 книг и брошюр на сумму 29 руб. 24 коп. [5, с. 86].

Продавцами религиозно-нравственной литературы служили лица, работавшие в учреждениях, при которых создавались братские заведения. Так, книжную торговлю в часовне Гомельского Свято-Петро-Павловского собора в 1897–1898 гг. осуществлял Шевелев, который занимался одновременно продажей свеч. Лица, отвечавшие за продажу литературы Богоявленского братства, получали в 1898 г. жалованье: Шевелеву и Кузьмину, работавшему при первой чайной Попечительства о народной трезвости в г. Гомеле, ежемесячно выдавалось по 3 руб. [1, с. 131]. В последующие годы в статьях расхода не было упоминания о выплатах данным лицам.

В целом, в течение 1897–1907 гг. Гомельским отделением Могилевского Богоявленского братства было продано около 5000 экземпляров различной литературы на сумму, составлявшую около 200 руб. [6].

Таким образом, с целью укрепления православной веры у населения Гомельщины местное отделение Могилевского Богоявленского братства на протяжении всего своего существования занималось распространением и продажей религиозно-нравственной литературы.

Использованная литература

1. Отчет о деятельности Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства с 19 октября 1897 г. по 1-е мая 1898 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1898. – № 17 (часть официальная). – С. 129–132.

2. Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства (второй год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1900. – № 9 (часть официальная). – С. 110–118.

3. Отчет о состоянии и деятельности Гомельского отделения Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1900 год (третий год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1901. – № 9 (часть официальная). – С. 80–88.

4. Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства, открытое в ознаменование св. коронования их Императорских Величеств; его состояние и дея-

тельность с 19 октября 1897 г. по 1 января 1899 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11–12 (часть официальная). – С. 106–109.

5. Краткий очерк деятельности двух братских отделений – Гомельского и Мстиславского за 1903 г. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1904. – № 13 (часть официальная). – С. 85–88.

6. Г.[рицкевич]. Краткий очерк деятельности Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства со времени его учреждения / Г.[рицкевич]. // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. – 1907. – № 7. – С. 145.

ПРИЧИНЫ МИГРАЦИЙ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 60-Е ГГ. XIX В.

Давидович А.В.г. Минск, БНТУ

Миграции населения – явление, характерное для всех времен существования человечества. Причины и формы миграций в разные эпохи были различными. Миграции оказали большое влияние на экономическое, политическое, культурное и т.д. развитие отдельных стран и народов, в том числе, и на Российскую империю второй половины XIX в.

Миграция (от латинского *migratio* – перехожу, переселяюсь) – перемещение людей, связанное, как правило, со сменой места жительства. Различают внешнюю (за пределы страны) и внутреннюю миграцию [1, с. 738]. В российском государстве миграция населения в дореволюционный период была вызвана аграрным перенаселением.

В основном миграции населения в Российской империи в период капитализма проявились в виде, во-первых, сезонных перемещений крестьян в поисках заработка с регулярным возвращением к постоянному месту жительства (отхожие земледельческие и неземледельческие промыслы), во-вторых, ухода сельского населения в города, обусловленного образованием рынка рабочей силы для промышленности, в-третьих, перемещения крестьянского населения на окраины Российской империи с целью продолжения земледельческого хозяйства (аграрные миграции).

Одной из главных отличительных особенностей российских переселений от миграций в Западной Европе был их внутренний характер. Особенностью было также перемещение преимущественно земледельческого населения. По ряду причин Беларусь была районом активных аграрных миграций крестьянства в этот период.

Среди предпосылок, обусловивших крестьянские переселения, главная роль, несомненно, принадлежала земельным условиям, в которые белорусское крестьянство было поставлено реформой 1861 г. В землевладении западных губерний продолжал господствовать помещичий класс: по данным за 1877 г. половина земельной площади пяти западных губерний оставалась в его руках. В 49 губерниях Европейской России эти земли занимали только 24%. Наибольшая площадь дворянских земель среди белорусских губерний концентрировалась в Минской губернии – 60,7%, наименьшая в Гродненской – 41,7% в силу наличия там больших площадей земель казенных, церкви и т.д., в то время, как наделы сельской бедноты уменьшились на $\frac{1}{4}$ от первоначальной величины [2, с. 29].

По удельному весу дворянского землевладения Беларусь уступала только Прибалтийскому краю. Высокая степень концентрации земель в руках незначительного числа помещиков означала безземелье огромных крестьянских масс. Хуже прочих надельной землей были обеспечены крестьяне восточных губерний Беларуси.

Отсталые орудия труда оставались базой крестьянского хозяйства, являясь прямым продолжением средневекового ведения хозяйства, выражением крестьянской нищеты. Так, например, в Могилевской и Витебской губерниях не изжила себя даже примитивная борона «смык» – связанные еловые плахи с длиннообрубленными сучьями, заменявшими зубья. Несколько большее распространение в Центральной и Западной Беларуси железных плугов и борон не вытеснило архаичные орудия крестьянского труда [3, с. 54].

Плохо обработанные, слабо или совсем не удобренные крохотные земельные участки давали низкие урожаи. Крестьяне вынуждены были идти по пути расширения запашки. Нужда в земле заставляла крестьян превращать в пашню все, что только можно. В значительной степени крестьянская пахотная земля расширялась за счет запашки пастбищ, зарослей, лесов и т.д. Выгоны, луга, сенокосы

сохранились лишь на самых низменных заливных лугах, где почти никогда не высыхала вода.

Являясь выражением крестьянской нужды, этот процесс еще более усиливал ее, так как расширение запашки шло за счет таких угодий, без которых затруднялось само существование крестьянского хозяйства. В частности, сокращение площади пастбищ отрицательно сказалось на крестьянском животноводстве. В отчете Минского губернатора за 1875 г., говорилось о том, что крестьянские хозяйства губернии имеют скот на 1/7 от потребности [3, с. 57].

Положение крестьянской бедноты осложнялось еще и тем, что местная промышленность могла поглотить лишь незначительную часть избыточных сельских рабочих. Остальные искали заработки в местных и отхожих промыслах.

На занятости рабочей силы сказывались кризисы, свойственные капиталистическому способу производства. Так, например, в 1889 г. в промышленности Гродненской губернии объем производства уменьшился в сравнении с предшествующим годом на 10 % [3, с. 55]. Вследствии кризиса, в полную силу проявившегося в лесной промышленности, на внешнем рынке резко сократился спрос на лесную продукцию. В связи с этим бедная часть крестьянства лишилась обычных заработков, которые при их малоземелье имели важное значение в возможности прокормить свои семьи. В 1880-1890-х гг. прогрессирующее обнищание деревни усилилось затянувшимся аграрным кризисом. Следствием его было падение цен на сельскохозяйственные продукты. Это приводило к обесцениванию и без того дешевого крестьянского труда.

Таким образом, для огромной массы крестьянства создавалась обстановка невозможности отыскать средства к жизни на родине. Отсюда неизбежность обращения крестьян к последнему средству – переселениям. Переселенческая политика в Российском государстве этого времени определялась, прежде всего, аграрным вопросом, а также социальными, политическими, национальными и военно-стратегическими целями самодержавия. Свобода переселений затрагивала интересы помещиков, боявшихся лишиться выгодных арендаторов и дешевой рабочей силы. Самодержавие боролось «с вредной подвижностью и бродяжничеством» еще и потому, что ос-

новной массе дворян свободное перемещение значительных крестьянских масс казалось предвестником новой пугачевщины.

Как часть аграрного вопроса, переселенческий вопрос имел свои особенности в белорусских губерниях. С одной стороны, царское правительство понимало необходимость периодически приоткрывать клапан и выпускать «излишки» сельского населения, а с другой, стремилось сохранить в крае «русский элемент», как свою опору и рабочую силу для него – крестьянство. Борьба этих двух тенденций и отражалась на содержании переселенческой политики в нашем крае.

Восстание 1863 г. обострило, так называемый, польский вопрос. Наряду с идеологическим давлением власти стремились подорвать экономические позиции дворян-поляков посредством создания льготных условий для перехода их земель в руки русских помещиков. Чтобы полностью решить этот вопрос, самодержавие и тут стремилось не допускать переселения крестьян-белорусов за пределы Северо-Западного края.

Лишив крестьянство возможности переселяться, правительство не могло остановить этот процесс фактически. Поэтому, чуть ли не с момента объявления крестьянам «воли» от них начали поступать прошения о разрешении на переселение. Началось и неофициальное, самовольное переселенческое движение.

Более массовым оно стало в конце 1860-х гг. В Беларуси на это повлияли неурожайные 1865–1868 гг. Так, например, в течение первой половины мая 1868 г. в Могилевской губернии из-за недостатка продовольствия на юг тайком отправились десятки крестьянских семей. В ответ на это губернатор приказал у крестьян, не успевших покинуть свои села, отбирать паспорта. Уездным исправникам предписывалось ни под каким предлогом не разрешать крестьянам продажи своего имущества. Было также признано необходимым крестьян, которым удалось уйти за пределы губернии, возвращать на родину по этапу [4, с. 63].

Переселенческое движение 1860-х гг. с течением времени приобрело затяжной и упорный характер. Крестьяне, настойчиво подававшие во все местные инстанции прошения о переселении и, как правило, получавшие отказы, решили, что власти сознательно задерживают их на месте, скрывают «высочайшее повеление», желая заставить вновь обрабатывать барщину помещикам. Поэтому в ходе

переселенческого движения конца 1860-х гг. стихийно возник институт ходоков – крестьянских уполномоченных, направлявшихся в предполагаемые районы переселения с целью предварительного ознакомления с качеством земель и условиями жизни там.

Надо отметить, что в это время сибирские губернии как район переселения играли очень незначительную роль. Переселенцы – крестьяне из западных губерний, как и из всей Европейской России, преимущественно направлялись в такие губернии, как Екатеринославская, Херсонская, Таврическая и другие южные районы страны [5, с. 5].

Борьба властей с крестьянским движением в какой-то степени повлияла на спад в нем, произошедший в начале 70-х гг. XIX в. Но все же главные причины переселенческого спада крылись в социально-экономическом развитии империи. Крестьянам уже было разрешено покупать и арендовать помещичьи земли, перед ними открылись возможности промысловой деятельности. Это должно было, по мнению властей, задержать их на родине и на некоторое время отвлечь от вынужденного и для многих ничего хорошего не обещавшего переезда.

Фактором, сдерживающим переселения, стало некоторое улучшение экономической конъюнктуры в крае, так как на смену ряду неурожайных лет пришли годы хороших урожаев, особенно картофеля. Также повлиял на уменьшение переселений начавшийся рост цен на сельскохозяйственные продукты. Это стало одной из причин расширения крестьянских запашек: возвратились в оборот заброшенные в годы неурожая земли, распахивались новые. В это время среди крестьян Российской империи, и белорусских губерний в том числе, распространялись упорные и ничем не подтвержденные слухи о будто бы предстоящем разделе помещичьих земель, что также обусловило выжидательную позицию крестьянства. Лишь в последние годы второго пореформенного десятилетия переселенческое движение вступило в новый период после целой полосы затишья.

Таким образом, в конце 1860-х гг. в Беларуси, как и во всей Европейской России, имела место первая переселенческая волна. Переселенческое движение этих лет проявилось во всех шести северо-западных губерниях. Оно имело свои особенности и активно повлияло на экономическую, культурную, политическую и т.д. жизнь нашего края.

Использованная литература

1. Антипова Е.А. Миграция населения / Е.А. Антипова // Республика Беларусь: энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2007. – Т. 4. – С. 738.
2. Панюціч В. Рэформы дзяржаўных сялян Беларусі (канец 50-х-70-я гг. XIX ст.) / В. Панюціч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 3. – С. 23–32.
3. Котов А.И. История земельных отношений в Беларуси (с древнейших времен до наших дней) / А.И. Котов. – Минск: «Ураджай», 2001. – 157 с.
4. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Беларуси / П.Д. Верещагин.- Минск: БГУ, 1978.-143 с.
5. Крых Г., Токць С. Гісторыя пасялення Мінск – Дваранскае: засцяпковая шляхта з Беларусі ў сібірскім Прыпытышы / Г.Крых, С. Токць // Беларускі гістарычны часопіс.– 2012. – № 3. – С. 4–10.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТСТ.

Злотников А.Г.

г. Гомель, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Важнейшим социальным критерием прогресса, особенно в прежние времена, являлось демографическое развитие. Наивысшие в дореволюционной истории Беларуси темпы роста населения приходятся на XIX ст. и особенно на послереформенный период. М.В. Довнар-Запольский со ссылкой на известного русского статистика академика К. Германа, возглавлявшего статистическое отделение Министерства полиции, приводит следующую динамику роста численности населения бывшего Северо-Западного края: конец XVI в. – не менее 1 млн. чел.; конец XVII в. – не более 1,6 млн. чел., конец XVIII в. – около 3,8–3,9 млн. чел. [1, с. 188]. А за почти 60-тилетний период XIX в. численность населения губерний Северо-Западного края, по этим данным, возросла до 5,6 млн. чел. И далее Довнар-Запольский отмечает, что «в противовес крепостной эпохи в последующем пятидесятилетии население возрастает с 5,6 млн. душ обоего пола в 1863 г. до 14 млн. в 1914 г., т.е. увеличивается в 2,5 раза» [1, с. 434].

Вместе с тем отметим, что в оценке численности населения белорусских земель на рубеже XIX–XX вв. существуют расхождения. Так, приведенная Довнар-Запольским численность населения в 5,6 млн. чел. на порядок расходится с данными Эркерта (4294 тыс. чел.) и А. Риттиха (4485 тыс. чел.), относящимися к этому периоду, которые приводит А.Н. Пыпин [7, с. 158]. Хотя оценка Эркертом и Риттихом общей численности населения схожа, особенно если учесть, что их работы вышли с разницей в один год. Этническая характеристика населения белорусских губерний у них следующая: русских (читай – белорусского населения) у Эркерта – 2531 тыс. чел., у Риттиха – 2854 тыс. чел. Более значительны (в удельном весе) расхождения их данных в отношении других этносов: поляков у Эркерта – 791 тыс. чел., а у Риттиха – 383 тыс. чел.; литовцев и латышей у Эркерта – 529 тыс. чел., а у Риттиха – 713 тыс. чел.

Если для современников, пользовавшихся официальными статистическими данными, были такие разночтения, то ныне эта проблема стала еще более сложной. Во-первых, на порядок расходятся сведения разных исследователей того периода и современные статистические данные в отношении численности населения Беларуси согласно первой всероссийской переписи населения. Так, Е.Ф. Карский приводит следующую численность населения белорусских земель в определенных им границах: 10 127 925 чел. в 1897 г. и 11 065 606 чел. на 1 января 1903 г. [3, с. 164]. Интересны его данные тех аспектов демографического развития в том виде, в каком сегодня наука рассматривает демографические проблемы. Во-вторых, имеется проблема миграции населения (беженцев) из Московской Руси на белорусские земли – «в Могилевскую (в г. Ветка), Витебскую, Сувалкскую, Виленскую и Ковенскую губернии (прежде всего во времена Ивана Грозного, Бориса Годунова, эпоху самозванцев и даже позже во времена Екатерины II» [3, с. 164]. Этот аспект подтверждает и М.В. Ломоносов, который в письме к графу И.И. Шувалову (от 1 ноября 1761 г.) «О размножении и сохранении российского народа» значительное внимание уделял (в современной терминологии) миграции из Российской империи в белорусские земли. Анализируя последствия массовых побегов крестьян за рубеж, Ломоносов называл их «живыми покойниками»: «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона. Побегии бывают более

от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Для расколу много уходит российских людей на Ветку» [5, с. 613].

В-третьих, проблемой является характеристика этнической структуры губерний Северо-Западного края. И, наконец, в-четвертых, это определение общей численности белорусов не только в губерниях Северо-Западного края, но и в пограничных с ними территориях. По данным Е. Карского, к 1903 г. численность белорусов в 14-ти губерниях составила 8 317 961 чел., в том числе, в Минской губернии – 1 755 069 чел., Могилевской – 1 650 069, Виленской – 1 076 435, Витебской – 976 638, Смоленской – 947 826, Гродненской – 861 640, Черниговской – 700 000, Тверской – 125 000, Ковенской – 60 000, Псковской – 42 400, Калужской – 41 029, Орловской – 38 484, Сувалкской – 22 390 и Курляндской губернии – 20981 чел. [3, с. 164–170].

Для других европейских стран, как и Беларуси, были характерны высокие темпы роста численности населения. Это свидетельство того, что и демографические процессы Беларуси развивались в русле мировых тенденций, за исключением, разумеется, стран американского и австралийского континентов, рост численности которых, кроме высокого естественного прироста, происходил и за счет значительного миграционного притока и был, естественно, выше. Это значит, что тот «демографический взрыв», который концепция демографического перехода относит на 1920–1950-е гг., Беларусь прошла раньше. Это ставит вопросы к теории демографического перехода как якобы единственной научной теории, объясняющей особенности современных демографических процессов, связывающей повторение демографических фаз и этапов, которые, дескать, были положены западными странами – концепция «вестернизации». Это не столько тенденция «вестернизации», сколько отражение противоречия между развитием производительных сил и инертности (отставания) демографических процессов. В этой связи темпы роста численности населения на белорусских землях в послереформенный период были особенно высоки. Этот высокий рост численности населения связан с бурным развитием капиталистических отношений в России и тем, что А. Смит вкладывал в концепцию «человека экономического

Высокий рост численности населения тогдашней Беларуси породил ряд социальных проблем, социологический анализ которых

дал М.В. Довнар-Запольский. Прежде всего, это интеллектуальная миграция этнических белорусов. Причины белорусской «утечки мозгов» на рубеже XIX–XX вв. Довнар-Запольский объяснял преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев. Именно этим, по его мнению, был вызван отток высокообразованных этнических белорусов из Беларуси, которым преобладающие в экономической сфере этносы в этих регионах ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал. Не удивительно, что на рубеже XIX–XX вв., вплоть до 1917 г., в городах белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе [8, с. 201].

Довнар-Запольский особенности экономического развития различных отраслей народного хозяйства в определенной мере связывал с этническим составом населения страны. В частности, он акцентировал внимание на высокой (11%) численности евреев [2, с. 21-26], для которых «кроме торговли, обычным занятием была аренда таможенных и ярмарочных пошлин, занятие откупам и корчемством». По материалам переписи 1897 г. среди занятых в промышленности, торговле, на всех видах транспорта и средств связи, а также в роли домашней прислуги и городских поденщиков евреев было 59,9%, белорусов – 17,1, поляков – 10,2, русских – 10,1, латышей – 1,3, литовцев – 0,8 и украинцев – 0,6%. Перед Первой мировой войной на долю национального белорусского рабочего класса и буржуазии приходилось около 2% от всей численности проживавших на родине белорусов, в том числе, буржуазии насчитывалось около 20 тыс. человек. «.. В конце XIX в. классовая характеристика населения Беларуси была представлена: крупной буржуазией, помещиками и высшими чиновниками – 147 тыс. чел., зажиточными мелкими хозяевами – 670 тыс. чел., беднейшими мелкими хозяевами – 1 млн. 993 тыс. чел., пролетариями и полупролетариями – 3 млн. 674 тыс. чел.» [8, с. 195, 188].

Следующая проблема – это перенаселенность, о которой Довнар-Запольский пишет: «рост плотности населения (с 20 чел. на 1 кв. версту в 1863 г. до 49 чел. в 1914 г.) уже дает перенаселенность при данных условиях хозяйства» [1, с. 435]. Это ставило на повестку дня осуществление перехода от аграрной экономики к индустриальной: «это уже угрожающая перенаселенность, которая

говорит об избытке населения в деревне, о том, что земледелие не потребляет всего труда населения». Ученый констатирует: «Выход из этого затруднительного положения заключается в расширении площади пользования, в интенсификации хозяйства и в переселении – если городская промышленность не может потребить нарастающего в деревне труда. Потребность в переселении сделалась весьма актуальной. Переселение началось в конце 1880-х и 1890-х гг. и белорусское население просачивалась в Сибирь сначала весьма небольшими группами. Но уже в половине 1900-х гг. белорусский переселенец занял едва не самое видное место среди переселяющихся в Сибирь: только 4 губернии (Могилевская, Минская, Витебская и Смоленская) за 20-летие 1896-1915 гг. дали 7-ю часть переселенческого движения за этот период всей России, и белорусское переселенческое движение превзошло переселенческое движение из центрально-промышленных губерний. Это, конечно, большой урон для хозяйства Белоруссии, тем более, что, как правило, переселенческий поток пополнялся здоровым середняком. Рост переселенческого движения Белоруссии понятен, если мы скажем, что города наши росли чрезвычайно слабо. Процент городского населения с 12,1% в 1863 г. снизился до 11,5% в 1897 г. и поднялся только до 14,3% в 1914 г., когда начало чувствоваться уже дуновение индустриализации» [1, с. 435].

К анализу Довнар-Запольским внутрироссийских миграционных процессов на Беларуси добавим характеристику международной миграции Беларуси в начале XX в. Важным источником изучения международных миграционных процессов на Беларуси дореволюционного периода является работа известного политического деятеля, руководителя в конце 1920-х гг. ЦСУ СССР, Н. Осинского «Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР». Если Довнар-Запольский отмечал широкие масштабы белорусской миграции в деле заселения Востока и Сибири, то Осинский сообщал о высокой миграционной подвижности населения губерний Северо-Западного края в период 1905-1913 гг. на американский континент: «к 1906–1907 гг. эмиграционная “зараза” от соседей – поляков, литовцев, евреев – дошла, наконец, и до отсталого западнорусского крестьянина»...Из Виленской губернии оно проникло в Минскую, где пропаганда эмиграционных агентов действовала главным образом на молодежь и на безземельных батра-

ков, которые здесь живут в довольно плохих условиях. Зимой 1914 г. в Минске были предприняты аресты эмиграционных агентов, нелегально переводивших через границу. Но в 1914 г. уход на заработки в Америку отмечается уже и в Могилевской губернии». В отношении социальной характеристики мигрантов Н. Осинский сообщал, что «хотя о социальном составе русской эмиграции 1907-1913 гг. мы не располагаем точными данными, но можно предположить, что безземельные с.-х. рабочие, преимущественно из западных губерний, были самой многочисленной группой среди русских эмигрантов. За ними следовала обширная группа полупролетарских крестьян с ничтожным наделом или мелких арендаторов. Значительно меньше было крестьян, способных самостоятельно вести хозяйство. Среди эмигрантов было и небольшое количество промышленных рабочих, особенно в годы промышленной депрессии – 1908–1909 гг.» [6, с. 62, 73].

В результате в связи с перенаселенностью сел, а также городов и местечек Беларуси шел активный миграционный процесс: «за 1903-1913 гг. отсюда эмигрировало преимущественно в США, Аргентину, Бразилию и Канаду свыше 1,5 млн. чел. Но позже 600 тыс. из них, заработав средства на обустройство хозяйства, возвратились на родину. Необходимо отметить, что в 1912 г. только в Германии работали 100 тыс. выходцев из белорусских губерний, а в 1917 г. белорусов проживало, например, в Петрограде, Москве и Одессе больше, чем в городах Беларуси» [8, с. 201].

Подытоживая результативность миграционных процессов начала XX в., воспользуемся выводом лауреата Нобелевской премии 1971 г. уроженца Беларуси С. Кузнецца, который считал, что «если эмиграция была важна для посылающих стран как средство, ослабляющее давление населения в течение периодов перехода от допромышленных к современным нормам роста, то иммиграция была еще важнее для принимающих стран и наложила заметный отпечаток на их экономический рост» [4, с. 121–122]. Таким образом, на основе представленных материалов можно сделать вывод, что демографический потенциал Беларуси явился источником экономического развития многих других стран.

1. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861-1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Госплан БССР, 1926. – 238 с.
3. Карский Е.Ф. Белорусы: 3 т. Т. 1 / Е.Ф. Карский. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2006. – 680 с.
4. Кузнец, С. Демографические аспекты современного экономического роста / С. Кузнец. – Население и экономика / Под ред. А.Г. Волкова и А.Я. Кваши. – М.: Статистика, 1970. – С. 103–166.
5. Ломоносов, М.В. О размножении и сохранении русского народа / М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – С. 598–614.
6. Оболенский, В.В. (Осинский Н.) Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР / В.В. Оболенский. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. – 138 с.
7. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Т.4 : Белоруссия и Сибирь / А.Н. Пыпин. – Минск.: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – 256 с.
8. Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэб. дапаможнік: / В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашкевіч, Г.П. Бушчык і інш.; пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. – Мн.: Экаперспектыва, 1999. – 454 с.

ВОССТАНИЕ 1863 Г. В НОВОГРУДСКОМ УЕЗДЕ

Карпович О.В.г. Брест, БрГТУ

Подготовка к восстанию в Минской губернии, куда относился и Новогрудский уезд, начались еще в начале 1862 г. Так, Минский губернатор А.Л. Кожевников в донесении Виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову в феврале 1862 г. отмечал революционный настрой среди новогрудского дворянства по отношению к правительству. Уездный предводитель дворянства Владислав Брохоцкий, «очень богатый помещик, дарил своим крестьянам землю, не требуя никакого возмездия, дабы тем их привлечь на свою сторону и направлять их по желанию в случае могущего вспыхнуть восстания...». Регулярные поездки с «подозрительными целями» к Брохоцкому совершали местные помещики Кобылинский, Бохвиц, Ревенский и др. [1, ч. 1, с. 20].

В марте 1863 г. отставной подполковник лейб-гвардии Литовского полка, помещик Новогрудского уезда Станислав Олендский принял участие в заседании повстанческого военного совета в Вильно, на котором было принято решение о начале вооруженного выступления для поддержки действий отряда Людвиг Нарбута в соседнем Лидском уезде Виленской губернии. Олендский принял должность временного военного начальника Новогрудского, Слуцкого и Пинского уездов с задачей формирования повстанческих отрядов во вверенном ему регионе. Повстанческим гражданским начальником Новогрудского уезда стал помещик Константин Кашиц, военным – отставной штабс-капитан Генерального штаба Кароль Шалевич, а уездный врач Владислав Борзобогатый получил должность начальника Новогрудка. Одновременно все помещики уезда были обложены особым налогом (по 1 рублю за каждого временнообязанного крестьянина), для чего сам Олендский выплатил позднее Борзобогатому со своего имения Косичи 300 рублей серебром [2, с. 92–93].

Вооруженное выступление в Новогрудском уезде было назначено на 3 апреля. По сообщению Борзобогатого на том же совете, в уезде было готово выступить 130 вооруженных, обученных и имевших все необходимые припасы людей. Эти данные практически полностью подтверждаются властями. Из рапорта военного уездного начальника Новогрудка Минскому гражданскому губернатору А.Л. Кожевникову следует, что еще в начале марта места своего проживания покинуло 19 беспоместных дворян, 2 помещика, 33 крестьянина, 9 мелких служащих, 8 дворовых служителей (лакеи, камердинеры и т.д.), 10 студентов и гимназистов, 4 мещанина и 2 однодворца [11, лл. 7–10 об.].

На реализацию плана восстания Константин Кашиц получил немалые финансовые средства. Князь Мацей (Матвей) Радзивилл выдал Кашицу под расписку 678 рублей, помещица Умястовская пожертвовала 420 рублей, пинский повстанческий военный начальник переправил своим новогрудским коллегам 2000 рублей [14, s. 47]. Впоследствии Радзивилл в обращении к М.Н. Муравьеву писал, что «к такому поступку... вынужден был безвыходными обстоятельствами, в которых находился в здешнем крае до прибытия вашего высокопревосходительства...». Следственная комиссия вникла в положение князя и, учитывая его чистосердечное призна-

ние, оштрафовала на 2034 рубля серебром [3, с. 181]. Однако сам Константин Кашиц 20 апреля 1863 г. внезапно отказался от своих обязанностей и выехал в Ригу, откуда окольными путями добрался до Минска, где и был арестован. Благодаря показаниям Кашица была раскрыта Новогрудская уездная повстанческая организация. Он был выслан в Казанскую губернию под надзор полиции, а на его имущества наложен секвестр. После выплаты залога в размере 9000 рублей серебром секвестр был снят [4, лл. 57–59].

В самом уезде была при активном участии Олендского, Кашица и Брохоцкого была сформирована революционная организация, в которую вошли также помещики Люциан Бохвиц, Доминик Добошинский, Бронислав Соколовский, Антоний Бохвиц, Александр Иодко, Константин Маевский, граф Константин О'Рурк (отставной штабс-ротмистр) и др. В общей сложности в состав организации входило 35 человек: 14 помещиков, по 7 чиновников и беспоместных дворян, по 3 крестьянина и католических священника и 1 мещанин [4].

Согласно плану, повстанческие отряды, которые в уезде возглавили Шалевич и ксендз Фелициан Лашкевич, двигаясь двумя колоннами, должны были соединиться 7 апреля в Налибокской пуще с отрядом Людвиг Нарбута. Однако этот замысел был нарушен властями. Уже 6 апреля в мест. Мир при попытке переправиться в Ошмянский уезд был арестован так и не успевший возглавить свой отряд Шалевич. На следующий день, 7 апреля, на дороге Щорсы-Налибоки в урочище Белые Мхи объединенные отряды Константина Ключковского (принял командование вместо арестованного Шалевича), Фелициана Лашкевича и помещика Адама Пусловского были разгромлены ротой Староингерманландского пехотного полка майора Слешинского. В результате столкновения повстанцы потеряли около 60 человек убитыми и 5 пленными. Вскоре было поймано местными крестьянами еще 30 человек, бежавших с поля боя, в том числе и Адам Пусловский. В общей сложности примерный состав отрядов Шалевича-Ключковского и Пусловского-Лашкевича выглядит следующим образом: беспоместных дворян и помещиков – 34, крестьян – 27, однодворцев и мещан по 2 человека [5, лл. 16–16об; 6, лл. 3–4].

Тем не менее, с разгромом этих отрядов и самоустранением Кашица повстанческое движение в уезде только наращивало оборо-

ты. Уже в середине апреля земский исправник Новогрудского уезда информировал начальника Минской губернии Кожевникова о побегах жителей уезда в леса. Из Любчанской волости бежали 44 беспоместных дворянина, 5 помещиков и 7 крестьян; Вересковская волость недосчиталась 16 своих крестьян [7, лл.165–167; 8, л. 124].

Остатки разбитого отряда Лашкевича привел в Налибокскую пушу управляющий имением помещиков Дыбовских Бересневич, где их присоединил к своему отряду отставной артиллерийский штабс-капитан Владислав Володько. В числе повстанцев были помещики Бохвиц, Добошинский, Рдултовский, Таурогинский и Врублевский, позднее к отряду присоединились 23 человека из имения Вселюбы, затем еще 6 добровольцев из Щорсов графа Хребтовича. Отряд простоял в Налибоках около месяца, в течение этого времени с помощью местного дворянства он пополнялся людьми, продовольствием и боеприпасами. После небольшой стычки с правительственными войсками отряд перешел в имение Вересков, принадлежавшее Валентину Брохоцкому. Здесь Владислав Володько самоустранился от командования отрядом и его полномочия перешли к прапорщику, слушателю Артиллерийской академии Витольду Миладовскому [2, с. 456–457]. Ввиду постоянного преследования войсками повстанцы маневрировали по территории Новогрудского и Ошмянского уездов, попеременно останавливаясь в имениях влиятельных помещиков, в одном из которых к ним присоединились еще 32 человека окрестной шляхты. 6 сентября 1863 г. вблизи указанной выше дер. Вселюбы произошло столкновение повстанческого отряда под командованием Габиха с подразделением Серпуховского пехотного полка майора Иванова, в ходе которого повстанцы были разгромлены. Их потери составили 3 человека убитыми (в том числе сам Габих), 8 ранеными, 18 попало в плен [1, ч. 2, с. 318–319].

Терпя поражения от правительственных войск, повстанцы принялись искать виновных среди мирного населения. В окрестностях Новогрудка был повешен крестьянин с сыном по подозрению в сотрудничестве с властями. Впоследствии пятеро повстанцев из «жандармов-вешателей» были казнены сами, уже по приговору законной власти, 8 декабря 1864 г. в Новогрудке. Документы сохранили имена этих «героев»: мещане Александр Унгебауэр (20 лет) и Владислав Смыслов (22 года), крестьяне Викентий Улас (22 года),

Степан Миодушевский (27 лет) и Самуил Бич (18 лет). Последнему впоследствии смертный приговор был заменен на 20 лет каторжных работ [12, с. 10–11].

По установленным данным, в восстании 1863 г. приняли участие 257 жителей Новогрудка и Новогрудского уезда: 74 беспоместных дворянина, 27 помещиков, 20 представителей шляхты, 93 крестьянина, 7 чиновников и врачей, 14 однодворцев, 12 представителей городских слоев. Социальное положение еще 10 человек установить не удалось. С особым старанием власти выявляли представителей неподатных слоев, небезосновательно считая именно их основными организаторами и участниками восстания. Станислав Олендский был лишен имения и приговорен к 15 годам каторжных работ, помещик Добошинский и врач Зенон Новодворский получили по 8 лет заключения. Помещики Адам Микульский и Бронислав Соколовский за оказание помощи повстанцам деньгами и продуктами были лишены дворянства и высланы в Томскую губернию; граф О'Рурк был оставлен на прежнем месте жительства под полицейским надзором и впоследствии был вынужден выплатить залог 5700 рублей серебром за сохранность своих имений; помещики Иосиф Пилецкий и Франц Коссовский «за сношения с мятежниками» были высланы в Томскую губернию; дворяне Леон и Ипполит Домейко за нахождение в повстанческом отряде Миладовского были высланы на каторгу; ксендз Киприан Беликович за передачу повстанцам 75 рублей, полученных им от Кашица, был выслан в Пермскую губернию. Были отданы под надзор полиции и подверглись секвестру своих имений помещики Люциан Бохвиц, Константин Тугановский и Доминик Добошинский за «подговор и склонение» своих сыновей «к участию в мятеже». Витольд Миладовский получил 12 лет каторги и в 1863 г. умер в Иркутске [14, с. 54–56]. Ссылке в Сибирь подверглись братья Владислава Борзобогатого – Юзеф и Антоний. Были лишены дворянского достоинства, имущества уездные врачи, сподвижники Борзобогатого Франц Цвирко, Феликс Климович и Эдвард Лазовский [10, лл. 38–39].

Не остались без внимания властей и представители иных социальных групп, участвовавших в восстании. Высылке вглубь России из Новогрудского уезда подверглось 58 крестьян [9, лл. 8–11, 30–33]. В полном составе выслали шляхетскую околицу Добровицу (19 человек), околицу Межники в принудительном порядке покину-

ло 2 семьи из 9 там проживавших, околицу Русиловку – 2 из 13 семей, околицу Дашкевичи – 2 из 14 семей, дер. Межники – 2 из 9 семей [13, с. 59].

Использованная литература

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч. / Под общ. редакцией А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.

2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.

3. Драницын, С.Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. – Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. – 301 с.

4. НИАБ. Фонд 160. – Оп. 2. – Д. 682. Указы Минского губернского правления о розыске и наложения секвестра на имущество и капиталы участников восстания 1863–1864 гг.

5. НИАБ. Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1562. О разгроме повстанческого отряда в Новогрудском уезде.

6. НИАБ. Фонд 296. – Оп. 1. – Д. 29а. О предании военно-полевому суду Адама Пусловского.

7. НИАБ. Фонд 1612. – Оп. 1. – Д. 3. Дело о привлечении к судебной ответственности, о наложении запрещения на имущества разных лиц, принимавших участие в восстании 1863–1864 гг.

8. НИАБ. Фонд 1615. – Оп. 1. – Д. 1. Дело о наложении запрещения на имущества участников восстания 1863 года.

9. НИАБ. Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2725. Списки крестьян, высланных из Минской губернии за участие в восстании 1863 года.

10. НИАБ. Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1522. Циркулярное предписание губернатора военно-уездным начальникам Минской губернии о предоставлении сведений о шляхтичах, однодворцах и поселенцах, принимавших участие в восстании для выселения их из Минской губернии.

11. НИАБ. Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1530. О происшествиях в Новогрудском уезде.

12. Хурсік, В.У. Трагедыя белай гвардыі. Беларуская дваране ў паўстанні 1863–1864 гг. / В.У. Хурсік. – Мінск: Пейто, 2002. – 144 с.

13. Ігнатовіч, Ф.І. Уладзіслаў Борзабагаты. – Мінск: Польша, 1993. – 80 с.

14. Mienicki, R. Ziemia Nowogrodzka w dobie porozbiorowej, 1793–1915 / R. Mienicki. – Wilno: Księgarnia Sw. Wojciecha, 1935. – 80 s.

НЕОГОТИКА В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ XIX–XX ВВ.

Кедрик Т.В.г. Минск, БНТУ

После присоединения к Российской империи в художественной культуре Беларуси продолжали преобладать общеевропейские тенденции. Для европейской культуры этого времени характерно разочарование в идеалах Просвещения и его художественном воплощении – классицизме и поиск новых форм и образов. Доминирующим художественным стилем и эстетической установкой становится романтизм, который отказывается от культа разума и ориентации на классическое нормативное искусство и обращается ко всему чувственному, стихийному, природному. В архитектуре идеи романтизма выражаются в интересе к средневековому наследию и стремлении вернуться к подобным архитектурным формам в противовес классицизму, который опирался на ордерные принципы греко-римской античности. Архитектурное воплощение идей романтизма получило в искусствоведении название «историзма» или «эклетики».

«В середине XIX в стало очевидно, что классическая культурная традиция, не выдержав конкуренции с романтизмом, пришла в полный упадок. Романтические тенденции в искусстве продолжали развиваться и вышли за границы копирования готических традиций, началась эпоха историзма, когда новому освоению подлежали все прежние стили, даже дохристианская архаика. Для каждой культурной традиции был выработан определенный набор характерных особенностей, которые в виде внешнего декора и внутренних интерьеров должны были превратить обычное здание в оригинальное, овеянное духом романтики сооружение» [3, с. 140].

В архитектуре историзма перерабатываются и по-новому интерпретируются принципы предшествующих архитектурных стилей. Появляются такие направления в архитектуре, как неороманский стиль, неоренессанс, неоготика. Романтизм как художественно-эстетическое направление имел место и в русском искусстве, что

способствовало возникновению интереса к древнерусской архитектуре, в России появился неовизантийский и неорусский стили. «На протяжении 1830-1840 гг. русская архитектура решительно преодолела нормативность строгого классицизма и переходила к историзму и эклектике, с поисками образного языка национального романтизма» [4, с. 89].

Беларусь стала той территорией, где имели место тенденции как западного, так и восточного историзма. Преобладание этих влияний в архитектуре во многом зависело от политики царского правительства, проводимой на белорусских землях, прежде всего в конфессиональной сфере, поскольку развитие историзма связано с культовым зодчеством.

Одним из ярчайших направлений историзма на белорусских землях стала неоготика. Этот архитектурный стиль возник в Англии, где традиции готического искусства были наиболее сильны наряду с расцветом садово-паркового искусства и «поэтизацией» средневековой эпохи. Английские зодчие выработали эстетические принципы неоготики. Рескин Д. выделил «добродетели» неоготики, среди которых «истина, которая требует избегать применения неправильных материалов, скрытых несущих элементов и машинного производства, память или необходимость строительства для будущего, поскольку здания обретают величие только с ходом времени и появлением исторических ассоциаций и верность формам прошлого вместо лихорадочного поиска новых» [5, с. 350]. «Свобода» самовыражения, которую готика предоставляла строителям, по мнению Д. Рескина, освобождала их от «рабства», которое было в копировании классических деталей.

Широкомасштабное распространение неоготики на территории Беларуси, безусловно, находилось в русле польского культурного романтизма. Этот стиль был тесно связан с католичеством и стал еще одним способом сопротивления шляхты белорусских земель российскому влиянию. После поражения восстания 1830-1831 российская власть ограничивает строительство католических костелов, в неоготическом стиле возводятся дворцово-парковые ансамбли и часовни (каплицы) в парках дворянских усадеб. Яркими примерами неоготической архитектуры этого времени являются дворец Пусловских в Коссово, возведение которого началось в 1839 г. и часовни в имениях Платеров в Ахремцах, Лапотинского в Сарье.

«Романтические настроения в искусстве эпохи задавали импульс для нового направления в архитектуре сакральных зданий – строительство каплиц (часовен) в парках дворянских усадеб. Как правило, это небольшие по размерам церковные здания, служившие усыпальницами фамилии владельцев. Храмы-часовни владельческих имений создавались в духе свободной интерпретации готической архитектуры, ее романтического переживания художником. Начиная с 1820-х гг и до начала XX в в устройство усыпальницы возле храма или в парке имения становилось характерной чертой усадебной архитектуры» [4, с. 115].

Отличительной чертой строительства каплиц в имениях белорусских земель становилось уподобление их костелам. Уединенный, камерный характер расположения храма в парке усадьбы, отгороженном от суеты повседневной жизни близлежащих сел и приходов, выдавали частное предназначение сооружение как объект личных, экзистенциальных художественных и религиозных переживаний владельца и членов его семьи. Такие родовые неоготические каплицы-костелы становились важным элементов парковых ансамблей. По воле владельца проекты заказывались варшавским, виленским и петербургским архитекторам.

Романтизм в церковном строительстве каплиц чаще всего склонялся к художественно утонченной интерпретации романской и готической архитектуры, в иных случаях к археологизирующей неоготике. Наиболее значительным художественным достижением в этой области признавались работы австрийских, германских архитекторов. Здания органично включались в природу, парковую структуру имения, его пейзажный ландшафт.

Предпринимались попытки включения элементов средневековой архитектуры в облик костелов, возводимых в городах за пределами частных резиденций. Однако это встречало сопротивление Комиссии проектов и смет в Петербурге, осуществлявшей единую архитектурную политику в Российской империи и придерживавшейся доктрины господства единого стиля классицизм.

«С неоготикой соотносится широкий круг ассоциаций – свобода духа, неприятие государственной гражданственности, недовольство существующим порядком политической и социальной системы. В Беларуси в 1830-х гг. после поражения восстания 1830-1831 гг. развитие архитектуры с таким содержанием не могло под-

держиваться строительными организациями империи и как следствие неоготика не получила развития в творчестве русских зодчих» [2, с. 179].

Наибольший расцвет неоготической архитектуры на белорусских землях и повсеместное распространение этого стиля приходятся на начало XX в. и связаны с Манифестом 1905 г., согласно которому в Российской империи объявлялась свобода вероисповедания и разрешалось строительство католических храмов. Особенно много их было возведено в западной и северо-западной части Беларуси.

Решающую роль в становлении этого направления костельного строительства сыграли польские зодчие, особенно представители варшавской архитектурной школы: А. Иджковский, Ф. Ящолд, В. Нейман, Х. Маркони, Ц. Толовский. Неоготический стиль в костельную архитектуру Беларуси приносят такие зодчие как Л. Витан-Дубейковский, получивший образование в Академии архитектуры в Париже, К. Войтеховский, У. Срока. Осваивая архитектурное наследие прошлого, зодчие выбирали наиболее эстетически ценное и актуальное, не ограничиваясь внешним возобновлением форм и декора, искали новые композиционные, пространственные и конструктивные закономерности. Утверждение неоготики происходит не столько через заимствование, сколько через авангардную интерпретацию средневековых архитектурных форм, через поиск интуитивной творческой ассоциативности. «Именно в формах средневековой готики, органически связанной с возвышенными идеалами и христианской духовностью, зодчие находят необходимую гибкость и поливариативность средств формообразования, живописность, сопряженную с мистическим, неудержимым стремлением высь» [1, с. 258].

В неоготической архитектуре наиболее ярко и выразительно проявилась динамичность архитектурной композиции – в вертикалях, в нарастании ритмов стрельчатых ниш и оконных проемов, ступенчатых контрфорсов и острых шпилей. К наиболее ярким сооружениям этого периода можно причислить Петро-Павловский костел в Старых Василишках, костел Девы Марии в Трабах, Алексеевский костел в Ивенце, и самый высокий храм в Беларуси Троицкий костел в Гервяхах.

Таким образом, неоготика в архитектуре Беларуси стала проявлением общеевропейских художественно-эстетических тенден-

ций, а также способом католической шляхты подчеркнуть конфессиональную и культурную особенность региона по сравнению с другими частями империи. Большинство неоготических храмов сохранилось в аутентичном виде и сегодня составляет уникальный пласт историко-культурного наследия белорусских регионов и обладает большим туристическим потенциалом.

Использованная литература

1. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: У 4 т., / Навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2007. – Т. 3. Кн. 2. – 549 с.

2. Морозов, В.Ф. Архитектурные школы в монументальном зодчестве Беларуси к. 18-н.19 в. / В.Ф. Морозов. Минск, БНТУ, 2011. – 224 с.

3. Самусік, А.Ф. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі: Вучэбны дапаможнік / А.Ф. Самусік. Мн.: БДЭУ, 2004. – 209 с.

4. Слюнькова, И.Н. Храмы и монастыри Беларуси 19 века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. И.Н. Слюнькова. М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 616 с.

5. Уоткин, Д. История западноевропейской архитектуры / Д. Уоткин. Кёльн, Кёнемман, 2001. – 424 с.
Корнеенкова И.А., БНТУ

ПРАВОСЛАВНАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Корнеенкова И.А.г. Минск, БНТУ

В конце XVIII в. в результате трех разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. Религиозные отношения на присоединенных землях стали одним из сложнейших вопросов, которые необходимо было решить российскому правительству. Католическая и униатская церкви занимали ведущее положение на землях Великого княжества Литовского. После подписания Брестской церковной унии 1596 г. основное внимание уделялось строительству католических и униатских церквей, а большинство православных храмов преобразовывались в униатские. Ярким примером таких преобразований является Полоцкий Софий-

ский собор. Сразу после подписания Брестской унии собор перешел к униатам и оставался таким до 1839 г. В 1632 г. была создана Могилевская православная епархия, которая не позволила ликвидировать православие в Речи Посполитой. Традиции православного зодчества на Беларуси сохранялись благодаря православным братствам и монастырям. В 1633 г. началось строительство Богоявленского собора в Могилеве, в котором проявляется сочетание западноевропейского барокко и принципов белорусского зодчества. Ко времени первого раздела Речи Посполитой на территории ВКЛ оставалось только 50 православных приходов. После присоединения белорусских территорий к Российской империи начала осуществляться политика унификации церковной структуры, усиления православной церкви и постепенного перевода униатов в православие. Например, в 1783 г. 95 униатских приходов с 413 тыс. прихожан присоединились к православной церкви [1, с. 555]. Влияние православия на белорусских землях усилилось после ликвидации униатской церкви в 1839 г. и присоединения униатского духовенства к православию. В этот период начинается процесс перестройки униатских церквей в православные, а также строительства новых православных соборов и церквей.

Одним из первых культовых сооружений Могилева стал собор Иосифа Обручника. Причиной сооружения этого собора стало важное историческое событие, происшедшее в Могилеве 24 мая 1780 г. В этот день императрица Екатерина II встретила с императором Священной Римской империи Иосифом II для заключения политического союза между Россией и Австрией. В память об этом событии монархи положили закладные камни для фундамента церкви во имя Иосифа Обручника. Проект храма в стиле классицизма был разработан архитектором Н.А. Львовым. При возведении православных храмов использовался характерный для эпохи Просвещения тип храма-ротонды. В таком стиле и был построен этот собор. Купол собора сооружен по подобию римского Пантеона, но с учетом местных климатических условий. Долгое время этот собор считался красивейшим не только в Северо-Западном крае, но и во всей России. Иконостас собора был расписан в 1793–1794 гг. русским художником В.Л. Боровиковским. В 1936 г. собор был униатожен и сохранились лишь архивные фотографии.

В начале XIX в. в Гомеле по указанию графа Н.П. Румянцева был возведен на высоком берегу Сожа величественный Петропавловский собор. Строился он по проекту архитектора Дж. Кларка в 1809–1819 гг. Собор построен в стиле классицизма. Завершается собор грандиозным куполом на высоком барабане, прорезанном двенадцатью окнами. В 1990-е гг. собор был возвращен верующим и отреставрирован.

В 1820–1830-е гг. основное внимание уделялось широкомасштабному строительству православных храмов, что требовало обеспечения их проектной документацией и осуществления контроля за ходом работ. С 1834 г. эти функции были возложены на Комиссию проектов и смет, которая стала главной инстанцией, определяющей политику в области культового строительства в Российской империи. Основным художественным стилем в это время оставался классицизм, но при проектировании православных церквей начали использовать объемно-пространственные формы, выработанные в русском зодчестве в XVII в. Характерные для барокко башни заменяют куполами, интерьеры храмов дополняют иконостасами. Наиболее ранним примером выполнения таких работ явилась перестройка базилианской церкви в Жировицах в 1828 г.

Обширное строительство православных церквей в первой половине XIX в. привело к необходимости разработки своего рода типовых проектов. Первые проекты были выполнены в стиле ампир в 1820-е гг. Завершил это дело московский архитектор К.А. Тон. В 1839 г. был опубликован первый альбом образцовых проектов, выполненных уже в русско-византийском стиле. Этот стиль был определен по прямому указанию Николая I и был призван воплотить в архитектуре идею «православие, самодержавие, народность». В императорском предписании было сказано, что «при составлении проектов на построение православных церквей преимущественно и по возможности сохранять вкус древнего византийского зодчества, для чего могут быть принимаемы в соображение чертежи Тона» [2, с. 432].

После поражения восстания 1830–1831 гг. на белорусских территориях усиливается влияние православной церкви. Происходит ликвидация униатской церкви и осуществляется преследование католической церкви. Запрещается строительство костелов без согласования с властями, закрываются некоторые католические мона-

стыри и костелы. По указу царского правительства и при активном содействии генерал-губернатора М.Н. Муравьева на белорусских землях началось массовое строительство православных церквей, которые в народе получили название «муравьевки». Возводившиеся в этот период церкви были однотипными, хотя местное население имело право выбрать один из проектов на свое усмотрение. Разнообразие в постройку православных церквей вносили храмы с бутовой кладкой. Они строились на Беларуси на протяжении многих веков. Особая выразительность построек достигалась сочетанием бутовой стены и тщательно выложенными из красного кирпича и побеленными элементами декора – угловыми пилястрами, карнизами, наличниками окон.

В середине XIX в. в Беларуси широко практиковалось деревянное зодчество. В ноябре 1864 г. только по Минской Духовной консистории насчитывалось 45 каменных и 399 деревянных церквей [3, с. 62]. Большинство деревянных храмов возводилось по разработанным типовым чертежам, причем архитекторы стремились разнообразить проекты. Примером таких поисков является Покровская церковь в д. Иодчицы Клецкого района, построенная в середине XIX в. Возведена она в центре села на искусственной насыпи, высокий бутовый фундамент гармонично сочетается с деревянным сооружением. Покровская церковь в д. Иодчицы является характерным образцом православного деревянного зодчества второй половины XIX в.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в культовой архитектуре Беларуси получают развитие два направления – неовизантийское и московско-ярославское. В 1847 г. в Минске была построена церковь Марии Магдалины, которая не имеет сложных архитектурных элементов. Это связано с необходимостью подчиняться жестким требованиям стиля и придерживаться выделенной сметы. Вместе с брамой, которая находится рядом, церковь Марии Магдалины создает выразительный архитектурный ансамбль. В центре города появились два храма в неовизантийском стиле. В 1890 г. была освящена деревянная церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери (Железнодорожная). Такое название церковь получила потому, что возводилась за счет пожертвований железнодорожных служащих и правлений Либаво-Роменской и Московско-Брестской железных дорог. В 1930-е гг. церковь была закрыта, богослужение в

ней возобновилось в 1941 г. и проводилось до 1961–1962 гг., до ее закрытия. В октябре 1914 г. был освящен каменный привокзальный храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, который имел вид величественного собора и располагался в ста метрах от деревянной церкви. В мае 1936 г. собор был взорван [4, с. 219]. В 1893–1898 гг. на территории Полоцкого Спасо-Евфросиньевского монастыря построен Крестовоздвиженский собор. Грандиозный, без лишней декоративности, храм прекрасно вписан в пространство монастыря не подавляет небольшой Спасо-Преображенский собор XII в.

В 1860–1880 гг. в церковном строительстве за образец брали архитектурные памятники Москвы и Ярославля XVI–XVII вв. Особенностями московско-ярославского направления являются шатровые завершения колоколен и церквей, выразительно оформленные крытые паперти, использование элементов кирпичной «узорчатой» архитектуры XVII в. Ярким примером этого направления является Воскресенский собор в Борисове, возведенный в 1874 г. Особую торжественность собору придает контраст красных кирпичных стен, украшенных угловыми колоннами, наличниками окон, порталами, кокошниками. В 1907 г. перед собором была построена ярусная шатровая звонница с входной брамой. Храм и колокольня выглядят цельным ансамблем.

На рубеже XIX–XX вв. стало разворачиваться мемориальное строительство, основанное на традиции возведения храмов или часовен в честь знаменательных военных событий и в память о павших воинах. Для архитектуры этого периода характерна историческая стилизация, стремление по-новому использовать прием древнерусской архитектуры. В Беларуси прослеживается синтез конструктивных и декоративных элементов зданий. Почти одновременно были построены две великолепные часовни-усыпальницы. В 1870–1889 гг. возведена часовня–усыпальница Паскевичей в Гомеле, которую относят к ретроспективно-русскому направлению. В часовне богато декорированы фасад и интерьер помещения. В 1904 г. построена часовня–усыпальница Святополк-Мирских в Мире. В этом сооружении уже прослеживаются элементы модерна. Часовня украшена гербом Святополк-Мирских и мозаичным образом Спаса Нерукотворного. Мемориальная каплица в д. Лесная возведена в честь 200-летия победы русских войск над шведами в битве, которая произошла 28 сентября 1708 г. Торжественное открытие капл

цы состоялось в 1912 г. Хотя каплица построена в стиле модерн, но она имеет элементы, характерные для традиционной православной архитектуры. Грандиозные мемориальные храмы были возведены в Минске и Гродно. В Минске в 1896–1898 гг. построена Александро-Невская церковь на военном кладбище по проекту минского епархиального архитектора В.И. Струве. Храм возведен в честь победы русской армии в русско-турецкой войне 1877-1879 гг. В Гродно 30 сентября 1907 г. была освящена войсковая Покровская церковь, которая увековечивает победу над иноземцами [5, с. 209 – 211].

Православные соборы и церкви, построенные в XIX–XX вв., придали белорусским городам и деревням своеобразный облик. В настоящее время они являются великолепными архитектурными памятниками нашей республики.

Использованная литература

1. Грыгор’ева, В., Філатава, А. Прусаўлаўная царква / В. Грыгор’ева, А. Філатава // Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Минск, 1999. – Т. 5. – С. 554.

2. Комарова И.И. Архитекторы / И.И.Комарова. – Москва: «РИПОЛ КЛАССИК», 2000. – 576 с.

3. Лаврецкий Г. Православное зодчество Беларуси / Г. Лаврецкий. – Минск, 1995. – 101 с.

4. Минск. Старый и новый / авт.-сост. В.Г. Воложинский; под ред. З.В. Шибeko. – Минск: Харкест, 2007. – 272 с.

5. Архітэктара Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. кантэксте. У 4 т. – Т. 3. Другая палова XIX – пачатак XX стст. / А.І. Лакотка [і інш.]; навук.рэд. А.І.Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 2007. – 549 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАРОДОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Кукса А.Н. г. Минск, БНТУ

После разделов Речи Посполитой в 1795 г. вся территория Беларуси вошла в состав Российской империи, а Галичина, Буковина и Закарпатье – в состав Австрийской империи. Тем самым Западная Украина попала под влияние европейских процессов, а Правобере-

режная Украина и вся Беларусь вошла в сферу интересов Российской империи. Левобережная Украина и юг Украины, попали в атмосферу абсолютизма и жесткого крепостного гнета, усугубляемого процессами русификации, еще в 1654 г. Таким образом, в начале XIX века появляются как общие черты, так и отличия между белорусским и украинским национальными движениями.

Часть украинских территорий первоначально попала в зону духовно-просветительского влияния Беларуси. В 1773 г. создана Белорусская католическая епархия (с центром в Могилеве), а в 1782 г. – Могилевское архиепископство, в состав которого, кроме костелов Белорусской и Киевской губерний, вошли и те костелы, которые были в пределах Российской империи. Для наивысшей апелляции в 1774 г. при юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финских дел Сената был создан Белорусский департамент, который просуществовал до 1780 г., заменяя собой Главный Литовский трибунал, который с присоединением Вильно к России был ликвидирован.

В административном плане минские земли попали под влияние Киевского генерал-губернаторства. В то время приказом Екатерины II от 1792 г. места в новых губерниях должны были замещать русские люди, а служащих предполагалось брать из малороссийских, Тульской, Калужской и других губерний. В 1795 г. в минских губернских учреждениях работало по восемь человек с Архангельского и Олонецкого наместничества, один – из Тверского и два – из Могилевского. В 1796 г. Виленский генерал-губернатор князь Н. Репнин назначил на канцелярские должности чиновников и студентов с Малороссии. Но приезжие служащие недолго оставались в крае, где для них все было чужим – язык, обычаи, вера и быт. Созданный в 1832 г. «Особый комитет по делам западных губерний» также нацеливался на русификацию края. С другой стороны, период стабильности, без военных стычек и феодальной анархии, способствовал формированию белорусской и украинской наций, которые во второй половине XIX в. приобрели свои отличительные черты.

Национальная специфика нынешних белорусских земель проявилась после присоединения земель к Российской империи. Жители Витебской и Смоленской губерний назывались белорусами, а жители Минской, Виленской, Гродненской – литвинами. Эти отличительные черты проявились и в ходе военной кампании Наполеона 1812 г., когда на территории Минской, Виленской и Гродненской

губерний создано Временное правительство ВКЛ. Тем самым были возрождены литовские государственные традиции на белорусско-литовских землях. Организации, действовавшие на территории Беларуси, называли себя литовскими, поддерживали идеалы польских революционеров по возрождению Речи Посполитой. В связи с этим и украинские деятели, вступая в связи с организациями или людьми, выходцами с территории Беларуси, называли их поляками или литовцами. Имеющийся опыт государственного управления сказался и на большей зрелости программных установок декабристов северного общества, действовавшего на территории Беларуси. Лидеры южного общества были более радикально настроены, что уже само по себе является негативным качеством руководителей, которые предполагали управлять обществом или государством, в отличие от северного общества с центром в Минске.

В первых десятилетиях XIX в. началось культурное возрождение белорусского и украинского народов. В Украине этот процесс связан с Харьковским университетом, а в Беларуси – с Виленским. Под влияние европейских событий 20–30-х гг. XIX в. попали украинские земли в Австрийской империи. Национальное движение тут прошло столь ощутимый подъем, что впоследствии Галицию называли даже «украинским Пьемонтом» (интересно, что позже «белорусским Пьемонтом» М. В. Довнар-Запольский предлагал называть белорусское Полесье). Культурное возрождение в Беларуси, не имея политического направления, разбудило в студенческой среде интерес к народу, к этнокультурной самобытности. Студенты Виленского университета, изучая жизнь, быт и нравы белорусов, начали выделять их особые черты из контекста польского социокультурного окружения. Но до уровня выработки белорусской национальной идеи они не подошли. В ходе преследований со стороны властей Виленский университет в 1832 г. был закрыт. Молодежь из Беларуси высшее образование начала приобретать в украинских, российских и польских высших учебных заведениях.

«Разбор шляхты» 30–40 гг. XIX в. имел важное значение как в смысле сокращения количества дворянства, так и в возрастающем интересе к истории родного отечества. Белорусское этнонациональное движение проявлялось в литературных трудах Каэтана Касовича в газете «Молва» (1835 г.). Затем нельзя не вспомнить литературную и общественную деятельность братьев Гримоловских – Ва-

лериана, Клеменса и Юлиана. Они были первыми, кто опубликовал свои стихотворения на белорусском языке (1837 г.). Однако наиболее плодотворной в разработке белорусской национальной идеи была литературная и общественная деятельность Яна Борщевского, непосредственным продолжателем которого в 50-е гг. XIX в. стал витебчанин Артем Вярига-Даревский.

Большую пассивность проявило и белорусское крестьянство в ходе польского восстания 1830–1831 гг. После 1839 г., когда все белорусские униаты были переведены в православие, став, таким образом, в определенном смысле полноценными гражданами Российской империи, процесс интеграции в русское общество для белорусов завершился. Надо заметить, что этот процесс сопровождался скрытой и открытой русификацией: вместо польских помещиков появлялись русские, были закрыты Виленский университет, Горецкий институт, а в 1840 г. вместо Статута ВКЛ ввели русское законодательство. В то же время на территории Левобережной Украины действовали Харьковский (1805 г.), Киевский (1834 г.) и Новороссийский (1865 г.) университеты, а в пределах Австро-Венгерской империи были созданы Львовский (1784 г.) и Черновицкий (1865 г.) университеты. Появлению высокообразованной промышленной интеллигенции способствовали также Харьковский технологический институт (1885 г.), Киевский политехнический институт (1898 г.), Екатеринославский горный институт (1912 г.) и Екатеринославский частный политехнический институт (1916 г.). Последний, правда, был создан специально для выходцев из еврейского населения. Часть выходцев из Беларуси попадала в эти вузы, вырастая, таким образом, на идеях украинского национального движения (М. Довнар-Запольский, В. Завитневич и др.), что изначально дало почву для проведения аналогий и поиска схожих черт между белорусским и украинским национальными движениями.

Начало выработке национальной идеи в Украине было положено программными документами Кирилло-Мефодиевского братства (1845–1847 гг.), в которых были объединены христианство и романтический национализм. Главным теоретиком демократического народнического течения был Н.И. Костомаров (1817–1885 гг.), который основал народническую школу в украинской историографии. Тесно связан с братством был и Т. Г. Шевченко (1814–1861 гг.), ко-

торый имел огромное влияние на формирование не только украинской, но и белорусской национальной идеи.

Известное воздействие на формирование украинской национальной идеи оказала работа А. Мицкевича «Книга бытия народа польского и польского пилигримства» („Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego“, 1832 г.), что особенно проявилось в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства. В работе А. Мицкевича развивались идеи польского мессианизма. Язык Адама Мицкевича является в большой степени языком польской шляхты в Беларуси и Литве, к которой принадлежал сам поэт и которая с точки зрения грамматической системы и лексических ресурсов имеет в себе множество белорусских элементов, восходящих к местным белорусским говорам. В своём творчестве поэт вводил провинциализмы целенаправленно, тем самым подчеркивая свою локальную особенность. Доктор филологических наук и профессор БГУ Николай Хаустович отмечает, что язык своих произведений Мицкевич называл польским, изредка – «литвинским». По мнению украинских исследователей В. Литвина, В. Смолия и других, программный документ Кирилло-Мефодиевского братства «Книга буття українського народу» был не просто наследованием, а даже копированием работы А. Мицкевича.

Члены Кирилло-Мефодиевского братства сумели выработать концепцию украинского национального возрождения (украинского мессианизма), наиболее полно представленного в «Книзі буття українського народу» (автор Н. Костомаров). По мнению членов братства, национальное возрождение возможно только посредством освобождения крестьян от крепостного права. Конечной целью братства было достижение независимости украинской республики в федерации славянских народов и установление нового общественного строя, основанного на христианских принципах свободы, справедливости и равенства. Достичь самостоятельности должны были все славянские нации. Кирилло-мефодиевцы предполагали ликвидировать самодержавный, монархический строй и установить демократический республиканский строй (президентскую или парламентскую республику) в каждом славянском государстве. «Программными документам Кирилло-мефодиевского братства предвиделось, что в будущей федерации (конфедерации) славянских государств будет создан единый орган – Славянский собор (сейм или

рада), в который будут входить представители (депутаты) от всех государств и будут решать только те вопросы, которые будут касаться всего славянского союза» [1, с. 19]. Но в то же время период европейского национализма 40-х гг. 19 в. ни белорусы, ни украинцы не могли встретить как полностью сформировавшиеся нации, в связи с чем их национальные идеи носили примиренческий, лояльный относительно империи характер. Белорусский и малороссийский язык запрещались, в связи с чем литература была двуязычной.

Члены общества искали поддержки у таких же революционно настроенных организаций. В. Белозерский, находясь весной 1847 г. в Польше, установил контакт с историком литературы славянских народов В. Мацеевским, филологом П. Дубровским и др. Проезжая в 1847г. через Францию, М. Савич передал поэту А. Мицкевичу рукописную копию поэмы Т. Шевченко «Кавказ». Т. Шевченко в 1846 г. познакомился со студентом Киевского университета поляком Ю. Белиной-Кенджицким и даже пытался привлечь его в братство. Посредством Е. Врублевского Кирилло-мефодиевцы установили связь с тайным Братским союзом литовской молодежи. Устанавливались связи также с деятелями российской политической организации петрушевцев.

Братский союз литовской молодёжи – тайная молодёжная польская организация, существовавшая в Белоруссии и Литве в 1846–1849 гг. Союз основан в Вильно обедневшими шляхтичами Франтишком и Александром Далевскими. Поначалу в него входили А. Янковский, К. Маевский, В. Клечковский, Э. Иодко, К. Добкевич. Сначала союз объединял учащуюся молодёжь. В 1848 г. в него влились разночинцы, ремесленники, мелкая шляхта. В программе были выдвинуты требования независимости Польши и провозглашение её республикой, ликвидации всех сословных привилегий, освобождение крестьян и наделение их землёй. Члены союза вели агитацию в Вильне, Новогрудке, Лиде, Слониме и других городах, пытались привлечь на свою сторону солдат Бобруйской крепости и Минского гарнизона. На 5 апреля 1849 г. было назначено восстание. Заговорщики рассчитывали на скорое начало русско-прусской войны. 27 марта 1849 г. начались аресты, к следствию было привлечено около 200 человек: 17 % из них были ремесленниками, 25 % – учащимися, остальные – из мелкой польской шляхты. Руководители и наиболее активные члены приговорены к смертной казни, заменён-

ной каторжными работами от 10 до 15 лет. Многие члены союза впоследствии участвовали в польском восстании 1863–1864 гг.

Существенно меняется подход к национальному вопросу в ходе польского восстания 1863–1864 гг. Если лозунгом польского восстания 1830–1831 гг. было «Единство Польши, Литвы и Западной Руси» (т.е., звучал призыв возобновить Польшу в пределах 1772 г.), то позже после обсуждения с представителями Центрального национального комитета А. Герцен 10 октября 1862 г. в письме «Русским офицерам в Польше» требовал от поляков, признавая независимость Польши, отказаться от претензий на белорусские, литовские и украинские земли. Вслед за этим в декабре 1862 г. в Варшаву прибыли уполномоченные депутаты от Руси (Украины) Э. Ружыцкий и М. Дубеняцкий для заключения федеративного союза. Центральный национальный комитет, не имея возможности отказаться от такого предложения, через этих депутатов заключил соглашение с Киевским провинциальным комитетом. Эти соглашения были положены в основу федеративного союза Украины и Царства Польского [2, с. 10]. В них были следующие слова: «юго-западные губернии (Русь) приобретут свою особую революционную власть, которая будет равной во всех правах Варшавскому центральному комитету» [3, с. 130]. В то же время Литовский провинциальный комитет подобных соглашений не заключал, хотя, тем не менее, именно в это время Литовский провинциальный комитет выделял белорусов и литовцев как отдельный народ. Но, идя в контексте польской национальной идеи, обращаясь к «братьям литвинам и белорусам» 19 марта 1863 г., соглашения подчеркивали, что они составляют единое целое с Польшей и должны поддержать национальные силы в борьбе за ее независимость. В других обращениях также признавалось наличие разных народов, которые стремятся к единству Польши, проживая на одной территории.

По мнению Е. Филатовой, Беларусь в то время – это территория Витебщины, Могилевщины и Смоленщины, а Литва – это Минщина, Виленщина и Гродненщина. Относительно вопроса о государственности белорусско-литовских земель во время восстания наиболее точно высказался член Национального правительства О. Авейде от 26 сентября (8 октября) 1864 г. Он отмечал, что «самые главные провинции Польши, которые надают ей, собственно говоря, государственное значение и вес – Литва с Белоруссией и

Малороссия, или прямо и открыто заявляли о своем нежелании составлять неотъемлемую часть Польши (как Малороссия), или были отчетливо безразличны к польским стремлениям к независимости» [2, с. 97]. Подводя итог своим размышлениям о государственной идеи белорусов, Е. Филатова указывает на тот факт, что «у тагачаснай публіцыстыцы пытанне, з кім павінна ісці Літва – з Польшчай ці з Расіяй, – паўставала даволі часта, што сведчыла пра інтарэс літоўска-беларускага грамадства да ўласнага гістарычнага лёсу» [3, с. 12]

На территории Беларуси в это время развернулась национально-освободительная борьба против России (восстание под руководством К. Калиновского) и зарождалась демократическая национальная интеллигенция. В конце XIX в. белорусское национально-культурное движение на первый план выдвинуло проблему изучения Беларуси как определенного национально-этнографического целого. В этот период белорусская идея включала в себя тезисы о воссоздании независимости государства Беларуси и Литвы, придании белорусскому языку статуса литературного и государственного, о поддержке унияктаства как «белорусской» ветви христианства. Однако завершение формирования белорусской идеи происходит только в 1880-е гг. Окончательно ее сформировали как определенную программу белорусские народники, объединенные вокруг журнала «Гомон» (1882–1884 гг.). Гомоновцы глубоко осмыслили аутентичность национальной индивидуальности своего народа, его потенциальные возможности, увязав национальные интересы Беларуси с общими задачами борьбы против абсолютистского режима.

Неблагоприятные политические условия последней трети XIX–начала XX вв. вынудили гомоновцев и нашенцев (1906–1915 гг.) выдвинуть на первый план идею автономии Беларуси в составе Российской империи, однако, когда ситуация изменилась, белорусские деятели вновь вернулись к идее К. Калиновского. Дальнейшее развитие белорусская национальная идея получила в произведениях Ф. Богушевича, М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Горецкого, А. Луцкевича, В. Ластовского, Я. Лёсика и др.

По мнению Д. В. Карева, демократическое изучение истории Беларуси начинается с попыток К. Калиновского поднять белорусский народ на борьбу против российского самодержавия. Его позиции солидаризировались с мнением А. И. Герцена, выработанных им в

статьях, опубликованных в 1859 г. в «Колоколе». Он отстаивал идею самоопределения украинского и белорусского народов, основанного *на общности языка, вероисповедания и особенностях быта*. Эти идеи А. И. Герцена вошли в программы народников 70-х гг. XIX в., получив формулировку «соответственно местным желанием».

Период национального Возрождения XIX– начала XX вв. вдохновил на самоотверженный труд большую группу белорусских писателей, публицистов, общественных и политических деятелей – В. Дунина-Марцинкевича, народников-гомоновцев Ф. Богушевича, М. Богдановича, А. Луцкевича, В. Ластовского и др. Основу их деятельности составляла национальная идея. Благодаря их усилиям, был утвержден главный принцип национального сознания – понимание собственного исторического пути белорусского народа, который не сводится к судьбе и интересам других народов.

Либеральные подходы в народничестве Беларуси явственно заявили о своей позиции в белорусском национальном вопросе в 1882 г. гектографированной брошюрой «Письма о Белоруссии». Известно только «Письмо первое». Автор «Письма» Д. Боровик упрекал белорусскую интеллигенцию в незнании своего народа, призывал ее последовать примеру интеллигенции Великороссии, Украины, Польши, достигших значительных успехов в изучении своих народов и повышении их национального самосознания. Считая интеллигенцию двигателем народа на пути его развития, автор «Письма» отмечал явное отставание белорусской интеллигенции в деле пробуждения Родины и народа по отношению к украинской («Наша Родина Белоруссия спит сном непробудимым»).

Среди представителей белорусского революционного народничества в решении национального вопроса существовали две группы. Одна из них придерживалась традиционных народнических взглядов (Гомель, Орша, Киевская коммуна могилевцев и семинарская народовольческая группа в Минске), национальный вопрос был для них второстепенным. Из их среды вышло «Послание к землякам белорусам» (январь 1884 г.), где ставилась задача в первую очередь изучать народные волнения и бунты, социальную структуру и социальные отношения. Другая группа предлагала поднять национальный вопрос как знамя революционной борьбы. Ее позиция была представлена в журнале белорусских студентов-народовольцев

«Гомон». Обратившись к национальным проблемам, «гомоновцы» в какой-то мере способствовали пробуждению национального самосознания. Они отчетливо осознали, что Беларусь имеет все особенности, которые выдвигают ее в особую отрасль славянского племени. У нее богатое историческое прошлое и хороший народ (потомки кривичей и дреговичей). В 1870-е гг. усилиями украинского деятеля М. П. Драгоманова в Женеве было издано несколько агитационных брошюр на белорусском языке. Белорусское национальное возрождение, начавшее отчетливо проявляться с 80-х гг. XIX в., постепенно нарастало и к началу XX в. имело уже вполне определенный характер системы политических и исторических взглядов.

Идею культурной национальной автономии Беларуси в рамках Российской демократической федеративной республики до революции 1905–1907 гг. деятели белорусской интеллигенции проводили в жизнь в форме изучения Беларуси как в национально-культурном прошлом, так и в современном ее состоянии. Национально-культурная работа, проявившаяся в деятельности белорусских ученых при издании «Минского листка», «Северо-Западного календаря» и третьего тома «Живописной России» придало «второе дыхание» концептуальным подходам историков первой половины XIX в., создавали условия для постановки преимущественно публицистического варианта национальной концепции истории Белоруссии» [4, с. 219].

Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан молодым М. В. Довнар-Запольским в цикле его статей в 1888 г. «Белорусское прошлое» в газете «Минский листок». Будущее Беларуси он видел в качестве равноправного сочлена федерации народов в сочетании с полной областной самостоятельностью. Областная же самостоятельность имела бы то важное значение, что не мешала бы каждой составной части государства развиваться самостоятельно, по выработанным ею историческим основам. Здесь мы явно видим влияние на исторические взгляды раннего М. В. Довнар-Запольского федералистских идей, работ Н. И. Костомарова, М. П. Драгоманова. Являясь откликом на издание А. Н. Пыпиным в «Вестнике Европы» ряда очерков, посвященных этнографии белорусов, эти статьи поднимали вопросы отставания от украинцев. Историк с горечью отмечал отсутствие в белорусском обществе сил, способных, как вели-

кий Т. Шевченко, М. Максимович, О. Бодянский, П. Котляревский, Гулак-Артемовский в Украине, возродить белорусскую нацию.

Белорусская шляхта после вхождения ВКЛ в состав Речи Посполитой ополячилась и окатоличилась. С момента присоединения Беларуси к России дворянство и чиновничество стали в значительной степени русскими. В результате жестоких войн XVII–XVIII вв. изменился и национальный состав жителей городов. «Третье сословие» оказалось небелорусским. По переписи 1897 г. из 1 млн. городского населения на территории нынешней Беларуси только 100 тыс. составляли белорусы. В Минске в этом же году проживало только 9 % белорусов и 51 % евреев. Благодаря «черте еврейской оседлости» подобные процессы происходили и в Восточной Украине. Таким образом, национальные традиции и культура консервировались в крестьянском сословии.

Использованная литература

1. Україна: політична історія. XX – початок XXI ст. / Редада: В. М. Литвин (голова) та ін. Редкол.: В. А. Смолій, Ю. А. Левенець (співголови) та ін. – Київ: Парламентське вид-во, 2007.

2. Філатава, А. Ідэя дзяржаўнасці на беларуска-літоўскіх землях у 1861–1864 гг. / А. Філатава // *Arche*. – № 12. – 2010.

3. Восстание 1863 г. Док. и материалы. – Вроцлав-Варшава-Краков-Гданьск-Лодзь. – 1985.

4. Карев, Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д.В. Карев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ТЕРРИТОРИЕЙ БЕЛАРУСИ В XIX В.

Лепеш О.В. г. Минск, БНТУ

Нужно отметить, что высшие комитеты по управлению отдельными окраинами – специфическое явление в государственном аппарате России второй четверти XIX в. Выполняя нередко роль своеобраз-

разных территориальных министерств, они осуществляли в отношении подведомственных окраин функции законосовещательных инстанций и органов надзора. В основном это были немногочисленные, наделенные часто огромными полномочиями оперативные объединения особо доверенных императору высших сановников. Как правило, такие комитеты не имели своих канцелярий, а их делопроизводство велось в форме журнала специально приглашенным чиновником – производителем дел. После прочтения и одобрения императором подобных делопроизводственных документов содержание их в форме «высочайших повелений» сообщались в Государственный совет, Комитет министров, Сенат, соответствующие министерства. Необходимость создания подобных комитетов состояла в том, что в условиях растущего бюрократизма и перегруженности мелкими вопросами высшие центральные органы уже были не в состоянии решать более важные вопросы законодательного и административного характера. Тяжелее было с рассмотрением тех проблем, которые возникали на окраинах империи, где существовала «особенная» система управления с «особенным» административно-территориальным делением и «особенными» должностями. Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, возникла идея подменить тяжёлую и костную государственную машину чрезвычайными органами – секретными комитетами. Одним словом, они придавали государственному аппарату Российской империи необходимую ступень гибкости.

Территория западных, в том числе и белорусских¹, губерний в этом случае не была исключением. Но специфика общегосудар-

¹ К западным губерниям или «Западному краю» относились Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская, Киевская губернии и Белостокская область. В 1842 г. из нескольких уездов Виленской губернии была создана Ковенская, а Белостокская область упразднялась. В законодательстве первой половины XIX в. белорусскими губерниями назывались лишь Витебская и Могилёвская. Категория «Северо-западный край» применялась относительно Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской губерний; «Юго-западный край» — Киевской, Волынской и Подольской губерний. В данной статье автор, говоря о белорусских губерниях, имеет в виду Витебскую, Могилёвскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую губернии.

ственных мероприятий в Западном крае определялась шляхетскими восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг.

16 сентября 1831 г. по «изустному приказанию» Николая I для выработки общегосударственных мероприятий по отношению к западному региону империи был создан Комитет западных губерний [3, л. 5]. Комитет западных губерний действовал как учреждение самостоятельное, но он имел весьма близкое отношение к Комитету министров: до учреждения этого Комитета большинство из поставленных ему задач решал Комитет министров. Вполне возможно, что Комитет западных губерний возник по предложению Комитета министров. Многие члены Комитета были членами Комитета министров: из шести лиц, входивших в 1831 г. в Комитет западных губерний, только один (Н.Н. Новосильцев) не был тогда членом Комитета министров. Вначале Комитет министров и Комитет западных губерний имели разные канцелярии, но в ноябре 1840 г. произошло их слияние. Отныне делопроизводство по Западному комитету было возложено на третье отделение канцелярии Комитета министров, а управляющему делами Комитета министров за ведение дел по Комитету западных губерний в год выплачивалось по 1500 руб. серебром. Интересно, что к моменту объединения двух канцелярий в канцелярии Комитета западных губерний не числилось ни одного нерешённого дела. Это позволяет говорить об оперативности работы Комитета.

За семнадцатилетний период существования Комитета состав его неоднократно менялся (как правило, в связи со смертью его членов). С момента основания Западного комитета его председателем был назначен В.П. Кочубей, который также возглавлял Государственный совет и Комитет министров. Членами Комитета являлись министр финансов Е.Ф. Канкрин, попечитель Виленского учебного округа, член Государственного совета Н.Н. Новосильцев, министр внутренних дел А.А. Закревский, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий Д.Н. Блудов, управляющий министерством юстиции Д.В. Дашков. Первоначально делопроизводство Комитета западных губерний возглавлял управляющий делами Комитета министров барон М.А. Корф, затем – Н.И. Бахтин. Позднее членами Комитета в разное время были крупнейшие российские сановники: В.Н. Панин, П.Д. Киселев, А.Г. Строганов, И.В. Васильчиков, А.Х. Бенкендорф, А.И. Черны-

шёв, Л.А. Перовский, А.Ф. Орлов, Ф.П. Воронченко и др. На заседания Комитета приглашались губернаторы и генерал-губернаторы западных губерний Д.Г. Бибииков, М.Н. Муравьев, Н.Н. Хованский, Ф.Я. Миркович. Из первоначального состава последний журнал Комитета был подписан только Д.Н. Блудовым.

Всего было проведено 143 заседания Комитета, на которых члены Комитета рассмотрели более 700 вопросов [4]. Наиболее часто Комитет собирался в 1831–1833 гг. (38 раз) и в 1839–1841 гг. (42 раза). Причины такой «активности» связаны с внутривосточной обстановкой в крае. В 1831–1833 гг. основные усилия Комитета западных губерний были направлены на выработку скорейших мероприятий, которые бы восстановили порядок в регионе после восстания и способствовали скорейшему сближению западных губерний с центром России. В 1839–1840 гг. на территории западных губерний вновь возникла новая угроза правительству. Был выявлен заговор Шимона Канарского. Именно раскрытие тайных организаций привело императора Николая I к убеждению, что нельзя медлить с окончательным проектом интеграции западной окраины в структуры имперского управления. Не случайно в эти годы Комитет был озадачен разработкой указов, касавшихся, в основном, введения российского законодательства на территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины.

Основные вопросы, рассматриваемые в Комитете западных губерний, были связаны с сословной политикой, с проблемами введения на территории Западного края российского законодательства и формирования единого правового пространства, с реорганизацией системы образования и урегулированием конфессиональной жизни. В частности, основное направление в реализации сословной политики Комитета было связано, прежде всего, с урегулированием положения крестьян как государственных (до учреждения Министерства государственных имуществ в 1837 г.), так и помещичьих. Комитет стремился к регламентации отношений крестьянства с их владельцами путём ограничения власти местных арендаторов и администраторов для государственных крестьян и путём проведения инвентарной реформы для помещичьих. Члены Комитета западных губерний являлись поборниками продолжения политики «разбора» шляхты, начатой на территории присоединённых земель Речи Посполитой ещё в 1772 г. В Комитете разрабатывались все указы, касавшиеся

условий кооптирования местной элиты в ряды наследственного дворянства и деклассирования не доказавших дворянского происхождения, которые причислялись к сельским (однодворцы) и городским (граждане) обывателям. Проводя политику разбора шляхты, правительство преследовало цель очищения края от неблагонадежных элементов, поэтому одним из направлений этой политики стал процесс переселения однодворцев и граждан во внутренние губернии империи для слияния их с государственными крестьянами российских губерний. После восстания 1830–1831 гг. российские власти ликвидировали в Витебской и Могилёвской губерниях местные правовые и судебные особенности, заменив их общероссийскими. В 1840 г. по предложению киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова и требованию императора российское законодательство распространилось на оставшиеся западные губернии. В компетенцию Комитета входил вопрос о системе образования в западных губерниях. Преследуя цель создания верноподданного и послушного императору дворянского сословия, устранения его оппозиционности, Комитет был сторонником организации на территории западных, в том числе, и белорусских губерний закрытых типов учебных заведений для высшего сословия – кадетских корпусов и благородных пансионов. Комитет выступал также за развитие светской системы образования и сокращение частного обучения, за лишение возможности вмешиваться в проблемы воспитания юношества римско-католической церкви и монашеских орденов, за введение русского языка во все учебные заведения и преобразование системы просвещения на территории Беларуси по российскому образцу. Позиция членов Комитета в осуществлении конфессиональной политики совпадала с основными принципами теории «официальной народности», что выражалось в стремлении поднять престиж православия на территории Беларуси. В связи с этим Комитетом проводился курс по строительству новых православных церквей с привлечением как государственных, так и частных средств. Однако строительство шло крайне медленно, поскольку местные дворяне в своём большинстве являлись католиками и не были заинтересованы в возведении православных храмов. Комитет западных губерний проявлял терпимость по отношению к римско-католической церкви и не был сторонником радикального сокращения костёлов, поскольку значительная часть населения исповедовала католицизм. Ограничения касались лишь вопросов распро-

странения католической веры на православное население. Гораздо в большей степени Комитет был обеспокоен выработкой мероприятий, направленных на секуляризацию церковных земель как католической, так и православной церкви.

Западный Комитет был образован по распоряжению Александра II 20 сентября 1862 г. [5, л. 7]. Непосредственным поводом к созданию Западного комитета послужило полученное в Петербурге сообщение о том, что дворянство Подольской губернии составило адрес о присоединении Подолии в административном отношении к Царству Польскому. В состав Западного Комитета вошли высшие должностные лица: шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков, министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин, министр внутренних дел П.А. Валуев, министр государственных имуществ А.А. Зеленый, министр юстиции Д.Н. Замятнин, управляющие министерствами: финансов М.Х. Рейтерн, народного просвещения А.В. Головнин, обер-прокурор Св. Синода А.П. Ахматов. Председателем Западного Комитета был председатель Комитета Министров кн. П.П. Гагарин. На заседания Комитета по высочайшему повелению иногда приглашались и другие высшие правительственные лица. Например, на заседаниях 17 и 19 мая 1864 г., когда обсуждалась записка Муравьева от 14 мая 1864 г., присутствовал статс-секретарь Н.А. Милютин. Западный Комитет активно заседал с 1862 до конца 1864 гг. 5 января 1865 г. комитет был упразднен, а дела его переданы в Комитет министров [6, с. 186].

По мнению российского историка А. Камзоловой, Западный комитет, в отличие от Комитета западных губерний, не стал «мозговым центром», формирующим общую стратегию и тактику правительства на западной окраине, поскольку был фактически ареной противоборства двух программ в отношении Западного края, инициаторами которых явились министр внутренних дел П.А. Валуев и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев [2]. Наличие одновременно двух, по сути, конкурирующих между собой подходов к правительственной политике в отношении этого края создавало затруднения для координации деятельности разных учреждений и властных структур. «В этих условиях роль Западного Комитета в выработке согласованного курса, – пишет А. Камзолова, – следует признать весьма неоднозначной» [2]. Тем не менее, постановления

Комитета во многом определили направление политики в Виленском генерал-губернаторстве. Так, результатом деятельности Комитета стало принятие решения о введении поземельного процентного сбора с местных помещиков, взимавшегося вплоть до 1897 г., который шел на увеличение жалования на 50% чиновникам разных ведомств русского происхождения и преподавателям духовного ведомства православного исповедания. Западный комитет запретил преподавание польского языка в казенных учебных заведениях Виленского и Киевского учебных округов, вновь введенное в этих округах соответственно в 1856 г. и 1860 г. Также Комитет рассматривал комплекс мер, связанных с последствиями восстания 1863 г.: учреждение военно-полицейского управления в Северо-Западном крае, утверждение правил о содержании войск при объявлении местностей на военном положении и правил о создании в Западном крае сельских вооруженных караулов, наложение секвестра на имения польских помещиков, оставшихся за границей и продолжающих свою революционную деятельность, размещение на территории империи участников восстания 1863–1864 гг. из Царства Польского и Западных губерний.

Таким образом, в XIX в. для управления Западным краем, куда входила и территория современной Беларуси, были созданы два территориальных комитета – Комитет западных губерний (1831–1848 гг.) и Западный комитет (1862–1865 гг.). Оба Комитета действовали в условиях, вытекающих из последствий шляхетских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. и были призваны разработать программу полного слияния западных губерний с внутренними губерниями России.

Использованная литература

1. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / Представительство Президента Рос. Федерации в Сев.-Зап. Федер. Округе; А.Т. Алексеева [и др.]; под общей ред. В.В. Черкесова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – Т. 1. – 456 с.
2. Комзолова, А. Западный Комитет (1862–1864 гг.) и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев / А. Комзолова [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su>. – Дата доступа: 1.08.2013.

.....3. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1266. – Оп. 1. – Д. 8. Журнал Комитета западных губерний за 1831 г.

4. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1266. – Оп. 1. – Д. 41. Хронологический указатель к журналам Комитета западных губерний.

5. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1267. – Оп. 1. – Д. 12. Журнал Западного комитета за 1862 г.

6. Середонин, С.М. Исторический обзор деятельности комитета министров: в 2 т. / С.М. Середонин. — СПб.: Изд. канцелярии Комитета министров, 1902. – Т. 2. – Ч. 1. – 373 с.

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДАХ СЕВЕРО–ЗАПАДНОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Млечко Е.Н. г. Минск, БНТУ

Одним из самых значимых видов искусства в Беларуси в XIX в. была живопись. Центром подготовки белорусских художников, вплоть до своего закрытия, стал Виленский университет. При нем с 1793 г. действовали кафедры рисунка и живописи, скульптуры и графики. После закрытия университета в 1832 г. уроженцы Беларуси могли обучаться живописи в Петербургской академии художеств, хотя добиться этого смогли немногие, так как существовали квоты по национальному и сословному признакам.

В целях пропаганды русской культуры в 1866 г. была открыта Виленская рисовальная школа, которой руководил русский художник Иван Трутнев. В ней не было квот, школа отличалась демократичностью, и в ней могла учиться молодежь любой этнической принадлежности, всех сословий и вероисповеданий. Школьный курс был рассчитан на четыре года, при этом могли учиться и девушки. Ученикам преподавали теорию перспективы, историю искусств, черчение, живопись, лепное искусство. За весь период существования школы с 1866 по 1915 г. ее закончили более четырех

тысяч учеников, многие из них стали учителями рисования и черчения в школах Беларуси, а такие, как Л. Альперович, Я. Дроздович, Э. Павлович, Х. Сутин, М. Кикоин, П. Кремень приобрели всемирную известность как художники.

Кроме школы рисования, в Вильно действовала также Художественно-промышленная школа им. Марка Антокольского. Еще в 1897 и 1899 гг. в Вильно состоялись первые международные выставки, на которых были представлены также работы виленских и варшавских художников, посетители могли познакомиться с новым течением в искусстве – символизмом. На выставке 1903 г. были представлены работы, написанные не только в стиле символизма и импрессионизма, уже известных публике, но и экспрессионизма. В 1902 г. в Вильно открылся первый салон, где можно было не только познакомиться с различными течениями в искусстве, но и купить художественные работы. В 1902 г. по инициативе Трутнева и Рыбакова был основан Виленский художественный кружок, а в 1908 г. возникло Виленское художественное общество, в котором активное участие принимали племянник Марка Антокольского Лев Антокольский и Микалоюс Чюрленис. Общество вплоть до начала Первой мировой войны устраивало выставки, в которых принимали участие художники Москвы, Петербурга, Варшавы, Кракова, Киева, Парижа, Мюнхена. Все заметнее становились художники-авангардисты: на выставке 1909–1910 гг. «Треугольник» были представлены футуристические работы Николая Кульбина, братьев Давида и Николая Бурлюков и других. В периодических изданиях обсуждались высказывания Матисса об экспрессионизме, перепечатывался «Манифест футуристов» Т. Маринетти.

На территории Беларуси основным центром художественного просвещения была основанная еще в 1803 г. Минская мужская гимназия. Рисунок в ней преподавали выпускники Виленской школы рисования и учебных заведений России. Одним из самых авторитетных педагогов был выпускник московского Строгановского училища Козьма Ермаков, который был первым учителем Фердинанда Рушица. В гимназии также учились историк-художник Тадеуш Корзан, литограф Юзеф Озямбловский, живописец Ипполит Горавский и другие. Помимо этого, было распространено домашнее обучение скульптуре и рисунку в шляхетских усадьбах, куда на все лето приглашались профессиональные художники. В конце XIX в. в Белару-

си возникли частные художественные школы Я. Канценбогена, Я. Кругера в Минске, Ф. Пархоменко в Могилеве, Ю. Пэна в Витебске. Они стали местными центрами художественного образования.

Развитие экономики края влекло за собой рост городов, которые были центрами культурной жизни региона. В XIX в. одним из крупнейших городов в Северо-Западном крае стал Минск. В 1870-е гг. в связи со строительством двух веток железной дороги (Любаво-Роменской и Московско-Брестской) в городе начали открываться банки, строиться вокзал, доходные дома, учебные заведения, музеи. В частности, в 1875 г. стараниями археолога Генриха Татура в Минске был основан Археологическо-этнографический музей, который размещался в губернаторском дворце и включал значительный художественный раздел. Позже, в 1900-е гг., создан художественно-промышленный музей, который состоял из четырех отделов: художественного, промышленного, педагогического и исторического. Музей стал формировать свою коллекцию из произведений белорусских художников.

В конце XIX в. минские художники стремились открыть художественную школу и музей изящных искусств, в 1898 г. ими было создано «Общество любителей изящных искусств», которое возглавил бывший вольный слушатель Петербургской академии искусств, художник-баталист Алексей Попов. Сменил его на этом посту пейзажист Герасим Пинуш. Создать художественную школу оказалось сложно. Первая попытка организации отдельной художественной школы была предпринята в 1891 г., с этой целью в зале Дворянского собрания была проведена благотворительная выставка, которая не имела успеха, а потому и открытие школы не состоялось. Объявление об открытии школы давал в газеты в 1903 г. и художник Я. Канценбоген, который имел опыт работы в частной школе в Лодзи. Реально художественная школа стала создаваться только после приезда в Минск Я. Кругера в 1904 г., который был учеником в мастерской Владимира Маковского в Санкт-Петербургской академии художеств, а до этого учился в Варшаве и Париже.

Вначале это были курсы рисования и живописи. Для открытия курсов достаточно было разрешения губернатора, в то время, как художественная школа в провинции не могла открыться без разрешения Академии художеств в Петербурге. Разрешение это Кругер получил только в 1906 г., и тогда на улице Петропавловской в доме

Ф.К. Венгржецкого открылась рисовальная школа художника Кругера. Школа была размещена в трёх комнатах двухэтажного каменного дома, была хорошо обставлена и освещена.

Согласно уставу, школа ставила цель давать возможность желающим получить художественное образование и готовиться к испытаниям для поступления во все учебные заведения, где предмет рисования обязателен.

Позже Кругер писал о своей школе: «В школу ко мне приходили за много километров, пешком, из местечек и деревень босые подростки с горячим желанием развивать свои способности» [1, с. 27]. Среди обязательных предметов преподавания были рисование с рельефных голов, живой природы, теория перспективы, светотени красок и практическое их применение. В лице художника Кругера школа имеет опытного и преданного делу руководителя, – такое заключение дала комиссия Городской Думы в 1911 г. [2]. Школа действовала с 1906 по 1915 гг. Ее выпускниками были Иван Ахремчик, Михаил Станюта, всемирно известные З. Азгур, Михаил Кикоин и Хаим Сутин.

Хаим Сутин был родом из местечка Смиловичи, расположенного в 30 км от Минска. Здесь были свои центры культуры: дворец, состоявший из двух зданий – старого, построенного в XVII в., и нового, выполненного в XIX в. в стиле неоготики. До Первой мировой войны в Смиловичском дворце был зимний сад, парадный зал с коллекциями столового серебра и фарфора, портретная галерея с известной картиной Валентия Ваньковича «Адам Мицкевич на горе Аю-Даг». Владельцами его были Огинские, Монюшки и Ваньковичи, действовали в Смиловичах костел, церковь, мечеть, синагога.

Михаил Кикоин (позже во Франции он стал называть себя Мишель) родился в Гомеле, позже семья переехала в Минск, где будущий художник стал посещать школу Кругера. Там он познакомился и подружился с Хаимом. Позже, в Виленской школе рисования, к Сутину и Кикоину присоединился Пинхус Кремень. Образовалась, как их называли в Париже, «тройка» [1, с. 32]: художники были неразлучны долгие годы.

Другим крупным губернским городом Беларуси был Витебск. Он был одним из первых городов империи, где пустили трамвай, в городе были кинотеатры, а театр принимал на своей сцене знаменитых деятелей культуры. В частности, в Витебске неоднократно вы-

ступал Федор Шаляпин. Особенно прославился Витебск своей художественной школой, в которой преподавал выпускник Петербургской академии художеств Юдель Пэн.

После окончания в 1886 г. Академии Ю. Пэн в поисках работы останавливался в Ново-Александровске, Двинске, Риге. В 1897 г. Ю. Пэн обосновался в Витебске и открыл частную студию (вывеска гласила: «Школа рисования и живописи художника Пэна»), которую можно считать первым художественным учебным заведением на территории Беларуси. Через школу Пэна прошло около сотни учеников, некоторые из них стали мастерами мирового уровня (Марк Шагал, Осип Цадкин, Эль Лисицкий), другие состоялись как видные художники и скульпторы (Илья Мазель, Лев Зевин, Рувим Фрумак, Соломон Юдовин, Оскар Мещанинов, Ефим Минин, Лев Лейтман, Давид Якерсон).

Богатые художественные традиции были и в Могилеве – также крупном губернском городе. В свое время, после получения магдебургского права, он стал крупнейшим художественным центром Великого княжества Литовского. С конца XVI в. начала складываться самобытная Могилёвская школа иконописи. Деятельность братской типографии способствовала формированию Могилёвской школы гравюры. С Могилёвщиной связано творчество многих известных художников XIX в.: Ф. Тулова, Ф. Пархоменко, И. Чемоданова. Здесь работали художники И. Добровольский, А. Каменский, Н. Атриганьев, А. и И. Горавские, русский живописец Н. Неврев, Н. Орда. В конце XIX в. в Могилёве было образовано Товарищество любителей изящных искусств, работала частная художественная школа, которой руководил воспитанник Виленской рисовальной школы Ф. Пархоменко [3, с. 45–52].

Таким образом, именно деятельность частных рисовальных школ, открывавшихся по инициативе и на собственные средства художников, способствовала сохранению богатых культурных традиций, привлечению новых художественных веяний и в итоге формированию белорусской живописной школы, воспитавшей всемирно известных мастеров.

Использованная литература:

1. Счастный, В. Художники Парижской школы из Беларуси / В. Счастный. – Минск : Четыре четверти, 2010 – 174 с.

2. Черняк, М. Яков Кругер: «Я художник из Минска» / М. Черняк. – Мишпоха, 2010. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mishpoha.org/nomer10/kruger.html>. – Дата доступа: 25.08.2013.

3. Могилев: энциклопедический справочник / Белорусская советская энциклопедия. – Минск : Белорусская советская энциклопедия, 1990. – 471 с.

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ КАК ФАКТОР СПРАВЕДЛИВОСТИ (1772 – 1917 гг.)

Мушинский Н.И., Минск, БНТУ

Исторический период, когда земли Беларуси входили в состав Российского государства (1772–1917), отмечен важным вкладом в формирование и развитие национального самосознания белорусов. В значительной мере можно констатировать, что именно разделы Речи Посполитой между развитыми европейскими державами, прекращение её независимого государственного существования в значительной мере послужили «катализатором» национального начала, дали стимул к философскому осмыслению этническими белорусами своей самобытности. Следует отметить, что в XVII – XIX вв., в условиях промышленного переворота Нового времени, большинство европейских стран, преодолевая средневековые атавизмы феодальной разобщённости, активно строили свою государственность на принципах национальной консолидации. Россия в царствование Петра I и Екатерины II превратилась из патриархального Московского царства в обширную империю; аналогичные процессы происходили в Германии во времена Фридриха Великого и канцлера Бисмарка; во Франции в эпоху «Короля-Солнце», Робеспьера и Наполеона; в Англии периода протектората Кромвеля и правления королевы Виктории. Народы этих стран активно объединялись, обретали чувство самоидентификации как русские, германцы, англичане, французы (а не бургундцы, гасконцы или корсиканцы, как в эпоху средневековья), развивали на национальной основе промышленное производство, создавали унифицированные постоянные армии, вступали в борьбу между собой на качественно новой основе (тридцатилетняя, семилетняя, наполеоновские войны и т.п.). Эф-

фактивно противостоять им Речь Посполитая не имела никаких шансов; этому препятствовали её традиционные военные, политические и экономические структуры, сложившиеся в условиях турецкой и татарской угрозы в XVI – XVII вв. Шляхетское «посполитое рушение» и «надворные хоругви» крупных магнатов оказались бессильными против регулярных армий; элекционная монархия (выборная, с ограничением власти короля) и сеймовая «демократия» с правом *liberum veto* не смогли принимать ответственные политические решения; сословная и религиозная разобщённость при отсутствии твёрдого национального связующего мироощущения не позволили объединиться для защиты государства. Всё это стало понятно только после исчезновения польско-белорусско-литовской державы с карты Европы, именно поэтому процессы становления национального самосознания существенно активизировались в российский период белорусской истории (1772 – 1917 гг.). Нравственно-философское осмысление специфики этнокультурной самоидентификации тесно связано с проблемой *справедливости*. Наиболее выдающиеся белорусские публицисты, в частности, Владимир Самойло (псевдоним Сулима), утверждали, что «ідэя нацыянальнага вызвалення... ідэя незалежнасці народу... гэта ідэя... справядлівая» [1, с. 18]. Именно через понятие *справедливости* проблемы национального возрождения и обретения самостоятельной государственности поднимаются на уровень этического философского теоретизирования.

Следует отметить, что первоначально попытки осмысления своей национальной принадлежности были предприняты представителями *высшего образованного* сословия бывшей Речи Посполитой. На территориях, присоединённых к России, это привело к проявлению тенденций полонизации края. Пытаясь привлечь к себе самую влиятельную часть населения, царская администрация, при условии политической лояльности, во многом сохранила прежние шляхетские привилегии и помещичье землевладение. Гнёт на крестьянское население, составлявшего собственно белорусский элемент, даже усилился, поскольку крепостные повинности из ведения частных лиц, не всегда имевших достаточный административно-принудительный ресурс, перешли на государственный уровень. Пользуясь неопределённостью российской национальной политики, польские патриоты постепенно поставили под свой контроль сферу

культуры и образования, что проявилось в деятельности приходских школ и Виленского университета (преобразованного из иезуитской академии в 1803 г., с автономией и привилегиями, характерными для российских университетов). «Так далеко и открыто заходили виды полонизаторов и, надо отдать им справедливость, они имели успех» [2, с. 297]. Философско-теоретическому осмыслению проблем национального возрождения в контексте понятия *справедливости* способствовало в этот период появление студенческих кружков и тайных обществ (по образцу масонских лож): «В некоторых кружках преобладало настроение морально-философское, ... с крайне отрицательным отношением ко всему русскому» [3, с. 298]. Наиболее известны общества «лучезарных», Свислочское, «Зорян», филаретов (любителей добродетели), филоматов (Ян Чечот, Игнатий Домейко, Адам Мицкевич и др.). Основным принципом своей деятельности подобные кружки объявляли любовь к отечеству: к народу, к природному языку, к обычаям предков.

Отношение к польской культуре изменилось после восстания 1831 г.; царское правительство, по-прежнему игнорируя белорусский элемент, начало активно проводить политику русификации. В новых условиях философия национального возрождения оказалась тесно связана с революционно-освободительным движением, с народничеством, с борьбой против самодержавия как абсолютного выражения социальной *несправедливости*, как в национальной, так и в экономической сфере. Даже после отмены крепостного права подобных взглядов придерживались К. Калиновский, руководитель восстания 1863 г., а также И. Гриневицкий, известный революционер-народоволец, который погиб в 1881 г., совершив успешное покушение на российского императора Александра II. Свои убеждения они теоретически обосновали в таких изданиях, как «Мужицкая правда» (Калиновский) и журнал «Гомон» (Гриневицкий), где целенаправленно обращались к простому народу, на основе принципов *справедливости* призывая его к борьбе с царизмом и российской культурной экспансией. «І «Музыскаја Прауда» з Каліноўскім, і «Гоман» з Грынявіцкім... – гэта зародкі, зь якіх... разьвіваецца плод, якому імя – незалежны і шчаслівы беларускі народ» [3, с. 153]. С точки зрения самоидентификации, и тот, и другой авторы причисляли себя к «литвинам», подразумевая под этим Великое Княжество Литовское, поскольку не использовали литовского языка

в современном его понимании: «Вось чаму Грынявіцкі, як і Каліноўскі, будучы беларусам і працуючы для Беларусі, цалком ня знаючы літоўскай мовы, зваў сябе літвінам» [3, с. 168]. Широкое использование понятия «белорускости», в отличие от польского, русского и собственно литовского факторов культурного развития, относится уже к концу XIX – началу XX вв. и связано с зарождением национальной литературы на белорусском языке и с появлением специализированных этнографических исследований.

Ф. Богушевич в 1891 г. опубликовал в Кракове сборник «Дудка беларуская» (под псевдонимом Матей Бурачок) и в 1894 г. в Poznани «Смык белорусский» (псевдоним – Сымон Ревка), где поэтически выразил любовь к Беларуси и её народу. В 1903 г. издал свои стихотворения Янка Лучина (Неслуховский); можно вспомнить и таких авторов, как Адам Гуринович, Казимир Костровицкий (Карусь Каганец), Ольгерд Обухович и др.

Таким образом, можно признать, что при всех социокультурных перипетиях, связанных с проблемами полонизации и русификации белорусских земель после их вхождения в состав Российской империи (1772 – 1917 гг.), именно этот исторический период дал стимул становлению и развитию национального самосознания белорусов. На этой основе произошло философское осмысление процессов самоопределения белорусской народности, их соотнесение с общечеловеческими критериями *справедливости*, ставшее основой обретения в дальнейшем белорусами собственной государственности.

Использованная литература

1. Суліма. «Гэтым пераможаш! ...» (Нарысы крытычнага аптымізму) // Заходняя Беларусь: зборнік. Кн. 1. – Вільня, 1923. – 123 с.
2. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск.: Беларусь, 2003. – 680 с.
3. Станкевіч А. З Богам да Беларусі: Збор твораў / А. Станкевіч. – Вільня: інстытут беларусістыкі, 2008. – 1097 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТХОДНИЧЕСТВА БЕЛОРУСОВ В ПОСЛЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Мытько В.Г., г. Минск, БНТУ

После отмены крепостного права поиск работы за пределами места проживания у белорусских крестьян приобрел такие формы, как отход или отходничество. Отмечая капиталистический характер отхода в России после реформы 1861 г., В.И. Ленин писал, что «освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бросилось на поиски заработка» [1, с. 88]. Народ, забрасывая свои наделы, пошел в разные стороны: на строительство железной дороги (как тут не вспомнить слова русского поэта Н.А. Некрасова «...волосом рус, видишь, стоит, изможден лихорадкою, высокорослый, больной белорус», в другие сферы, где нужна была рабочая сила.

Кадры отходников формировались из безземельных и малоземельных крестьян. По своему характеру отхожие промыслы делились на сельскохозяйственные и неземледельческие. Первые представляли собой отход на земледельческие работы в помещичьи и кулацкие хозяйства, вторые – на работы, связанные с промышленностью и товарным обменом. Отходу белорусского сельского населения на заработки содействовало сохранение во многих помещичьих хозяйствах феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства. Ленин В.И. указывал, что «передвижение рабочих направляется из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее; – из местности с наибольшим развитием отработок в местности слабого развития отработок и высокого развития капитализма. Рабочие бегут, следовательно, от «полусвободного» труда к свободному труду» [2, с. 233]. Отход на заработки ускорялся также обременением крестьянства многочисленными платежами и повинностями (выкупные платежи, земские и мирские сборы, государственный поземельный налог, страховые платежи, различные натуральные повинности), которые носили сословно-средневековой характер.

Непрерывное увеличение количества отходников в Беларуси было связано также со слабым развитием крестьянских домашних

промыслов и сельского ремесла. Необходимые в хозяйстве изделия и предметы большинство крестьян покупали на рынке, для чего требовались определенные денежные средства. Ремесло у белорусских крестьян также не получило сколько-нибудь значительного развития вследствие сильной конкуренции со стороны ремесленников городов и местечек. При наличии, так называемой, «черты оседлости» города и местечки были переполнены ремесленным людом. Значительную роль в развитии отходничества в Беларуси сыграл и естественный прирост населения. Так, количество населения к 1900 г. в Витебской, Минской, Могилевской, Смоленской губерниях выросло с 3.485.441 чел. в 1851 г. до 7.314.656 в 1900 г. [3, с. 128].

Значительная часть крестьян направлялась в заграничные отхожие промыслы, главным образом, в Америку, выбирая паспорта на срок от 2 до 5 лет. Многие уезжали туда также нелегально, без паспортов. Начало крестьянской эмиграции из Беларуси за океан относится к 80-м гг. XIX в. Газета «Минское слово» 7 марта 1910 г. писала: «Никогда еще эмиграционное движение в Минской губернии не было так сильно развито, как теперь, никогда еще мужички-белорусы не стремились так за океан в поисках заработков, как теперь» [4, с. 88].

Самый первый крестьянин из Минской губернии прибыл в Нью-Йорк в начале 1890-х гг. Как пишет В. Кипель в своей работе «Белорусы ў ЗША», «он высадился на американских берегах, надеясь увидеть «золото, которое валяется на улицах», как он слышал в рассказах про Америку от земляков-евреев на своей родине. Через еврейских друзей он нашел себе первую работу в швейной промышленности. Этот крестьянин с Минской губернии открыл свое предприятие и нанимал на работу своих земляков» [5, с. 27].

В Америку направлялось в основном крестьянское население западных и центральных уездов. Сельская эмиграция носила преимущественно характер долгосрочного отхода. Заработав за границей кое-какие средства, преобладающая часть таких эмигрантов через 2–3 года возвращалась домой. В конце XIX – начале XX вв. избыточное крестьянское население Беларуси наряду с отходом в пределах своей страны продолжало отправляться в заграничные отхожие промыслы – большей частью, в Америку, меньше в Канаду, реже в Южную Америку и Германию (Пруссию). Ко време-

ни Первой мировой войны общая численность белорусских крестьян, уехавших на заработки за океан, составляла не менее 600 тыс. человек. В последние годы перед войной значительное количество отходников в летнее время уходило на сельхозработы в Западную Германию.

Отход крестьян на заработки за границу наблюдался в основном в Виленской, Гродненской и Минской губерниях. Что касается Могилевской и Витебской губерний, то здесь отход за границу среди крестьянского населения встречается очень редко. По данным инспектора Лидского уезда Виленской губернии, в 1912 г. рабочие, уезжавшие на заработки в Америку, «обыкновенно через три года возвращались на родину... и только самый ничтожный процент их оставался на жительство в Америке». Податный инспектор Брестского уезда Гродненской губернии в том же году писал в своем отчете, что из уехавших в Америку более 10%, главным образом молодежь, порывают связь с родиной, а 90% присылают деньги оставшейся на родине семье и года через два-три приезжают сами. Некоторые рабочие спустя два-три года после приезда домой опять ехали за океан, а затем снова возвращались на родину. Поэтому большинство рабочих, отправлявшихся в Америку, следует рассматривать как «отлучающихся в долгосрочные (на два-три года) отхожие заработки».

В отчете Виленского губернатора за 1910 г. отмечалось, что «эмиграция в Америку, за весьма редкими исключениями, не носит характера окончательного ухода в Америку. Часто глава семьи отправляет в Америку одного из сыновей заработать денег для уплаты, например, долга, на покупку земли или на постройку нового дома. Из отъезжающих свыше 70% возвращается домой» [8]. На это же обращает внимание и Гродненский губернатор в своем донесении Виленскому генерал-губернатору в 1907 г.

За океан уезжали большей частью мужчины, почти исключительно в возрасте 18–40 лет. Женщины составляли лишь 21,4% общего количества отхожих рабочих. Характерно, что среди них большинство составляли девушки в возрасте 20–22 лет.

Причины заграничного отхода были те же, что и причины отхожих промыслов внутри страны: растущее аграрное перенаселение, обусловленное усилением классово дифференциации крестьянства, его непрерывно возрастающим обезземеливанием. В Грод-

ненском уезде, например, самое большое количество рабочих-отходников давали волости с наименьшим средним земельным наделом. То же самое наблюдалось в других уездах Гродненской, а также в Виленской и Минской губерниях. Подавляющую массу рабочих заграничных отхожих промыслов составляла деревенская беднота [4, с. 82–84].

Все попытки административным путем приостановить отход на заработки в Америку успеха не имели. В 1890 г. в интересах помещиков, боявшихся лишиться дешевых рабочих рук, Виленский генерал-губернатор обратился с циркуляром к губернаторам Виленской, Гродненской и Минской губерний, в котором отхожие промыслы в Америку объявлялись «крайне прискорбными и весьма нежелательными». Он предлагал губернаторам при помощи мировых посредников «вразумить крестьян и внушить им, что они подвергаются уголовной ответственности за самовольное оставление отечества и тайный переход границы. В свою очередь, Министерство внутренних дел сделало запрос административным губернским властям по вопросу о деятельности тайных агентов по вербовке рабочих и отправке их за границу [4, с. 85]. Были поставлены задачи исправникам и станovým приставам пресекать всякие попытки к заграничному отходу и водворять крестьян на место их жительства. Но в начале XX в. правительство России в силу экономических причин (приток денежных средств из-за границы, уменьшение безработных в стране в связи с заграничным отходом) вынуждено было изменить свое отношение к заграничным отхожим промыслам. Рабочим разрешалось выезжать за пределы России, но выдача заграничных паспортов затягивалась, поэтому крестьяне переходили границу тайно, при помощи агентов-проводников.

Какое количество населения эмигрировало за послереформенный период, установить невозможно. Так, Панютнич, а за ним и Кипель в своих исследованиях дают цифру 600 тыс. человек. По данным же, приведенным в сборнике «Белорусская ССР в международных отношениях», до Великой Октябрьской социалистической революции из пяти западных губерний эмигрировало 1387 тыс. белорусов, не считая детей [6, с. 3].

Ситуация отхода населения с территории Беларуси в поисках более высоких заработков снова получила свое развитие в связи с распадом СССР в конце XX в. – начале XXI вв. Правда, претерпе-

ли изменения тенденции трудовой миграции. Согласно официальным данным, большинство мигрантов из Беларуси трудятся в Российской Федерации. Вместе с тем, имеет место тенденция к увеличению денежных переводов из стран дальнего зарубежья.

Использованная литература

1. Ленин В.И. Полн.собр. соч., изд. 5-е, – Т. 2. –М.: Политиздат, 1979. – 677 с.

2. Ленин В.И. Полн.собр.соч., изд. 5-е. – Т. 3. М., – Политиздат, 1979. – 791 с.

3. Россия. Полное географическое описание. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Под ред. В.П. Семенова. Том 9. – СПб., 1905 – 638 с.

4. Панютюч В.П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861–1914 гг. / В.П. Панютюч. – Минск: Наука и техника, 1969 – 188 с.

5. Кіпель В. Беларусь ў ЗША. / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993 – 352 с.

6. Белорусская ССР в международных отношениях. – Минск, 1960, – 640 с.

КАРАИМСКИЕ ОБЩИНЫ В БЕЛАРУСИ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Прохоров Д.А.

Украина, г. Симферополь, Крымское отделение Института Востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной Академии Наук Украины,

Караимы (с иврита «карай», буквально, «читающие», или «люди Писания») – возникшая в Багдаде в начале VIII в. религиозная секта, доктрина которой основана на отрицании раввинистическо-талмудической традиции. Основная характеристика данного движения – почитание Ветхого Завета как единственного и прямого источника религиозной истины. В академической литературе принято считать, что караимы появились в Восточной Европе уже в послехазарское время. По другой версии (впервые выдвинутой российскими ориенталистами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым), современные караимы являются прямыми потомками хазар. В XIII–

XIV вв. караимы попали в Западную Украину и Литву, где затем сформировались галичско-луцкая и тракайская (трокская) группы караимского этноса. После присоединения Крыма к России в 1783 г. караимы включились в активную борьбу за свои гражданские права, главной целью которой стало признание их этносом, отличавшимся от евреев-раввинистов. В 1863 г. караимы были полностью уравнены в правах с христианским населением России.

В первой половине XIX в. многие караимы из мест своего постоянного проживания переселились в перспективные в экономическом отношении города центральных, южных и западных губерний России. 13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Согласно этому документу, в Беларуси евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии – везде, кроме Киева и сел, принадлежащих государственной казне, в Новороссии – во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (т.н. «старопоселенцы»). Евреям было запрещено селиться в 50-верстной пограничной полосе. Что касается караимов, то их гражданские права специально оговаривались в § 21 первой главы «Положения»: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями» [1, с. 311].

По сведениям, опубликованным в 1843 г. В.В. Григорьевым, общая численность мужского караимского населения Российской империи составляла 2 тыс. 350 чел., или до 1 тыс. 190 семей (общее число всех караимов доходило до 5 тыс. 725 чел.); также уточнялось, что «караимы, обитающие в губерниях Виленской и Ковенской, называются литовскими, а Новороссийском крае – татарскими. Все они занимаются огородничеством, подрядами, извозом и торговлею» [2, с. 423, 444]. В 1846 г. в Виленской губернии проживало 424 караима, в Ковенской – 337, в Волынской – 320, в Галиции (территория Австро-Венгрии) – до 300 чел. [3, с. 33]. Основными занятиями караимов, судя по статистическим отчетам, являлись сельское хозяйство, ремесло и торговля. В Ковенской губернии к 1 января 1848 г. насчитывалось 265 караимов [4, с. 19], а в Виленской губернии, по данным Департамента Генерального штаба, в 1848 г. проживало 2 тыс. 745 караимов (1 тыс. 421 мужчин и 1 тыс. 324 женщин) [5, с. 24, 30].

В 1851 г., в соответствии с данными IX ревизии о податных состояниях Российской империи, в Виленской губернии насчитывалось 256 караимов из числа мещан и цеховых ремесленников (купцов всех 3-х гильдий было 748 чел., из них евреев-раввинистов – 387); в Екатеринославской губернии – 9 купцов-караимов, мещан и цеховых – 1; в Ковенской губернии – 337 караимов, причем из них мещан и цеховых ремесленников числилось 135 мужчин (евреев-раввинистов – 36 тыс. 364 чел.) [3, с. 26, 55, 72]. Всего же в Российской империи к 1858 г. проживало 1 млн. 425 тыс. 784 чел. обоего пола евреев-раввинистов и караимов. В 1861 г. в Троках и на территории всей Виленской губернии в 1861 г. было 593 караима (членов Трокской общины – 264 мужчин и 255 женщин; иногородних – 34 мужчин и 40 женщин), а в Луцке Волынской губернии – 215 чел. (98 мужчин и 117 женщин) [6, л. 59, 59 об., 63, 64 об.]. Всего в 1861 г. в городах Российской империи проживало 5 тыс. 413 караимов (2 тыс. 707 мужчин и 2 тыс. 706 женщин).

Следует сказать, что во второй половине XIX в. наиболее крупные караимские общины существовали в таких губерниях, как Таврическая (в городах Армянский Базар, Евпатория, Бахчисарай, Чуфут-Кале, Симферополь, Севастополь, Феодосия), Херсонская (Одесса, Николаев, Херсон), Виленская (Троки), Волынская (Луцк) и Ковенская (Новомест Поневежского уезда). В 1870-х гг. в западных губерниях страны насчитывалось: в Троках – 35 караимских семей, в Вильне – 4 семьи, в Луцке – 30, в Галиции – 30 семей. Постепенно увеличивалась и численность т.н. «молодых» караимских общин, возникших в первой половине XIX в. Караимские общины возникли в Минской, Витебской, Гродненской губерниях; за счет внутренних миграций росло число караимов, проживавших в других губерниях Российской империи. Всего в России в 1879 г. проживало уже 9 тыс. 725 караимов обоего пола; из них в западных губерниях – 1 тыс. 137 чел., и в остальных регионах – 8 тыс. 588 чел. [7, кол. 297].

28 января 1897 г. путем непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату была проведена «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». Наибольшая численность караимов, как и прежде, была зафиксирована в Таврической губернии (6 тыс. 166 караимов); что касается западных регионов Российской империи, то опрос дал такие результаты: караимов

западных губерний, именовавшихся «трокскими», всего насчитывалось 1 тыс. 383 чел. – к их числу были отнесены караимы Виленской, Ковенской, Витебской, Волынской губерний. Наибольшие по численности составы караимской общины были в Троках (377 чел.) и в Вильно (155 чел.). В городах и уездах Ковенской губернии караимов насчитывалось 203 чел. (97 мужчин и 106 женщин), в т.ч., в Поневеже и Поневежском уезде – 181 чел. (85 мужчин и 96 женщин), в Ковно – 7 чел. (5 мужчин и 2 женщины), а наименьшее число зафиксировано в Россиенах (ныне – г. Расейняй, в Расейнском районе Литвы) – 1 караим [8, с. 31; 9, с. 78, 79]. В Витебской губернии проживало 49 караимов (26 мужчин и 23 женщины), в Лифляндской губернии (Юрьев, Рига и др.) – 58 караимов (32 мужчины и 26 женщин), в Курляндской губернии – 2 караима. В губерниях Царства Польского (в т.н. Привислинских губерниях) статистика караимского населения выглядела таким образом: в Варшавской губернии проживало 168 чел. (119 мужчин и 49 женщин; в т.ч., непосредственно в Варшаве 16 мужчин и 5 женщин), в Радомской – 8 чел. (6 мужчин и 2 женщины), в Калишской – 8 чел. (2 мужчины и 6 женщин), в Петроковской – 7 чел. (6 мужчин и 1 женщина), в Сувалкской и Плоцкой – по 2 чел., в Седлецкой и Ломжинской губерниях – по 1 чел. [10, с. 108, 109; 11, с. 46, 47; 12, с. 62, 63; 13, с. 63; 14, с. 78, 79; 15, с. 84, 85; 16, с. 90, 91; 17, с. 60, 61; 18, с. 60, 61].

В Псковской губернии переписью было зафиксировано наличие 55 караимов (28 мужчин и 27 женщин; в т.ч. в самом Пскове и Псковском уезде 19 мужчин и 17 женщин), в Смоленской – 41 (25 мужчин и 16 женщин), в Минской – 16 (9 мужчин и 7 женщин), в Могилевской – 12 (8 мужчин и 4 женщины), [19, с. 46, 47; 20, с. 82, 83; 21, с. 94, 95; 22, с. 78, 79]. Общая численность караимов, проживавших в Российской империи, в соответствии с данными Всероссийской переписи населения 1897 г., составила 12 тыс. 894 чел. (6 тыс. 372 мужчин и 6 тыс. 522 женщин) [8, с. 30].

Использованная литература

1. № 8054. Апреля 13. Высочайше утвержденное Положение о Евреях, опубликованное 13 мая. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том X. Отделение первое. 1835. СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – С. 308–323.

2. [Григорьев В.В.] Еврейские религиозные секты в России // Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым. – СПб.: тип. Бр. Пантелевых, 1876. – С. 423–446.

3. Кеппен П.И. Об этнографической карте Европейской России по уездам губерний и областей / Рус. геогр. о-во. – 2-е изд. / П.И. Кеппен. – СПб. – 1853.

4. Таблица народонаселения Ковенской губернии за 1847 год // Книжка Ковенской губернии на 1848 год. – Ковно: губ. тип., 1847.

5. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. IX, Ч. 2: Виленская губерния. – СПб.: в тип. Генерального Штаба, 1848.

6. Государственный архив в АР Крым (ГААРК). – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 37.

7. Гессен Ю., [Гаркави А.Я., Балабан М.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под ред. Каценельсона. – СПб., 1912. – Т. IX: «Иудан–Ладенбург». – Кол. 268–298.

8. Синани В. К статистике караимов // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 1, июнь. – С. 30–37.

9. Ковенская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. Э.Л. Пороховщиковой., 1904. – Т. XLII.

10. Варшавская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1904. – Т. LI.

11. Город Варшава. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1904. – Т. LI.

12. Радомская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Пушкинская скоропечатня Лештукова, 1904. – Т. LVIII.

13. Сувалкская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального

статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. СПб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1904. – Т. LIX.

14. Седлецкая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. Тов-ва «Художественной печати», 1904. – Т. LX.

15. Калишская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. В.П. Мещерского, 1904. – Т. LII.

16. Петроковская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1903. – Т. LVI.

17. Плоцкая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1904. – Т. LVII.

18. Ломжинская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1904. – Т. LIV.

19. Псковская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1904. – Т. XXXIV, тетрадь II, последняя.

20. Смоленская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1904. – Т. XL.

21. Могилевская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. СПб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1903. – Т. XXIII.

22. Минская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического

комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1904. – Т. XXII.

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ Семенчик Н.Е. г. Минск, БГТУ

С началом Первой мировой войны отношение к ней большевиков характеризовалось только негативно. Невзирая на то, что российская общественность называла ее Второй (даже Великой) Отечественной, они открыто желали стране поражения, за что и снискали прозвище «пораженцев». Большевики настойчиво проводили в жизнь идею о превращении войны «империалистической в войну гражданскую» даже после свержения самодержавия. Их отношение к продолжавшейся войне и соответствующая работа в войсках (призывы к братаниям, неповиновению командирам и др.) объективно способствовали интересам противника. Не случайно в общественном мнении закрепилось представление о большевиках как немецких шпионах. Результаты их (большевиков) подрывной работы проявили себя летом 1917 г., когда Временному правительству и поддерживавшим его органам «революционной демократии» – Советам и солдатским комитетам – не удалось добиться решающего перелома на фронтах и принудить противника к мирным переговорам. Попытка министра-председателя Керенского и верховного главнокомандующего Корнилова восстановить дисциплину в армии, в том числе, путем введения смертной казни, позволила большевикам обвинить Временное правительство и генералитет в контрреволюционности и продолжении царской завоевательной политики.

После сорванного Керенским плана очищения петроградского гарнизона от разложившихся большевизированных частей и ареста Корнилова идея достижения мира путем разгрома войск австро-германского блока окончательно утратила популярность. Мало того, с наступлением осенних холодов в войсках, главным образом, дислоцированных в тылу, распространились и стали массовыми ожидания заключения мира. К примеру, в сентябре его затребовали солдаты распределительного пункта Гомеля, не желавшие отправки на передовую [1]. Характерно, что на всех фронтах наступательные операции прекратились, тем не менее, большевистская пропаганда

об «империалистической войне», «море крови», «братоубийственной войне» возбуждала окопников против Временного правительства и своих командиров. «...Растлевающее действие на солдат оказывает издающаяся в городе Минске и в изобилии попадающая на фронт газета «Молот», – сообщалось 1 октября в сводке о настроениях в гренадерском корпусе 2 армии Западного фронта. – ...Отношение солдатской массы к политическим вопросам безразличное, но число последователей большевиков резко увеличивается, что объясняется желанием поскорее закончить войну» [2, л. 1]. Часть делегатов солдат-крестьян прибыла на съезд Западного фронта (23 – 25 октября) с наказами обязательно «привезти землю и мир». В ином случае им угрожал самосуд [3, л. 19].

В силу тенденциозной пропаганды и неразвитости политического сознания солдат продолжение войны воспринималось ими, главным образом, как злая воля «буржуазно-помещичьего правительства». Партия большевиков, представлявшаяся в глазах «революционной демократии» основным объектом выступления «корниловцев», приобрела имидж самых последовательных революционеров и еще более активно повела борьбу с «новой корниловщиной», «генеральской контрреволюцией», «готовящейся сдачей Питера немцам» и т. д. В их обращениях к солдатской массе возобладали лозунги передачи власти Советам как радикального средства решения всех проблем революции, в том числе, окончания войны.

Вопрос о войне и мире на том или ином уровне бурно обсуждался всеми слоями общества. Он же занимал первые строчки в программах политических группировок, выдвинувших своих кандидатов на выборы в Учредительное собрание. Большевики понимали всю сложность реализации проблемы выхода из войны, поэтому обещали избирателям не мир, а лишь его «предложение» [4, с. 88]. Их конкуренты считали, что «мир даст лишь Учредительное собрание». При этом эсеровский лидер Чернов предсказывал опасность политических дрызг в обществе. «Чем больше у нас междоусобиц, – говорил он, – тем меньше внимания обращают на нас за границей, тем меньше с нами считаются противники, союзники, нейтральные страны. За разбитые горшки заплатим мы; мир будет заключён за наш счёт» [3, л. 17].

Министры Временного правительства не раз обсуждали проблему выхода из войны. Так, 18 октября на заседании кабинета министр иностранных дел Терещенко предостерег от поспешных

действий. «В Австрии такой же жестокий голод, как и у нас, – говорит он. – Волна беспорядков прокатилась по всей Германии и Австрии. О Турции не приходится говорить. Не сегодня-завтра Центральные державы рухнут и мы заключим не позорный мир, а мир, достойный Великой России». [5, с. 384]. Но по мере приближения выборов в Учредительное собрание вопрос о войне и мире обострялся, патриотические настроения в обществе продолжали угасать. Так, 20 октября на заседании Предпарламента даже военный министр Верховский был вынужден констатировать, что «боеспособность армии восстановить невозможно. Тяга армии к миру сейчас непреодолима» [5, с. 394].

Можно полагать, что судьба войны и мира для России, равно как и земли для крестьян, самоопределения для народов и т. д. связывались с Учредительным собранием, выборы в которое были назначены на 12 ноября 1917 г. Большевики также решили принять в них участие. Так, на территории Беларуси и Западного фронта они зарегистрировали свои избирательные списки по всем четырем округам. Однако, не будучи уверенны в своей победе на выборах в масштабах всей России, еще в процессе избирательной кампании большевики Петрограда во главе с Лениным и Троцким, опираясь на гарнизон и отряды рабочей Красной Гвардии, свергли Временное правительство и провозгласили переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся последующая деятельность большевиков длительное время не признавалась законной ни соратниками по «революционной демократии» (кроме разве левых эсеров), ни оппонентами из либерально-демократического сегмента политических сил, ни демократически избранными земскими и городскими самоуправлениями, ни профессиональными союзами и т. д. Да и все не большевистские по составу Советы поначалу признали ленинский СНК как временное правительство, созданное, помимо прочего, для скорейшего созыва Учредительного собрания [6, с. 6].

Характерно, что и союзники России по Антанте, и их противники никак не отреагировали на Декрет о мире, на призывы сесть за стол переговоров, поскольку они попросту не признали полномочий издателей декрета. Не придали должного значения документу и представители «революционной демократии». Кое-кто, к примеру, полагал, что обнаружение его в совокупности с Декретом о земле

имело целью завоевать «лишние» голоса на выборах в Учредительное собрание. Как бы там ни было, но основной силой, которая восприняла Декрет о мире как реальный шаг к окончанию войны, были давно ожидавшие его солдаты действующей армии. Признание ими Декретов означало автоматическое признание власти, издавшей их, поэтому СНК и большевистские чрезвычайные органы на местах (ВРК) проделали большую работу по распространению своих печатных материалов.

В то же время отсутствие реальных признаков мира могло иметь печальные последствия, поэтому 7 ноября СНК был вынужден потребовать от подвластного ему военного командования начала мирных переговоров с противником. Но исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего генерал Духонин отказался выполнить соответствующее предписание, ссылаясь на то, «что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством» [6, с. 44]. 9 ноября СНК отстранил генерала от должности, назначив на нее прапорщика Крыленко. Но генерал Духонин по прежним мотивам отказался сдать полномочия. «Таким образом, – писал «Бюллетень ВРК Западной области и фронта», – в вопросе об открытии неотложных переговоров о перемирии народное рабоче-крестьянское правительство вступило в конфликт с помещичье-капиталистическим генералитетом, со всем высшим командным составом». В ночь на 12 ноября главнокомандующий Западным фронтом генерал Балув под этим предлогом был отстранен от должности. До середины ноября новый главнокомандующий Каменщиков отдал приказ «немедленно приступить к переговорам с немцами» [6, с. 45]. Для обеспечения успеха начатого дела ВРК Западного фронта рекомендовал «повсеместно взять в руки комитетов настоящую полноту власти» и подчинить им весь командный состав. Прапорщик Крыленко в своем «Приказе по армии и флоту № 2» за неповиновение и «преступные действия, которые ведут к новому взрыву гражданской войны», объявил Духонина «врагом народа» [6, с. 45]. 20 ноября отряды большевиков и анархистов заняли Ставку и зверски убили его. Тогда же в Брест-Литовске начались мирные переговоры [6, с. 46] между Россией и странами австро-германского блока. По этому поводу большевики провели мероприятия «в ознаменование первых крупных успехов в борьбе за

мир, в ознаменование успеха власти народных комиссаров» [6, с. 47].

На деле «успехи в деле мира» вылились в эскалацию гражданской войны: вслед за расстрелом группы офицеров под Жлобином, убийством генерала Духонина, разгоном Всебелорусского съезда в Минске (17–18 декабря 1918 г.) развернулись масштабные боевые действия (январь–февраль 1918 г.) между большевистскими формированиями и Первым польским корпусом. С разгоном Учредительного собрания надежда на мир, по словам Чернова, «не шкурнический, не сепаратный, а всеобщий демократический мир» исчезла. Но и расчет Ленина и Троцкого на мировую революцию не оправдывался, а подписывать мир с делегацией противника не отвечало их принципам. «Согласие на требование германских империалистов, – говорилось в газете «Звезда» от 19 февраля 1918 г. – это еще большее преступление перед мировой революцией, она не может послужить примером борьбы для наших немецких товарищей». Сдерживать же кайзеровские войска было фактически нечем: политика слома старой армии привела к развалу системы обороны Западного фронта. Прежний «защитник Отечества» образца 1914–1917 гг. превратился в «человека с ружьем». Сбившись в группы, они стали представлять угрозу местному населению. Так, в январе 1918 г. они учинили погромы в Радошковичах, Койданове и других городках [6, с. 49].

Более или менее дисциплинированные части не могли оказать существенного сопротивления агрессору и отступление большевиков и отрядов Красной Армии из Минска, Могилева, Гомеля, Орши, Полоцка превратилось в бегство. Местное население не высказало желания защищать «Социалистическое Отечество». По сути, нигде в Беларуси (кроме, пожалуй, части Витебской губернии) противник не встретил серьезного сопротивления.

Таким образом, после прихода к власти большевики попытались перехватить инициативу у Учредительного собрания в вопросе выхода России из войны с целью привлечения народных симпатий и упрочения социальной базы. Исключительно узкопартийными интересами можно объяснить их поспешность в разрушении армии и подписании перемирия. Формирование большевиками собственных вооруженных сил происходило, главным образом, в целях подавления недовольных их режимом и объективно вело к эскалации гражданской

войны. Итогом недалновидной политики ленинского СНК и их соратников из Облисполкомзапа, в частности, стала почти полная оккупация германскими войсками Беларуси. Еще более тяжелые последствия имел Брестский мир. Как заявил президент России В. В. Путин 27 июня 2012 г. на заседании Совета Федерации, «Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне – уникальная ситуация в истории человечества. Это результат предательства тогдашнего правительства» [7].

Дальнейшие события в Советской России и ее Западной области только подтверждают этот вывод. Кроме того, купив у Германии «передышку», большевики перенесли боевые действия с внешнего фронта на внутренний, против собственного народа.

Использованная литература

1. Известия Бобруйского Совета. – 1917. – 24 сент.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 23.
3. НАРБ. – Ф. 60. – Оп. 3. – д. 339.
4. Ленин, В. И. Доклад о переговорах с Духониним. Полн. собр. соч. – Т. 35.
5. Верховский, А. И. На трудном перевале / А. И. Верховский. – М.: Воениздат, 1959.
6. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): У 2 ч. / М. Я. Сяменчык – Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2001. Ч. II. I.: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.
7. http://www.odnako.org/blogs/show_19359. Режим доступа 02.09.2013.

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (1897 – 1917 ГГ.)

Старовойтов М.И. г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

Предложенная межрегиональная проблема в отечественной историографии не получила должного освещения и в сравнительном контексте никогда не ставилась. Необходимость такого плана

исследования обусловлена возникшей потребностью всестороннего и более взвешенного изучения истории Российской империи XIX – начала XX вв. и, особенно, рассматриваемого периода. На это обратили внимание российские [3] и белорусские историки [1].

Установлено (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором), что у белорусов и русских, проживающих в своих этнических губерниях, уровень грамотности был выше, чем у тех, кто проживал за их пределами (таблица 1). Среди них было больше горожан, чем сельских жителей, что и повлияло на общекультурный уровень как одних, так и других, при практически одинаковых показателях у обоих полов.

Таблица 1 Уровень грамотности русских и белорусов пограничья в 1897 г.

Губернии	Белорусы		Русские	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Витебская	18,75	5,80	32,54	12,60
Могилевская	20,13	3,06	42,95	26,20
Орловская	35,72	9,43	28,34	7,10
Псковская	32,68	6,92	20,82	5,37
Смоленская	32,68	6,92	20,82	5,37

Уровень грамотности у протестантов, католиков и иудеев был выше, чем у православных. Достаточно высокий удельный вес представителей неправославных конфессий влиял, хотя и в разной степени, на показатели грамотности и уровня образования всего населения сравниваемых пограничных территорий [подробнее см. 9].

Как видно из таблицы 2, уровень грамотности и образования всего населения пограничного региона имел свои отличия [2, с. 119; 4, с. 135, 139; 5, с. 119; 7, с. 79; 8, с. 119; 24, с. 141]. Самый высокий удельный вес грамотных среди всего населения был в Витебской губернии – 24,7% , т. к. ее сельское женское население имело показатель грамотности в 2-3 раза выше, чем в других губерниях. Это подтверждается и показателями грамотности на других языках, что объясняется высоким уровнем грамотности и достаточно большим

удельным весом в Витебской губернии женщин неправославного вероисповедания. Однако абсолютное большинство женщин, прежде всего, белорусок, проживавших в уездах этой губернии, при высоком уровне грамотности имели самый низкий уровень образования.

Данные показали, что самый низкий показатель грамотности всего населения (14,9%) был в Псковской губернии. Это связано с низким уровнем грамотности мужского населения большинства ее уездов (19,9 %). Анализируя данные переписи, Н. Швейкин отмечал, что губерния по уровню образования занимала «одно из последних мест среди губерний и областей Европейской России» [7, с. XI]. Из таблицы 2 видно, что низкий уровень грамотности был у населения как губерний национальных окраин (белорусских), так и российских. Русские здесь не были исключением. Известно, что правительство Российской империи не смогло ввести всеобщее начальное образование даже в городе.

Таблица 2. Уровень грамотности и образования всего населения пограничья 1897 г.

Губернии	Всего грамотных		Грамотные на русском языке		Грамотные на других языках		Образование выше начального	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Витебская								
по губ.	29,84	19,54	20,96	7,16	7,81	11,81	1,07	0,57
в уездах	25,49	13,62	17,18	4,03	7,92	9,42	0,39	0,17
в городах	54,78	36,77	42,56	26,25	7,21	7,55	5,01	2,97
Могилевская								
по губ.	25,80	8,42	22,86	6,07	2,06	1,90	0,88	0,45
в уездах	22,92	5,93	20,82	4,18	1,70	1,59	0,39	0,17

в городах	54,81	35,45	43,41	26,68	5,62	5,30	5,79	3,48
Орловская								
по губ.	28,66	7,33	27,25	6,43	0,10	0,04	1,31	0,86
в уездах	24,73	3,87	24,17	3,63	0,02	0,01	0,54	0,23
в городах	55,39	34,56	48,23	28,57	0,65	0,21	6,51	5,78
Псковская								
по губ.	22,55	7,24	20,51	5,43	0,91	1,05	1,13	0,76
в уездах	19,85	6,83	18,58	5,59	0,85	1,03	0,42	0,21
в городах	59,46	41,12	46,95	30,65	1,67	1,41	10,84	9,06
Смоленская								
по губ.	28,63	7,15	27,00	5,94	0,29	0,20	1,34	1,01
в уездах	25,57	4,53	24,79	4,10	0,18	0,16	0,60	0,27
в городах	59,80	41,84	49,46	30,38	1,48	0,61	8,86	10,85

Сопоставление данных образовательного уровня (см. таблицу 2) грамотного населения показывает, что самый высокий удельный вес лиц с образованием выше начального был в российских губерниях. Поэтому трудно согласиться с мнением А. Гильшера, что образовательный уровень населения (не указано, какого – М. С.) Орловской губернии представлял «в общем крайне неутешительную картину» [5, с. XII]. Неутешительной эта картина была в других губерниях и в целом в России, т. к. государственная политика в области повышения грамотности и образования не соответствовала социально-экономическим и культурным потребностям страны.

Таблица 3. Уровень грамотности населения отдельных губерний пограничья в 1920 г.

Губернии	городское население			сельское население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Витебская	65,42	57,92	60,83	35,74	18,66	26,48
Гомельская	60,14	49,54	54,30	38,01	17,10	26,64
Орловская	65,02	52,63	58,15	37,53	15,40	25,23
Псковская	70,34	57,88	62,53	36,48	17,77	25,99

За почти 22-летний период, несмотря на военные годы, произошел определенный рост уровня грамотности населения как в стране, так и в регионах. Из таблиц 3 [10, с. 24, 28, 32, 36, 40, 44], мы видим, что по Витебской и Псковской губерниям (их территории в административном плане практически не изменялись) у мужского населения городов уровень грамотности повысился на 5–10%. У женщин рост был на 15–20%. В сельской местности он вырос соответственно – на 10–18% и на 5–12%. Наибольший прирост произошел в Псковской губернии, но это в большей степени связано с их более низкими исходным показателями. У абсолютного большинства восточнославянского населения (жителей села) образовательный уровень оставался низким. Особенно это проявилось у белорусов и дало о себе знать при работе с белорусами-беженцами.

На Всероссийском съезде беженцев из Беларуси (июль 1918 г., Москва) заведующий издательским отделом Белнацкома И.А. Петрович (Янка Нёманский) констатировал: «Белоруссия является самым отсталым в культурном отношении краем: грамотных только 20% ... Средняя школа была совершенно недоступна для хлебороба-белоруса, как в силу общественных условий, так и социального, и материального положения белорусского селянина. ... Грамотность развивалась слабо». А беженец из Гродненской губернии А.Т. Юнчик отметил, что неудовлетворительность работы в белорусских организациях «зависит от темноты той массы, с которой нужно работать. Белорусы все время работали на помещиков, труд изнурял их, им не было возможности заниматься саморазвитием. Сравнения с поляками и литовцами быть не может, так как те жили в лучших материальных и культурных условиях; они и более развиты, и более приспособлены к организационной работе. В

настоящее время, благодаря своей большей развитости, и поляки, и литовцы смогли лучше устроиться... (в условиях беженства – М.С.)». После такой информации Д.Ф. Жилунович вынужден был признать, что мы плохо знали белорусов [6, с. 17, 18].

Таким образом, государственная политика модернизации на территории белорусско-русского пограничья проводилась медленными темпами. Это сдерживало рост грамотности и образования населения и, особенно, восточнославянского, которое в абсолютном большинстве проживало в сельской местности, было занято в аграрном секторе экономики и вело традиционный образ жизни. Уровень самосознания, национально-политической активности белорусов в дореволюционный период не следует преувеличивать, т. к. они имели низкий уровень грамотности и общекультурного развития по сравнению с другими этносами, проживавшими в белорусских губерниях. Это сдерживало их социальную и политическую активность.

Использованная литература

1. Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Міжнар. навук. канф., Гомель, 28-29 верасня 2006: [матэрыялы] / рэдкал.: Р.Р. Лазько (адказ. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – 307 с.
2. Витебская губерния / Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 (Далее ПВПНРИ).– Вып. V, Тетрадь 3. (последняя). – [Б.м.]. – 1904. – 281 с.
3. Западные окраины Российской империи / [науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер.] – М.: НЛЮ, 2006. – 608 с.
4. Могилевская губерния / ПВПНРИ, 1897. – Вып. XXIII. – [Б.м.]. – 1903. – 275 с.
5. Орловская губерния / ПВПНРИ, 1897. – Вып. XXIX. – [Б.м.]. – 1904. – 251 с.
6. Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве 15-21 июля 1918 г. – М.: Тип. «Прогресс», 1918. – 89 с.
7. Псковская губерния / ПВПНРИ, 1897. – Вып. XXXIV, Тетрадь 2. (последняя). – [Б.м.]. – 1904. – 171 с.
8. Смоленская губерния / ПВПНРИ 1897. – Вып. XL. – [Б.м.]. – 1904. – 257 с.

9. Старовойтов, М.И. Уровень грамотности отдельных нетитульных этносов белорусско-российско-украинского пограничья (по материалам переписи 1897 г.) / М.И. Старовойтов // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнарод. навук.-практыч.канф., 26-27 красавіка 2007 г. – Магілёў: МДУ імя. А.А. Куляшова, 2007. – С. 229–231.

10. Статистический ежегодник. 1918-1920 гг. Вып. первый. – М., 1921. – 186 с.

ЕВРЕЙСКИЙ ЭТНОС НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (1772–1917 ГГ.): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

Стрелец М.В.

г. Брест, БрГТУ

Данная тема представляется весьма объёмной по содержанию. Какой бы аспект истории евреев на белорусских землях в 1772–1917 гг. не затронуть, придется столкнуться с большой насыщенностью содержательной стороны. Адекватно понимая данное обстоятельство, докладчик ограничивается наиболее значимыми моментами исследуемых аспектов.

Точка отсчёта для анализа – 1772 г. Именно в этот год произошёл первый раздел Речи Посполитой, под власть Российской империи попали исконные белорусские земли на восток от Западной Двины, Друти, Днепра. Естественно, без малого 55 тыс. тамошних евреев стали жить в новой для себя стране. Этот количественный показатель существенно возрос в результате двух последующих разделов указанного государства, которые датировались 1793 и 1795 гг. Новые власти со временем определились с регулированием положения еврейского этноса, которое в целом стало хуже, чем во времена Речи Посполитой.

Сенатским указом 1775 г. было узаконено существование кагалов. По представлению генерал-губернатора Чернышева, евреи в Беларуси были выделены в особую податную и сословную единицу. С 1780 г. евреи получили право записываться в купечество и участвовать в городском самоуправлении.

Вскоре, с 1791 г., по специальному указу Екатерины II все евреи Беларуси попали в «черту оседлости». В 1794 г. узаконена расширенная «черта оседлости». Евреям разрешалось «отправлять купеческие и мещанские промыслы» в Минской, Изяславской (впо-

следствии Волынской), Брацлавской (Подольской), Полоцкой (Витебской), Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерниях и области Таврической. Днепр по двум его берегам сделали центральной рекой «еврейской территории».

11 апреля 1823 г. последовал высочайший указ, требовавший от евреев в белорусских губерниях прекращения винных промыслов, переселения к 1825 г. в города и местечки, запрещавший содержание аренд и почт [1].

Политика царизма в отношении евреев включала и образовательный аспект. Ключевым моментом по данному аспекту касался казенных училищ, появившихся ещё в дореформенное время. «Основанные правительством (с 1847 г.) казенные еврейские училища не были (в указанное время. – М.С.) популярны. В этот период были основаны частные еврейские мужские и женские школы. Однако основание современных школ натолкнулось на решительное сопротивление ортодоксальной части еврейства и лишь некоторые еврейские дети в России получали в первой половине XIX в. какое-либо светское образование. Распространение светского образования пошло значительно быстрее в 1860–1870-х гг., когда в результате реформ Александра II было улучшено гражданское положение евреев и появились надежды на эмансипацию.

Вместе с тем, можно говорить о том, что усилия царского правительства по привлечению евреев в общие учебные заведения в 1860–1870-х гг. увенчались успехом. Безусловно, тут сыграл свою роль целый ряд факторов: право повсеместного жительства и государственной службы для лиц, имеющих ученые степени, значительные льготы по отбыванию воинской повинности для получивших образование, наконец, просветительское движение среди самих евреев» [2].

Политика царского правительства в отношении указанного этноса была ужесточена после окончания эры Александра II. «В 1882 г. Александр III подписал закон, запрещавший евреям жить за пределами городов и местечек, покупать и арендовать землю. Евреи не принимали на работу в государственные учреждения, на офицерские должности в армию, на железнодорожный транспорт. Действовала норма приёма евреев в средние и высшие учебные заведения. Евреи, в том числе национальная буржуазия, в 1880-е гг. были

фактически лишены права участия в выборах органов городского самоуправления. Все ограничения евреев в Российской империи (как и в Речи Посполитой) имели религиозную основу и не касались евреев, которые принимали христианство.

Вместе с тем, благодаря финансированию со стороны еврейских верхов в конце XVIII – XIX вв. успешно развивались еврейская культура и образование. В 1783 г. в Шклове, а в 1788 г. в Гродно были созданы первые в Беларуси еврейские типографии (издавали Библию, Талмуд и др.), в XIX в. расширилась сеть хедеров и иешив. Уроженцами Беларуси являлись философ С. Маймон, историки А.Я. Гаркави и С.М. Дубнов. В местечке Копыль появился М. Мойхер-Сфорим, один из основоположников новой еврейской литературы. Развитие образования на русском языке привело к появлению во второй половине XIX в. русскоязычной интеллигенции. В 1881–1906 гг. для неё издавался в Петербурге журнал «Восход» (помещал много материалов о белорусских евреях). Издавались и газеты на языке идиш, которым пользовалось абсолютное большинство евреев Беларуси» [3, с. 309–310].

Заслуживает внимания и такой аспект рассматриваемой темы, как демографическое и социальное развитие еврейского этноса на белорусских землях. Наиболее динамичные изменения в данном плане происходили в пореформенный период. Поэтому есть смысл привести соответствующую демографическую конкретику на начало и на конец данного периода.

В 1864 г. в Виленской губернии проживало 102 тыс. душ еврейского населения, в Витебской – 68 тыс., Гродненской – 80 тыс., Минской – 103 тыс. и в Могилевской губернии – 120 тыс. евреев. В 1863 г. процентное отношение евреев ко всему населению губерний составляло: в Виленской губернии – 11,6%, в Витебской – 9,1%, Гродненской – 11,1%, Минской – 9,8%, Могилевской – 13,3%, а всего по пяти губерниям – 11%. Интересно, что в 1864 г. количество евреев в городах Беларуси и Литвы колебалось от 45 до 70%. В Могилевской губернии, например, из 147 538 городских жителей 120766 составляли евреи, в Витебской из 112 018 – 70 520, в Минской из 126 336 – 61 449, и в Виленской (в 1860 г.) евреями были 80 000 из 133 995 городских жителей.

К началу 60-х гг. XIX в. в Брест-Литовске проживало 8 829 человек, в том числе 7 510 евреев. В городе насчитывалось 1 139 до-

мов, из которых 887-ю владели евреи. В то время в Слониме жило 5 476 евреев из общего числа жителей 6 407 человек. Из 734 домов в Слониме евреям принадлежало 509 [2].

Согласно переписи 1897 г., в 5 белорусских губерниях было 1 202 129 евреев (14,1% всего населения и 35,9 % населения Северо-Западного края [3, с. 310]. При этом они являлись второй по значимости после титульной этнической группой на белорусских землях, опережая по количественным показателям и удельному весу даже традиционно многочисленную польскую диаспору. В 1897 г. в Витебске жило 34 440 евреев (52% населения города), в Бресте – 30260 (65%), в Гродно – 22 684 (48%), в Минске – 47 652 (52%), в Пинске – 21 065 (74%), в Слуцке – 10 264 (77%), в Могилеве – 21547 евреев (50%), в Гомеле – 20 385 (55%) [1].

«В промышленности они составляли 56,5% от всего самодеятельного населения, в торговле – 86,5%. Большую массу составляла беднота: от 25 до 38% евреев в ряде городов и местечек жило за счёт благотворительности. Многие эмигрировали в США, Палестину и др. В то же время торгово-промышленная буржуазия в крае была преимущественно еврейской. Согласно этой переписи, 84,5% купцов 5 западных губерний составляли евреи (белорусов было 1,7%). Евреи являлись собственниками 51% фабрик и заводов (например, еврейскому капиталу принадлежало одно из крупнейших в Беларуси акционерное общество «Шерешевский»). Грамотных среди евреев, согласно переписи, было 49% среди мужчин 28,2%, среди женщин в среднем по Российской империи грамотных было 28,4%» [3, с. 310].

В рамках рассматриваемого периода необходимо разоблачить такой миф: евреи занимались торговлей или искали «чистую» работу, избегая грязного и тяжёлого труда. Приведём цитату из книги Э.Г. Иоффе “Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк”: «Большую часть белорусских евреев в конце XIX в. составляли ремесленники. Среди них в Минской губернии первое место занимали портные и сапожники (50%). Распределение ремесленников выглядело так (в процентах):

портные, портнихи, белошвейки, модистки, шапочники, чулочники – 35,1

сапожники, ботиночники, перчаточники и др. – 18

столяры, плотники, токари и др. – 14,6

булочники, мясники, табакораздробители, мельники – 10,6
печники, маляры, стекольщики – 6,8
ковали, медники, литейщики и др. – 6,5
слесари, механики, часовщики и др. – 4
печатники, фотографии, переплётчики – 1,9
ткачи, верёвочники, щёточники – 1,5
мыловары, производители ваксы и др. – 1

Соответственно общему количеству ремесленников в Минской губернии в конце XIX в. евреи составляли более чем 75%. В 1876 г в Минской губернии насчитывался 4231 еврей-земледелец...» [4].

Важно также иметь в виду «первостепенное значение взглядов некоторых белорусских евреев для развития идеологии и политической тактики сионизма». В 1887 г. (за 10 лет до создания всемирной сионистской организации) М. Усышкин сформулировал на конференции в Друскениках задачи еврейского национального движения. Это были: пропагандистская работа по возвращению евреев в Эрец-Исраэль, сбор необходимых средств, создание в Палестине сельскохозяйственных еврейских поселений. Он отрицал «чисто политический сионизм» Т. Герцля и на Минской конференции сионистов в 1902 г. призывал развивать халуцианство и еврейское сельское хозяйство в Палестине. Усышкин резко выступил также против «плана Уганды», то есть, попытки организовать еврейские поселения в Уганде, и в результате отстоял необходимость создания «национального дома еврейского народа в Эрец-Исраэль» [5].

Нельзя не отметить и те перспективы, которые открывала перед белорусскими евреями февральская революция 1917 г. в России. Они впервые обрели подлинное гражданское равноправие, перестали быть объектом дискриминации со стороны властных структур.

Использованная литература

1. Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин – Википедия // [Электронный ресурс]. – 15.10. 2012. – Режим доступа: История еврейской общины Беларуси. beljews.org/articles129.html. – Дата доступа: 30. 04. 2013.

2. История евреев и еврейского образования в Беларуси – Википедия // [Электронный ресурс]. – 15.11. 2012. – Режим доступа: vevivi.ru/best/Istoriya-evreev-. – Дата доступа: 28. 04. 2013.

3. Іофе, Э. Яўрэі / Э. Іофе // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын; Дадатак / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2003. – С. 309-310

4 Баторын, Ф. Развейванне міфаў / Ф. Баторын // Літаратура і мастацтва. – 1997. – 7 лютага.

5. Космач Г. Гуртуючы нацыю / Г. Космач // Полымя. – 2001. № 12. – С. 319.

ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ XIX В.

Сугако Н.А. г. Минск, БГУИР

Теория «официальной народности» возникла в России в 1830-х гг. Ее основные положения обозначил товарищ министра народного просвещения С.С. Уваров как «православие, самодержавие, народность». С.С. Уваров не дал развернутого изложения сущности и содержания своей триады, очень часто ограничиваясь условными трактовками. Одним из наиболее ранних упоминаний о теории «официальной народности» исследователь А. Зорин считает письмо, адресованное С.С. Уваровым Николаю I в марте 1832 г. В нем С.С. Уваров обосновал необходимость государственной идеологии и указал, что без православия «народ обречен на гибель». Самодержавие объявлялось «необходимым условием существования империи в ее настоящем виде», а содержание народности вообще не трактовалось. С.С. Уваров только заявил, что «вопрос о народности более сложен, чем о самодержавной власти» [3, с. 97–98]. Отказываясь от развернутого и точного изложения своей триады, власть сохраняла за собой право определять, «насколько те или иные проявления общественной жизни укладываются в заданные параметры» [3, с. 72]. В результате разработкой этой теории занимались общественно-политические деятели и ученые. Они внесли значимый вклад в ее содержание и трактовку. К числу сторонников государственной идеологии в разное время относили историка Н.Г. Устрялова, журналистов Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, литературоведа О.И. Сеньковского. Вместе с тем, неоспоримым фактом является то, что главными идеологами теории «официальной народности» являлись ми-

нистр народного просвещения С.С. Уваров, историк М.П. Погодин, литературовед С.П. Шевырев.

Государственный чиновник С.С. Уваров видел в М.П. Погодине и С.П. Шевыреве представителей части общества, которая разделяет государственную идеологию, но вместе с тем напрямую не связана с властью. Их общественно-политическая деятельность давала правительству возможность не насаждать, а распространять теорию «официальной народности» в обществе [5, с. 17]. Немаловажным фактором этого сближения являлось и то, что М.П. Погодин и С.П. Шевырев являлись преподавателями Московского университета и имели возможность доносить свои политические взгляды до молодого поколения. Одной из главных задач государственной идеологии было не допустить проникновения и распространения в обществе, особенно в среде студенческой молодежи, революционных идей. Еще в 1830 г. М.П. Погодин утверждал, что значение образования велико, «без него нельзя иметь ни совершенной веры, ни любви к Отечеству, ни преданности к верховной власти, ни благоговения к законам. Только наука, доказывая удовлетворительно святость престола и необходимость верховной власти, вызывает у граждан благоговение к ее постановлениям, удерживает от преступных покушений, убеждает пользоваться умеренно и терпеть безропотно» [12, с. 8]. Особую роль в деле просвещения М.П. Погодин отводил «ученому сословию», которое считал «цветом общества» [11, с. 37]. По мнению историка, через свои лекции и авторские учебные пособия преподаватели должны были не только обучать, но и воспитывать студентов.

Еще в 1820-х гг. Погодин М.П. указывал на недостаточное количество учебников. Совместными усилиями М.П. Погодин со своими учениками, среди них были студенты Беляев И.Д., Бецкий И.Е., Горлов И.Я., Самарин Ю.Ф., Катков М.Н., переводили «классические произведения» по истории Байера Г.З., Эверса И.Г., Гизо Ф.П., Беттигера К., Герена А., Нича К.В., Шлецера А.Л. [6, т. 2, с. 232]. Таким образом, привлекая студентов к переводам «классических произведений», он пытался решить проблему нехватки учебных пособий [7, л. 8]. Однако эти меры носили паллиативный характер. В итоге М.П. Погодин пришел к мысли о необходимости издания отечественных учебников по истории. В 1835 г. вышла книга «Лекции профессора М.П. Погодина по Герену о политике, связи и торговле

главных народов древнего мира» [8]. В предисловии к ней М.П. Погодин определил причины необходимости издания учебников. Они заключались в том, что российский студент начала XIX в., «кроме лекций, не имел возможности пользоваться никакими посторонними пособиями для науки, ибо ученая русская литература очень бедна, а иностранные книги дороги, редки и часто недоступны для него, по незнанию языков» [8, с. 1]. В автобиографии Погодин высказал мысли, актуальные и ныне: «для студентов вообще необходимы руководства, по коим они могли бы повторить выслушанные лекции; записывая, лишаются выгоды слышать живое слово и принимать его впечатления прямо на душу, легко могут впасть в ошибки и пропускать важное» [7, л. 9]. Он доказывал, что каждый профессор должен издавать курсы лекций или учебники по своему предмету. Эта мера, по его мнению, облегчит процесс получения образования студентами.

В 1835 г. Погодин М.П. опубликовал «Начертание русской истории для училищ» [10]. Учебник имел свои достоинства и недостатки. К первым можно отнести то, что в нем последовательно и взаимосвязано изложены главные события истории России с IX по XIX вв. Недостатки учебника видел и указал сам автор: краткость и сухость изложения материала. Выхода в свет данного учебника с нетерпением ждало российское общество, которое оценило его критически. По признанию Белинского В.Г., выступившего с рецензией на это издание, «книга не достойна своего автора». В учебнике, который был «составлен слишком на скорую руку», он видел «большое количество недостатков и упущений». К их числу Белинский относил «отсутствие хронологии», неправильное деление истории на периоды, «язык неправильный и необработанный» [1, с. 312–313]. Однако эта неудача не остановила Погодина М.П.. После небольшого перерыва, в 1837 г. вышло «Начертание русской истории для гимназий» [9]. Издание этого учебного пособия было связано с тем, что Министерство народного просвещения в январе 1836 г. объявило конкурс написание учебника по истории. В соответствии с условиями конкурса победителю гарантировалась премиальная оплата, а учебник, признанный лучшим, Министерство народного просвещения планировало распространить во всех средних учебных заведениях. Авторы пособий в изложении материала должны были руководствоваться одним принципом: «необходимо, чтобы выражение идеи

православия, самодержавия и народности не ограничивались одними пышными фразами, а предоставлялось доказывать самими фактами» [2, с. 118]. Таким способом Министерство народного просвещения и стоявший во главе него Уваров С.С. пытались утвердить в преподавании истории принципы теории «официальной народности».

В рамках конкурса и был заявлен учебник Погодина М.П. «Начертание русской истории для гимназий». В нем принцип изложения материала и основное содержание соответствовали предшествующему изданию – «Начертание русской истории для училищ». В учебном пособии для гимназий Погодин только расширил сведения, касающиеся «сцены действий в период уделов, о казаках, о Литве, об отношениях России к Польше, об унии» [9, с. VI]. Специальный комитет при Министерстве народного просвещения, проанализировав представленную работу, сделал вывод, что «русская история профессора Погодина не соответствует правилам, изложенным в программе министерства, ... и не может быть употребляема как учебное руководство в гимназиях» [2, с. 119]. Победу в данном конкурсе одержал Устрялов Н.Г., который более убедительно обосновал основные положения теории «официальной народности». По мнению исследователя Володиной Т.А., причина неудачи Погодина заключалась в том, что «история в его интерпретации не вписывалась в рамки уваровской триады» [2, с. 119]. Однако с данным утверждением нельзя согласиться. Необходимо отметить, что Погодину М.П. была присуща особая манера представления материала, которую можно охарактеризовать одним словом – схематичность. Он не мог излагать свои исторические взгляды и идеологию уваровской триады в виде строгой, лаконичной системы. Министерство народного просвещения не устанавливало каких-либо рамок в трактовке теории «официальной народности». Уваров С.С. к объяснению своей триады подходил скорее с позиции обоснования ее необходимости для государства и общества, чем с позиции объяснения ее содержания. Его государственная идеология, по мнению Качалова И.Л., отвергала «революционность» и предлагала российскому правительству и обществу альтернативу – «путь постепенного реформирования общества на основе соблюдения национальных традиций» [4, с. 72]. Погодин М.П., как ученый, ставил несколько иные задачи. Он обосновывал теорию «официальной

народности» с позиции исторической науки, а на практике осуществлял пропаганду государственной идеологии и воспитание молодого поколения в ее духе через лекции, учебную и научную литературу.

Таким образом, Погодин М.П. как идеолог теории «официальной народности» большое внимание уделял не только трактовке и разработке данной государственной идеологии, но и ее пропаганде. Это нашло свое проявление в педагогической и научной деятельности историка, издании им учебной литературы.

Использованная литература

1. Белинский, В.Г. Начертание русской истории для училищ. Сочинение профессора Погодина / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. – С. 312–313.

2. Володина, Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории / Т.А. Володина // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 117–128.

3. Зорин, А. Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции (неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) / А. Зорин // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 71–104.

4. Качалов, И.Л. Революционность и консерватизм как идеологические альтернативы в русской общественной мысли первой половины XIX в. / И.Л. Качалов // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI: сборник материалов республиканских научных чтений, посвященных памяти профессора И.В. Оржеховского, Брест, 27 мая 2003 г. / БрГУ им. А.С. Пушкина; Брест, 2004. – С. 67–72.

5. Качалов, И.Л. Теория официальной народности: к проблеме авторства / И.Л. Качалов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1992. – № 3. – С. 15–18.

6. Петров, Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. / Ф.А. Петров. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – Т. 4.

7. Погодин, М.П. Автобиография – отрывки / М.П. Погодин // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. – Фонд М.П. Погодина 231/1. – П. 51. – Ед. хр. 1. – 29 л.

8. Погодин, М.П. Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговли главных народов древнего мира / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1835. – 321 с.
9. Погодин, М.П. Начертание русской истории для гимназий / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1837. – 408 с.
10. Погодин, М.П. Начертание русской истории для училищ / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1835. – 323 с.
11. Погодин, М.П. Об ученом сословии и историческом его назначении. Слово, произнесенное в торжественном собрании императорского Московского университета, ординарным профессором М. Погодиным. 1834 / М.П. Погодин // Сочинения: в 5 т. – М.: Синодальная типография, 1872. – Т. III: Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. – С. 25–44.
12. Погодин, М.П. Слово о назначении университетов вообще и в особенности русских, произнесенное на торжественном собрании императорского Московского Университета, адъюнктом М. Погодиным. 1830 / М.П. Погодин // Сочинения: в 5 т. – М.: Синодальная типография, 1872. – Т. III: Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. – С. 3–20.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Таркан И.И.

г. Минск, Академия управления при
Президенте Республики Беларусь)

Особенности национального самосознания белорусов исторически формировались в контексте *консенсусного* типа культуры. Социокультурный ландшафт белорусских земель не был единым и характеризовался историческим взаимодействием (иногда конфликтным) католицизма и православия, доминированием то западного (ВКЛ, Речь Посполитая), то восточного (Российская империя) опыта социального и культурного бытия. В отдельные периоды своей истории белорусские земли ощущали определяющее воздействие то западноевропейской, то восточноевропейской культур. Белорусские земли и в прямом, и в переносном смысле всегда находились на перекрестке международных дорог, влияний, интересов, культур. С одной стороны, это создавало благоприятные условия

для развития торговли, ремесел, образования, делало земли открытыми для контактов, с другой - несло постоянную угрозу нападения извне.

В условиях современной глобализации актуализируется проблема возрождения и формирования национального самосознания белорусов, решение которой возможно в контексте двух важнейших мировоззренческих парадигм.

1. *Идеология белорусского государства.* Невзирая на разное отношение к самому феномену идеологии на постсоветском пространстве, для Беларуси идеология белорусского государства является важнейшим инструментом консолидации нации в решении стратегических задач цивилизационного будущего. В рамках идеологии белорусского государства должны быть преодолены исторические разрывы единого исторического социокультурного бытия народа, возрождены его духовно-нравственные ценности и сформулированы ответы на вызовы глобализации.

История Беларуси – это история разрыва социальных миров: социальной элиты (представленной шляхтой или русским дворянством) с народной массой (по преимуществу сельским населением, обустроившим свою антропологическую нишу в виде семьи, локального места жительства и не претендующим на глобальную социальную активность). Существование элиты и народа в разные исторические периоды часто оборачивалось взаимным непониманием, конфликтами, что затрудняло налаживание устойчивых социальных коммуникаций.

В геополитическом аспекте территория Беларуси почти постоянно оказывалась театром военных действий, становясь буферной зоной или «разменной монетой» в споре более сильных соперников, как, например, Московского государства и Польского королевства. Особенно разорительными и тяжелыми были для Беларуси войны XIX и XX вв., которые определили антивоенную направленность политической культуры белорусов с сакрализацией военной тематики. Постоянная готовность оказаться в ситуации войны, прихода завоевателей или просто представителей новой власти создали архетип психологической напряженности и экзистенциального выбора в условиях выживания.

Необходимость выживания в условиях повышенной опасности привела к некоторой изолированности частной жизни белорусов,

умению существовать автономно, самостоятельно. Исследователи, изучающие менталитет и характер белорусов, отмечают, что формированию своеобразного изоляционизма белорусов способствовали специфические географические условия значительной части Беларуси, расположенной в болотистой, лесистой или песчаной местности. Редкие поселения, разбросанные как бы на островах, могли длительное время не вступать ни в какие контакты. На этом фоне возникла своеобразная культура самостоятельного локального существования, опоры на собственный опыт и местные традиции.

Развиваясь в условиях цивилизационного противостояния Запада и Востока, белорусский этнос попадал в сложнейшие экзистенциальные ситуации: у него могло быть уничтожено всё или почти всё: язык, государственность, церковь, которой они были привержены в данный момент истории, этническая самоидентификация. Иногда, как, например, во время нацистской оккупации, речь шла о возможности физического уничтожения или прямого порабощения белорусов. Экзистенциальными мотивами пронизано творчество многих белорусских писателей, в особенности В. Быкова. Не случайно фильм режиссёра Сергея Лозницы "В тумане", снятый по одноименной повести Василия Быкова, завоевал главный приз XXII Международного славянского кинофорума "Золотой Витязь", проходившего в Хабаровске.

2. *Идея интеграционных объединений.* Белорусы на протяжении всей истории вынуждены были жить в конкретных государственных образованиях (Киевская Русь, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, СССР). Именно в белорусской ментальности исторически сложилось тяготение к интеграции как стремление сохранить свою самобытность и уникальность в рамках интеграционного целого. И не случайно Беларусь всегда поддерживала и поддерживает интеграционные усилия на постсоветском пространстве.

Тема интеграционных моделей развития в условиях мировой глобализации является весьма актуальной для национальной управленческой элиты. В этом контексте политика Александра Лукашенко с его курсом на интеграцию абсолютно логична в политической культуре и традициях белорусов. «Ставка на интеграцию – наш сознательный выбор. Мы прекрасно понимаем: в современном мире выжить может либо тот, кто имеет огромный внутренний рынок,

измеряемый как минимум сотнями миллионов человек, либо тот, кто формирует такой рынок за счет интеграционных образований» – отметил Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [1, с. 7]. Более того, в своем Послании А.Г. Лукашенко сформулировал новую идею «интеграции интеграций»: «Беларусь выдвигает идею «интеграции интеграций». Ее цель – создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» [1, с. 7].

Таким образом, национальное самосознание белорусов – это стремление к национальной идентичности в условиях интеграционных объединений. Цивилизационное будущее Беларуси возможно в условиях синергии исторического опыта и современных моделей интеграционных объединений.

Использованная литература

1. Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь / А.Г. Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2012. – 10 мая. – С. 3–10.

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ. В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ СЕННЕНСКОГО УЕЗДА МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Хромченко Д.Н.г. Минск, БНТУ

Библиография научной литературы о восстании 1863–1864 гг. достаточно обширна и разнообразна, как по полноте подачи материала, так и по оценкам этого события. В зависимости от временных или политических факторов оно расценивается историками то как польское шляхетское национально-освободительное движение, то как крестьянская социальная революция, соответственно, и руководители этого восстания порой приобретают черты или национальных лидеров, или вождей угнетенных народных масс. Общим же для публикаций, касающихся этой темы, является, во-первых, осмысление событий того времени в рамках всего восстания, всей территории, охваченной им, во-вторых, акцентирование внимания, прежде всего, на событиях в западной Беларуси. События, происхо-

дившие во время восстания в восточной части территории современной нашей республики, как правило, даются фрагментарно, без достаточно глубокого анализа, внимание концентрируется, чаще всего, на отдельных, наиболее ярких фактах, например, захвате повстанцами г. Горки.

В данной публикации впервые предпринята попытка проанализировать состав участников, особенности тактики противоборствующих сторон, ход событий в восточной, более русифицированной к тому времени части Беларуси и на примере отдельного региона, в частности, Сенненского уезда Могилевской губернии, о котором в исторической литературе, касающейся этой темы, практически нет упоминаний. Обращение к отдельному региону, позволит на наш взгляд, глубже проанализировать рассматриваемую проблему, вскрыть ранее неизвестные факты, сравнить и сверить особенности этого региона с общей картиной восстания.

Как правило, в исторической литературе восстание в восточной Беларуси трактуется как партизанская борьба отрядов, направленных в эти регионы со стороны. Нам бы хотелось обратить внимание на то, что подготовка к восстанию велась заблаговременно на местах. Особенное значение придавалось восстанию в Могилевской губернии. Предполагалось, что отсюда революционное влияние распространится и на внутренние российские губернии. Здесь еще задолго до восстания в деревнях и селах работали агитаторы, которые еще прямо не призывали к вооруженной борьбе, но готовили почву, акцентируя внимание населения прежде всего на несправедливость манифеста и положений об отмене крепостного права. Конкретная подготовка к боевым действиям активизировалась с весны 1863 г., уже после начала восстания. В начале апреля 1863 г. в Могилевскую губернию был направлен Л.М. Звездовский, которому было поручено руководить всеми действиями восставших в этом регионе. До этого в губернии вели работу К.А. Жебровский, А.В. Олендский, И.М. Будилович, Я.А. Жуковский, которые начали подготовку восстания в Оршанском, Сенненском и других уездах. В Сенненском уезде эта работа приобрела конкретные формы с начала апреля 1863 г. Об этом свидетельствуют материалы расследований по делу участников восстания, проводимых уже после его разгрома. Например, в апреле 1864 г. помощник Сенненского уездного исправника проводил дознание в отно-

шении управляющего именем Обчуга Хморовича, писаря Обчугской волости Дроздовского, старшины Обчугской волости Моисеева, врача из д. Слепцы Самуйло, фельдшера Кучинского. В ходе допросов и опроса свидетелей выяснилось, что подследственные, фактически, составляли подпольную группу. В нее входили также Францкевич, Андрушкевич, Сафронов, которые 2 месяца перед началом восстания жили в волостном правлении, а 23 апреля 1863 г. присоединились к отряду восставших. Крестьяне окружающих деревень свидетельствовали, что видели, как подследственные отливали пули из олова, тренировались в стрельбе возле д. Слепцы. Помогали им изготавливать боеприпасы и местные жители, в частности, крестьянин Герасим из д. Прудины. Кроме того, за неделю до начала восстания старшина Обчугской волости Евмен Моисеев передал в Слепцах врачу Самуйло «бочку ржи и бочку овса», вероятно, продовольствие для повстанцев и фураж для их лошадей [1.]

Из приведенного примера можно также сделать вывод, что активными организаторами и участниками восстания были в основном не крестьяне, а представители местной власти и сельской интеллигенции. В то же время мотивами их действий были не только пропольская ориентация, но и антикрепостнические настроения, о чем свидетельствует приведенная в следственных делах фраза старшины волости Е. Моисеева, обращенная к управляющему именем Хморовичу: «Другое правление и другие порядки будут, не бойся пана, когда вместе будем, то никто ничего не сделает». Сложно сказать о позиции владельца Обчугским именем, был ли он поляком, известно ведь, что многие помещики польской национальности поддержали восставших, или же российским помещиком. В первом случае управляющему нечего было бояться его. Вероятно, в мотивации деятельности участников восстания и сочувствующим им все же значительное влияние имели социальные факторы. Тех же самых представителей местной шляхты, администрации и другой сельской верхушки, которую в основном представляли социальные верхи Сенненского уезда, по социальному положению и благосостоянию скорее можно отнести к малоимущим крестьянам, чем к имущим слоям общества. Подтверждением тому служит «опись имущества дворянина Романа Матвеева Роговского, имение Худовцы Сенненского уезда за участие его в восстании 1863 г.:

1). два сюртука старых черных без пуговиц, в одном из них оторвана часть полы, 2) один черный сюртук новый на подкладке, 3) двое панталонов старых, один льняной серого цвета, второй серого цвета шерстяной, 4) одна безрукавка хлопчатая серого цвета, поношенная, одна шелковая старая, 5) шинель серая суконная, старая, на вате, без рукава, подшита коленкором, 6) две рубашки льняные, одна новая, одна старая, 7) двое кальсонов белых льняных и поношенных.

Опись эту составил командированный чиновник коллежский секретарь Федоров” [2]. Как видим, этот «дворянин», по существу, влачил полунищенское существование и для него, вероятно, было более важным не то, какая власть будет над ним: польская или российская, а то, чем он будет питаться и кормить свою семью завтра. Поэтому часто встречаемая оценка восстания как «шляхетского», в смысле «аристократического», «панского», равно как и подсчеты процентов участия в восстании шляхты и крестьян порой не совсем точно отражают суть событий. Часто на местах шляхта, особенно в восточной Беларуси, по своему имущественному, да и социальному положению немногим отличалась от забитой и угнетенной массы крестьян и была уже в значительной степени русифицирована. Опорой восставших, были, скорее, социальные низы, в которые можно включить и часть интеллигенции, стоящей на низу социальной лестницы. Позиция же помещиков была двойственной. Одни поддерживали восстание, прежде всего, материально из-за недовольства российской властью и из-за стремления возвратиться под власть Польши с ее несколько иными порядками государственного устройства, другие же, наоборот, заняли к восставшим настороженную или даже враждебную позицию, опасаясь за свое имущество. В Восточной Беларуси последних было больше, причем опасения их были небеспочвенны. Интересную информацию в этом плане дает в работе «Мои воспоминания» уроженец м. Холопеничи, расположенного на границе Сенненского и Борисовского уездов, известный впоследствии этнограф Адам Богданович. По его словам, отряд восставших, двигавшийся из Сенно через Холопеничи и далее на Борисов, буквально разграбил имение Холопеничи, кроме того, восставшие мобилизовали несколько крестьян с подводами, на которые было погружено продовольствие и фураж и двинулись дальше [3, с. 53–54].

Позиция крестьян по отношению к восставшим была двойственной. Как известно, в 1861 г., за два года до восстания, было отменено крепостное право. Крестьяне возлагали на эту реформу большие надежды, но условия выкупа земли и, фактически, их личной свободы, не оправдали их ожиданий. Участились случаи волнений и неповиновения с их стороны. Сенненский предводитель дворянства 2 мая 1862 г. докладывал Могилевскому губернатору о том, что крестьяне д. Худовцы помещика Гоздицкого отказались выполнять оработки, «были принимаемы полицией должные меры к восстановлению порядка, но все эти меры остались безуспешными, и крестьяне упорно отказались от исполнения своей обязанности, притом выказали дерзость и неуважение к властям, а арестованных главных виновников неповиновения силой пытались освободить... Вследствие чего и в предупреждение подобных беспорядков в других соседних имениях командировал в означенное имение 120 человек Могилевского батальона внутренней стражи, ... вместе с сим отправляется в означенное имение и штаб-офицер корпуса жандармов в Могилевской губернии для принятия нужных мер и водворению там порядка и спокойствия...

Долгом считаю присовокупить, что крестьяне д. Худовцы вышли из повиновения, как доходят до меня сведения, потому, что один прохожий раскольник убедил их, будто помещиком вырвано из Положения 6 листов, в которых и заключалось действительное определение их свободы». Как вскоре докладывал и штаб-офицер корпуса жандармов полковник Соколов в своем рапорте по поводу беспорядков в имении Худовцы, «по прибытию моем в это имение одновременно с воинской командой и земской полицией собраны мною были крестьяне, которым я объяснил непрременную их обязанность... нести повинности, указанные высочайше утвержденным Положением, ... несколько человек крестьян, зачинщиков этих беспорядков, наказал полицейскими мерами» [4].

Этот и другой примеры показывают, что организаторы восстания задолго до его начала уже вели не только организационную подготовку, но и агитационную работу среди населения, акцентируя внимание главным образом на вопросах земли и личной свободы крестьян. Эта работа продолжалась и во время восстания, причем благосклонно воспринималась на местах. Как сообщал 7 мая 1863 г. мировой посредник 2-го участка Сенненского уезда губернатору

Могилевской губернии А.П. Беклемишеву, «в местах, через которые прошли банды мятежников, крестьяне...перестали исполнять возложенную на них за землю повинность; лисичанский староста показал, что из банды мятежников, проходившей из Столбцов на Сторожиче и прибывшей на с. Лисичино, несколько человек вошли в церковь во время литургии 5 мая сего месяца и прочли возмутительный манифест, объявив крестьянам, что отведенную землю они им дарят вместе с полной свободой, а старшине угрожали виселицей, если он будет отдавать какие-либо приказания. Некоторые крестьяне благодарили мятежников и целовали им руки»[5, с. 468]. Следует отметить, что манифест от 20 января 1863 г. действительно был разработан Литовским провинциальным комитетом и доведен до всех отрядов повстанцев для оглашения среди населения. В нем провозглашалось, что крестьянам «на вечные времена передавались без чиншей и выкупа те земли, которыми они до того времени владели», безземельные крестьяне, в соответствии с манифестом, наделялись 5 моргами земли.

Но в то же время немалая часть крестьян оказалась под влиянием официальной пропаганды, трактовавшей восстание как польское, ничего не дающее крестьянам. Среди населения распространялись слухи «о скором приходе поляков, которые будут забирать землю и край наш под себя» Вот какую версию выдвинули крестьяне из д. Угалевщина Сенненского уезда в связи с этими слухами: «Царь освободил крестьян от крепостной зависимости. Каждому крестьянину при этом должны были дать 6 рублей деньгами и по 20 десятин земли. Панам это не понравилось, они сошлись с поляками, стали готовиться к восстанию. Поляков паны подговорили и говорили, что если они помогут панам, то могут взять всю свою землю обратно» [6, с. 151]. Кроме того, чтобы отвлечь крестьян от участия в восстании, власти пошли на некоторые уступки: 1 марта 1863 г. вышел указ, согласно которому в Виленской, Гродненской, Минской и части Витебской губерний с 1 мая 1863 г. приостанавливались временнообязанные отношения между помещиками крестьянами, последние переводились в разряд собственников, а выкупные платежи уменьшались на 20%. Этот указ дополнительным циркуляром от 2 ноября 1863 г. был распространен и на Могилевскую губернию, а выкупные платежи снижены на 23,8%. Поэтому нередки-

ми были случаи, когда крестьяне выдавали властям повстанцев и их агитаторов.

Тактика повстанцев была следующей. Восстание в Могилевской губернии должно было проходить по единому плану. Как отмечалось в рапорте Могилевской следственной комиссии губернатору А.П. Беклемишеву 16 декабря 1863 г., « у всех вообще начальников шаек, как видно по производящимся делам, был одинаковый план действий, который состоял в следующем: в возбуждении народонаселения, особенно крестьян, противу правительства чтением революционных манифестов, к склонению к поступлению в шайки, в уничтожении мостов и переправ, ограблении правительственных учреждений и в действиях, где представлялось возможным, против русских войск [5, с. 487–488].

В ночь на 23 апреля сформированные в ряде населенных пунктов вооруженные повстанческие отряды одновременно начали военные действия. Восстание охватило Сенненский, Оршанский, Горецкий и другие уезды Могилевской губернии. Предполагалось, что во время боевых действий и рейдов отрядов они будут пополняться за счет присоединившегося населения и таким образом восстание приобретет массовый характер.

В Сенненском уезде отряды формировались под руководством К.А. Жебровского, чье имя довольно часто встречается в исторической литературе о восстании, и А.В. Олендского, сведений о нем почти нет, хотя отряд Олендского оставил даже больший след на Сенненщине, чем отряд К.А. Жебровского. Отряд Жебровского формировался в Лукомле, Черее, деревнях Слепцы, Мальцы, Худо-во Сенненского уезда и должен был действовать в северной части губернии и уезда. Однако уже с самого начала планы были нарушены, на сборные пункты прибыло значительно меньше планируемого добровольцев. Когда ксендз лукомльского костела приводил отряд к присяге, в нем насчитывалось около 100 человек. Поэтому К.А. Жебровский изменил ранее намеченные планы и двинул отряд в направлении Холопенич – Борисова на соединение с отрядами, действовавшими в Минской губернии и дальнейшем возможном походе на г. Минск. По пути следования отряда к нему присоединялись крестьяне, но не в таком количестве, как ожидали руководители восстания. Одним из таких добровольцев был крестьянин из д. Дубы Сенненского уезда Пашкевич Осип Иванович. После раз-

грома восстания он вернулся домой, но был выдан крестьянами приставу 4 стана Сенненского уезда и отправлен в Москву[7]. Тем не менее, численность восставших увеличивалась, прежде всего, за счет местного населения. А. Богданович писал в работе «Мои воспоминания» о том, что в 15 верстах от его родины, м. Холопеничи, в д. Лисичино сформировался местный отряд повстанцев в количестве 150–200 человек [3, с. 55].

Отряд А.В. Олендского сформировался в районе Толочина и развернул военные действия непосредственно в Сенненском уезде. Практически в каждой деревне повстанцы проводили агитацию среди крестьян, в своих выступлениях обещая им передачу в пользование всей земли, полное освобождение от крепостной зависимости, обязательной воинской повинности. Эти призывы встречали сочувствие у населения, отряд его пополнялся, но действительно действенной помощи не получил, в стычках 26 и 27 апреля возле д. Антоново Сенненского уезда повстанцы, правда, нанесли значительные потери регулярным войскам, однако возле местечка Слаveni были разбиты. Тем не менее, память об этом отряде сохранилась в народных легендах, при этом тональность была сочувственной, количество повстанцев значительно преувеличивалось, в разных населенных пунктах назывались цифры 250, 700 и даже 1000 человек. При этом, правда, предводителя отряда народная молва называла то паном Корсаком, то паном Карским. Однако, хотя и в гипертрофированном виде, эти легенды отражали действительные события. Так, в них отмечалось, что “тысяча повстанцев под командованием пана Корсака разбила царский отряд в 250 человек, так что осталось всего 7 человек, которые как-то добрались до Могилева. Оттуда прислали уже 5000 солдат”. Далее описывается внезапное нападение солдат на лагерь повстанцев, их разгром, ранение Корсака, наконец, его гибель. Немалое впечатление на население оказал обоз из 7 подвод, на котором везли оружие повстанцев после разгрома отряда, и особенно деревянное орудие, оббитое железными обручами [6. с. 157].

Корсак Владимир Антонович, артиллерийский подпоручик, действительно был помощником Олендского, участвовал в боях, впоследствии 6 июня 1863 г. по приговору военного суда был расстрелян в г. Могилеве.

Как отмечал в 1907 г. краевед Сенненского уезда К.Т. Аникиевич, “шайки повстанцев были разбиты в фольварке Слепцы, за Щаврами (на границе Сенненского уезда с Борисовским, и также вблизи д. Подберезья, где также оказались инсургенты из Сенненского уезда” [8, с. 76]. Последнее известие касалось отряда К.А. Жебровского, к которому присоединились и остатки отряда А.В. Олендского. Повстанцы были окончательно разгромлены регулярными войсками 7 мая 1863 г. на границе Сенненского и Борисовского уезда в лесу возле д. Подберезье. Согласно рапорту командира Кременчугского полка полковника Добровского, участвовавшего в разгроме повстанцев, отряд Жебровского насчитывал в это время уже 300–400 человек, из них 60 кавалеристов. Не исключено, что полковник преувеличил численность повстанцев, чтобы, соответственно, возвеличить свои заслуги. Как следует из рапорта, отряд расположился на возвышенности на опушке леса, были сооружены временные деревянные укрепления в виде плетней. Чтобы выманить повстанцев, основные силы регулярных войск были скрыты в лесу, а к укреплениям выдвинут взвод солдат под командованием прапорщика Троцкого–Сенитовича, который подошел к лагерю вплотную с белым платком и предложил сдаться. Повстанцы, видя немногочисленность солдат, отказались сдаться, начали обстрел и бросились в атаку. В это время их отрезали от укреплений основные силы солдат, которые вырвались из леса и с криками «ура» напали на атакующих. Повстанцы после короткого боя обратились в бегство. После двухчасовой стычки бой был закончен разгромом повстанцев, которые понесли значительные потери. Были взяты пленные, в качестве трофеев обоз, лошади, оружие, в том числе одно орудие [9, с. 94]. Руководители К.А. Жебровский и А.В. Олендский были расстреляны, первый в г. Борисове, второй – в Минске. Некоторые подробности можно узнать из работы А. Богдановича «Мои воспоминания». После разгрома повстанцев около д. Подберезье, «пять обозных телег завалили трупами и в демонстративных и следственных интересах повезли хоронить в Холопеничи. На католическом кладбище были вырыты три огромные ямы. Туда же согнали народ и, разложив окровавленные и посинелые трупы, превратили кладбище в импровизированный морг, заставляя согнанных осматривать трупы и опознавать. Имена опознанных записывали для дальнейшего расследования» [3, с. 56-57]. Из этого от-

рывка можно сделать вывод, что среди повстанцев было немало жителей м. Холопеничи и, возможно, окружающих населенных пунктов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Восстание в Могилевской губернии и, в частности, в Сенненском уезде начало готовиться заблаговременно, осуществлялось по единому плану и началось одновременными действиями повстанческих отрядов. Однако не исключено, что и властям были известны планы повстанцев, поскольку также были приняты соответственные меры и отряды были разбиты в течение короткого времени, не успев развернуться. Восстание не приобрело широкого размаха и в то же время получило большее развитие, как это трактуется в исторической литературе. Считается, что в Могилевской губернии в нем приняло участие около 800 чел., однако, по нашим подсчетам, только в Сенненском уезде численность повстанцев составила не менее 500 чел.. Причина этого расхождения заключается, вероятно, в том, что историки свои расчеты строят прежде всего на документах того времени, в которых, соответственно, количество повстанцев по политическим соображениям занижено и их характеристика подается исключительно как «польских инсургентов», а действия населения – только как враждебные по отношению к ним, причем введены в научный оборот не все источники. В публикациях не учтены в полной мере все участники, в частности, о повстанцах Сенненского уезда почти нет сведений. О более широком размахе восстания, кроме цифр, приведенных в статье, косвенным подтверждением является и тот факт, что власти для подавления восстания в Могилевской губернии вынуждены были, кроме 70 рот регулярных войск и полицейских формирований, направить туда еще дополнительные силы.

На наш взгляд, не совсем верно расценивать состав участников восстания исключительно как шляхетский, ставящий целью восстановление польской власти, как это трактовалось и в литературе и документах XIX в.. Из рассмотренных материалов по Сенненскому уезду можно сделать вывод, что главным мотивом его участников был социальный фактор, а состав отличался, скорее, не национальными или сословными особенностями, а уровнем благосостояния. Восставшие стремились опереться прежде всего на основную массу населения – неимущих крестьян и при этом на пер-

вый план выдвигались проблемы земли и свободы, а не политической ориентации. Значительная часть крестьянства положительно восприняла их лозунги, отряды стали активно пополняться за счет местных жителей и если бы восстание не было подавлено на его начальной стадии, оно могло бы развернуться в широкое народное антикрепостническое движение, хотя и определенная часть населения встала на сторону властей. Подтверждением последнему является тот факт, что по итогам восстания в Могилеве 54 отличившихся в выявлении повстанцев были награждены медалями, из них 50 крестьян.

Использованная литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 51, 52.
2. Там же. – Ф. 2003. – Воп. 1. – Д. 279. – Л. 3,4.
3. Богданович, А. Мои воспоминания / А. Богданович // Нёман. – 1994. – № 5. – С. 53–57.
4. Крестьянское движение в Беларуси после отмены крепостного права (1861–1862 гг.). Документы и материалы. – Минск: Беларусь, 1959. – 532 с.
5. Восстание в Литве и Беларуси. 1863–1864 гг. Сборник документов. – М.: Наука, 1965. – 583 с.
6. Васілеўскі Д. Сялянства Віцебскай і Магілёўскай губернь у паўстанні 1863 г. – Польша, 1928. – № 6. – С. 151.
7. НИАБ. – Ф. 2001. – Оп. 2. – Д. 101. – Д. 2,3.
8. Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии / К.Т. Аникиевич. – Могилев: губернская типография, 1907. – 211 с.
9. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Крупскага раёна. – Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – 640 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ АРМИИ НАПОЛЕОНА

Цинкевич А.А. г. Минск, БГУ

Несомненно, война 1812 г. оставила глубокий след в истории Беларуси. Однако большинство отечественных и зарубежных авторов, исследующих историю военной кампании 1812 г., обращают

своё внимание на боевые действия, вопросы законодательства, дипломатические отношения того времени. Но есть сюжеты, которые остаются малоисследованными. Одним из таких сюжетов остаётся проблема взаимоотношений населения белорусских губерний с военнопленными армии Наполеона. После войны 1812 г. на территории Российской империи остались десятки тысяч военнопленных, которые заняли особое место в общественной жизни государства. Люди с иным укладом жизни, иной культурой – как им жилось в чужой стране? Этот вопрос является одним из ключевых в исследовании проблем, связанных с военнопленными.

Отношение местного населения к солдатам армии Наполеона было различным. Хуже относились жители к лицам французской национальности, так как их считали врагами, которые принесли много несчастий их стране. Лучшее отношение было к представителям иных национальностей, так как народ считал, что они не по своей воле сражались на стороне Наполеона. На территории белорусских губерний отношение местного населения к военнопленным в большинстве своём было лояльным – им оказывалась посильная помощь: обогревали, обеспечивали пищей и кровом, скрывали от властей. Подобное поведение имело свои причины. Политические идеалы и симпатии значительной части населения земель бывшей Речи Посполитой носили ярко выраженный антироссийский характер. Накануне вторжения наполеоновских войск губернатор Литовской губернии доносил Министру полиции, что из дворян его губернии большая часть не расположена к российским властям, а другие колеблются, «юношество же и люди, не имеющие никакого состояния, в надеянии чем-либо воспользоваться» [2, с. 544]. Практически так же звучало и сообщение Гродненского гражданского губернатора: «В губернии всё тихо и спокойно; но при известной гибкости умов, при первом отступлении нашем от неприятеля внутрь, все против нас восстанут со всех сторон» [2, с. 544].

Лояльное отношение к военнопленным со стороны местного населения прослеживается на протяжении всего срока пленения. Из воспоминаний графа Карла фон Веделя следует, что его и ещё двадцать офицеров взяли в плен под Витебском. Расселили их в огромные дома без окон и дверей, где было невыносимо холодно. Однако, как далее вспоминает К. Ведель, «...сердце полицейского не устояло от жалости. Он пообещал нам починить окна и прислать ци-

рульника, а также умывальный таз, мыло и гребни и объявил, что с завтрашнего дня нам дадут мясное. Он сдержал слово... мы, наконец, были выбриты, острижены, умыты и причёсаны. Нам также прислали ещё столов, ножей, вилок и ложек, стаканов, ведро хорошего пива, соли, овсяной каши и столового масла» [5, с. 4].

Кроме того, местные жители брали некоторых военнопленных к себе на квартиру. Тот же К. Ведель попал на квартирование к ротмистру Козарину. Как вспоминает граф, «Козарин, человек уже немолодой, и жена его приняли нас (вместе с ним было ещё двое военнопленных – авт.), очень дружелюбно. Нам ежедневно выдавали определённое количество мяса, хлеба, круп, соли и полрубля; мы всю эту провизию передавали своему хозяину, который взамен этого принимал нас к своему столу, где нас кормили простой, здоровой пищей, очень нам нравившейся» [5, с. 8].

Приведём ещё примеры отношения местного населения к поверженному противнику. Пржецлавский О.А. вспоминает: «С самой весны 1813 г. стали появляться на помещичьих дворах по одному, а иногда по нескольку бродячих французских солдат и офицеров *traindards*, уцелевших от разгрома большой армии. <...> Запрещено было давать пристанище французским тренарам, а велено доставлять к ближайшим воинским командам. Этого, разумеется, никто не делал, да и власть смотрела сквозь пальцы на неисполнение приказа и забирала только тех, которые попадались ей в руки» [6, с. 41].

Пржецлавский О.А. далее вспоминает: «Я знал одного капитана... он жил более года, не помню у кого, в Новогрудском уезде, но бывал и в нашем доме. Это был умный, образованный человек, давал уроки французской литературы и математики» [6, с. 41].

Сочувственное отношение к военнопленным можно встретить и в ряде других источников. Так, военнопленный Шарль Морель в своём прошении о принятии его в российское подданство сообщал Витебскому гражданскому губернатору о том, что после того, как его доставили в Витебск, то он был «призрён супругою нынешней моей из последнего её достатка». Старший учитель Витебской гимназии И. Кульматицкий принял в своём доме пленного солдата Андреа Росси [6, с. 42].

Кроме того, военнопленных использовали и в трудовом отношении, помогая им таким образом влиться в обычную жизнь. Мно-

гие военнопленные были весьма образованными людьми, поэтому местное население нередко нанимало их на работу в качестве учителей математики и французского языка, гувернёров. Необходимо также отметить, что им за выполненную работу платили деньги такие же, как и местному населению. Однако чтобы военнопленные могли определиться, какую профессию они выберут официально, их разделили на категории.

К первой категории были отнесены поляки, которых должны были отправить для укомплектования полков на Кавказ, в Грузию и на Сибирскую линию. Вторую группу составляли пленные, желавшие поступить на работу по своим гражданским профессиям, определиться на заводы и фабрики «за обыкновенную плату или содержание, какое получают работники и мастеровые тех ремёсел, к которым они употреблены быть могут» [4, л. 156]. Пленным-земледельцам, которые составляли третью группу, предлагалось поселиться между колонистами Саратовской и Екатеринославской губерний, «где, на первый случай, зарабатывали бы они себе содержание в домах поселенцев, которые принять их согласятся; а со временем, могли бы и сами получить участки земли для заселения, без всякой от казны денежной ссуды» [4, л. 157]. Четвёртая группа – прочие военнопленные, которые «по привычке ли к солдатской жизни, или по неспособности к трудам другого рода оставаться будут в числе военнопленных, могут быть употреблены для облегчения их содержания на разнообразные простые работы в Москве и других городах, при исправлении и перестройках разрушенных домов» [4, л. 158].

Нужно отметить, что на территории Беларуси самыми востребованными оказались военнопленные, которые хорошо знали грамоту и могли обучать более состоятельное местное население французскому языку и литературе, тем более, что в условиях войны на территории западных губерний оказались десятки тысяч военнопленных, готовых за кров и пищу учить французскому языку. В это время русская знать культивировала любовь к французскому языку и литературе и интересовалась пленными именно по этой причине [1, с. 53]. Таким образом, был легализован физический и интеллектуальный труд военнопленных, который уже применялся как местными властями, так и частными лицами, в первую очередь, помещиками.

Однако не стоит идеализировать отношения между пленными и местными жителями. Распространёнными происшествиями были драки пленных с населением, большинство из которых происходило в состоянии алкогольного опьянения. Чаще всего дрались солдаты с крестьянами, хотя отмечались и столкновения с участием военнопленных офицеров. Не исключением были драки пленных между собой. Так, «военнопленный итальянец Доминик Перикль причинил своему товарищу французу Мишелю Игнику три раны, который на допросе показал, что был обижаем от Мишеля Игника не раз, особенно когда они встречались в хмельном образе. Но раны оказались не опасны для жизни, а Доминик Перикль взят под стражу для суда» [3, л. 76].

Во время нахождения в плену многие французские офицеры влюблялись в белорусских девушек, что, конечно, не могло не повлиять на их дальнейшую судьбу. Они принимали подданство Российской империи и оставались жить на её территории либо увозили жён с собой во Францию. Таков был случай с офицером Жоржем Корье, который был взят в плен в Могилёве, а при прохождении через Минскую губернию в местечке Радошковичи познакомился и влюбился в местную жительницу Екатерину Прокопович и в итоге увёз её во Францию [7, с. 163].

Жители белорусских губерний были толерантны и в религиозном отношении, поэтому оставшиеся военнопленные могли спокойно посещать костёлы.

Лояльное отношение белорусского населения к военнопленным заставляло нервничать губернские власти. А жёсткая реакция Александра I по отношению к местному населению не заставила себя долго ждать. Например, в июле 1813 г. М. Барклай де Толли указал губернатору Минской губернии, чтобы были наказаны все люди, которые укрывают военнопленных, а также оружие. Судить их было приказано военным, а не гражданским судом, потому что «последний, производясь медленно, не может иметь того на умы действия, которое произведёт суд военный, когда оный со всею строгостью и скоростью совершаем будет». На основании этого приказа с августа 1813 г. по февраль 1814 г. было взято под стражу для предания военному суду 29 человек, из них 19 осуждено за помощь и укрывательство военнопленных. По этому поводу Бенкендорф А.Х. заметил: «Дворяне этих губерний Белоруссии, которые всегда были

поддонками польского дворянства, дорого заплатили за желание освободиться от русского владычества» [6, с. 43].

Таким образом, население белорусских губерний проявило довольно лояльное отношение к военнопленным армии Наполеона. Это происходило как в силу политических причин, так и вследствие характера и менталитета белорусского народа. Политические причины были обусловлены недовольством жителей белорусских губерний, которые не дождались отмены крепостного права, а также всё возрастающими налогами. А население белорусских земель относилось к военнопленным по принципу: «вы не повинны в ужасах этой несправедливой войны. На него (авт. – Наполеона) мы желаем обратить свой гнев, а не на несчастных пленных» [5, с. 8]. Белорусам на протяжении всей истории было присуще чувство сострадания, толерантности и веротерпимости по отношению к другим народам.

Использованная литература

1. Бокур, Ф. Пленные Великой армии Наполеона в России в 1812-1814 гг. / Ф. Бокур // 185 лет Отечественной войне 1812 года: Сборник статей. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. – С. 47 – 60.
2. Дубровин, Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н.Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург: Издательство ДНК, 2007. – 646 с.
3. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 5123. Витебская городская управа. Дело о пленных, пойманных из бегов и отданных под суд. – 109 л.
4. НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 101. Указы правительствующего Сената и циркуляры Департамента Полиции. – в 2 ч. – Ч. 1. – 511 л.
5. О пребывании в плену в Витебске в 1812 и 1813 годах иностранцев-офицеров Наполеоновской армии (извлечено из записок графа Карла фон Веделя) / Пер. К.А. Хрептовича-Бутенёва. – Б. м., Б. г. – 25 с.
6. Самович, А.Л. Военнопленные наполеоновских войн в западных губерниях России / А.Л. Самович. – Минск: Минсктиппроект, 2008. – 85 с.
6. Черепица, В.Н. Не потерять связующую нить. История Гроденщины XIX–XX столетий в событиях и лицах / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – с. 152–163.

РОЛЬ ВОССТАНИЯ 1863-1864 ГГ. В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В БЕЛАРУСИ

Шабуневич С.Н.

г. Минск, Академия управления при
Президенте Республики Беларусь)

В конце XVIII в. белорусские земли вступили в новый этап своего развития. В результате трех разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. территория белорусских земель была включена в состав Российской империи, что во многом предопределило условия формирования политических партий в Беларуси. В целом, отношение российской власти к присоединенным белорусским землям характеризовалось как процесс восстановления некогда единой общерусской территории. М.В. Довнар-Запольский говорил об этом так: «Подобно польским шовинистам, не желавшим отличать культурной и национальной самостоятельности Белоруссии, «русские люди» в нашем крае также не хотели признавать белорусской национальности и старались везде, в самой России, в Западной Европе и в самой Белоруссии проводить взгляд и доказывать, что эта страна искони русская и что это вообще Россия» [1, с. 419]. Такое отношение самым непосредственным образом повлияло и на процесс формирования общественно-политического движения на территории белорусских земель.

Политическое самосознание белорусов постоянно подвергалось воздействию со стороны революционного движения, первоначально польского, затем российского. Как отмечал А. Цвикевич, «развитие общественно-культурной жизни на Беларуси все время находится в непосредственной зависимости от борьбы польского и российского капитала за белорусский рынок» [2, с. 5]. Российское самодержавие не признавало в Беларуси никаких национальных форм общественного развития, проявление любой тенденции национально-культурного восстановления. Однако, несмотря на сложную социально-политическую обстановку, в XIX в. белорусский народ начал осознавать необходимость собственного пути своего развития. Тем не менее, длительный период в формировании революционного движения белорусов отсутствовала национальная основа.

Значительное влияние на формирование политических партий в Беларуси в период вхождения в состав Российского государства оказал процесс перехода от феодального к буржуазному обществу. В частности, буржуазно-демократические реформы, проведенные на

территории белорусских земель в середине XIX в., вызвали значительные изменения в общественно-политической жизни белорусского народа, что, в свою очередь, стало основой для усложнения его социальной структуры, возникновения новых классов и, как результат, образования новых политических структур – общественных движений и политических партий.

Важнейшим этапом в формировании общественно-политического сознания белорусов в общенациональном масштабе стало восстание 1863–1864 гг. Накануне восстания в Беларуси оформились два основных общественно-политических движения – партия крупных землевладельцев и буржуазии, отстаивавшая цель восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г., что предполагало включение в ее состав Литвы, Беларуси и Правобережной Украины, и партия, в которую входила мелкая и безземельная шляхта, интеллигенция, городские низы, студенчество и частично крестьянство, отстаивавшая, в свою очередь, борьбу за независимость, которую ее члены в первую очередь связывали с решением аграрного вопроса. Последнюю партию, как известно, возглавил Константин Калиновский, выходец из семьи обедневшего шляхтича Гродненской губернии, в свое время окончивший Петербургский университет. Во время учебы К. Калиновский являлся активным членом тайного кружка выдающегося польского революционера С. Сераковского, что значительно повлияло на формирование его революционного сознания.

Сторонники К. Калиновского признавали право на национальное самоопределение не только белорусов, но также литовцев и украинцев. Достоинством их деятельности стало то, что в период восстания была поставлена общая цель – образование общенациональной белорусской революционной организации. Эта идея была четко сформулирована на страницах созданной руководителем восстания газеты «Мужицкая правда», где содержался призыв к образованию партии под названием «Белорусское общество» (Громада), которая должна была развернуть революционную борьбу на территории Западного края за социальное и национальное освобождение белорусского народа, что, в целом, соответствовало целям буржуазно-демократической революции, поскольку восстание было направлено против самодержавия, остатков крепостного права, национального гнета и сословного неравенства. Отметим, что эту же идею активно впоследствии поддерживали и пропагандировали белорусские

народники на страницах журнала «Гомон», который выходил позже в Петербурге. Идеи, которые отстаивали сторонники К. Калиновского, вынудили царское правительство пойти на более выгодные условия проведения крестьянской реформы в Беларуси и Литве. По сути, руководитель восстания Константин Калиновский на страницах своей газеты пропагандировал идею народной крестьянской революции и сформулировал идею демократичного народного государства как государства, созданного для народа. Несмотря на то, что восстание было подавлено, именно оно стало основой существенных сдвигов в самосознании всех слоев белорусского населения, а впоследствии оказало значительное влияние на специфику белорусского общественно-политического движения, активизацию революционного движения в России и Западной Европе.

Использованная литература

1. Довнар-Запольский, М.В. История Беларуси / М.В. Довнар-Запольский. – Мн.: Беларусь, 2003. – 680 с.
2. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX в. і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Шибалко В.В.г. Минск, БНТУ

В конце XVIII в. произошли события, положившие начало новому этапу истории белорусского народа. В результате трех разделов Речи Посполитой этнические земли Беларуси были инкорпорированы в состав Российской империи.

В начале XIX в. присоединенные земли после многократных административно-территориальных размежеваний были поделены на Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Могилевскую, Минскую губернии, объединенные впоследствии в один регион под названием «Северо-Западный край Российской империи». На данной территории проживало около 3-х млн. чел. За первую половину XIX в. количественно население увеличилось незначительно – всего на 28,2%. При этом демографические процессы носили волнообразный характер. Так, количество населения Беларуси возросло к 1811 г. на

345 тыс. чел. Русско-французская война 1812 г. вызвала затяжной демографический кризис, повлекший снижение числа жителей вплоть до 1833 г. на 155 тыс. чел. После относительной стабилизации экономики в 1830–1840 гг. прослеживается и рост населения. С 1833 г. по 1851 г. оно увеличилось на 653 тыс. чел. 1850-е гг. характеризуются новой волной сокращения на 81 тыс. чел. [2, с. 58]. Увеличение числа жителей края произошло в основном за счет натурального прироста. Миграция с других регионов империи перекрывалась большим количеством выбывших.

Социальная структура населения носила феодально-сословный характер. Российское феодальное общество делилось на четыре сословия: дворяне, духовенство, городские и сельские обыватели. Внутри каждого сословия были особые группы, которые отличались правовым и имущественным статусом. Абсолютное большинство населения составляли сельские жители. Среди них 93,5% составляло крестьянство, из которых 87% принадлежали помещикам, 7,5% – казне, 3,5% – духовенству и 2% относилось к свободным [3, с. 276]. По экономическому положению свыше 50% относились к батракам и деревенской бедноте, 30% – к среднему крестьянству, около 20% – к помещикам, аграрной буржуазии [4, с. 24].

Неоднородным было по структуре и сословию городских обывателей. Количество мещан в конце XVIII в. составляло около 80% всех горожан. По роду занятий горожане делились на ремесленников, мануфактурно-фабричных рабочих, промышленников, купцов, чиновничество.

Привилегированным сословием было дворянство. В последние годы Речи Посполитой доля шляхты составляла около 10 – 12% всего населения. Так называемый, «разбор шляхты» и перевод подтвердивших документально свое шляхетское происхождение в дворянское сословие привели к численному увеличению дворян с 137,5 тыс. в 1796 г. до 196,7 тыс. в 1816 г. В последующие годы произошла дифференциация дворянства по экономическому и имущественному признакам, в результате их доля упала до 2,7% от числа всего населения [5, с. 32].

Другим привилегированным сословием было духовенство. В конце XVIII в. оно составляло примерно 1,0% населения. Большинство в его структуре составляло униатское духовенство (70%), другое по количеству место занимало католическое (около 15%), пра-

вославное – 6%, иудеи – 7%, протестанты и др. – 2% [6, с. 20]. После отмены унии в структуре духовенства стало преобладать православное духовенство. В 1858 г. оно составляло 83,3%, католическое – 11%, иудеи – 5%, протестанты и др. – 0,3% [2, с. 63].

Наряду с изменениями в составе духовенства происходили и изменения в этноконфессиональном определении населения. Если в начале XIX в. на землях бывшего ВКЛ проживало около 39% униатов, 38% католиков, 10% иудеев, 6,5% православных, 4% староверов, остальные 2,5% приходилось на протестантов, мусульман и др. конфессий [2, с. 67], то в конце 1850-х гг. 58,1% населения пяти западных губерний признавали православную веру, 29,9% – католическую, 9,8% – иудейскую, 0,4% – протестантскую. Каждая из перечисленных конфессий включала представителей разных этнических групп: белорусов, поляков, украинцев, латышей, русских, литовцев и др. Например, 2790 тыс. чел., а это 69,7% от всего населения края, зафиксировано белорусов, из них 2345,9 тыс. чел. исповедывали православную веру и 444,1 тыс. чел. – католическую [7, с. 146].

Национальная идентификация зачастую определялась конфессиональным аспектом, иногда местом рождения или проживания человека. Так, в отношении Речи Посполитой употреблялось название «Польша», а жителей ее территории называли «поляками». Население Великого княжества Литовского считалось «литовским». «Литовцами» называли жителей «Литвы», к которой относили территорию Минщины, Виленщины и Гроденщины. В некоторых местностях названных территорий по религиозному критерию католиков и униатов называли «литвинами» или же «поляками», а православных и староверов – «русскими». Само название «белорусы» было распространено на Витебщине, Могилевщине и Смоленщине. Существовали общерегиональные названия. Жители Полесья именовали себя «полешуками» или «полесянами», существовали местные названия типа «пинчуки», «зарачане», «мозыряне» и т. д. В Слуцком повете население нескольких деревень называли себя «чернорусами». Крестьяне к национальному самоопределению большей частью относились безразлично, часто называя себя «тутэйшыми» или «мужиками», скептически относясь к попыткам определения их как русскими или белорусами [2, с. 73, 74].

Демографические и социально-сословные процессы протекали на фоне экономического развития региона. Экономика Беларуси была втянута в общероссийскую хозяйственную систему, содействующую развитию сельского хозяйства, мануфактурного, фабрично-заводского производств, росту городов, усилению торговли, формированию товарно-денежных отношений и в конечном счете складыванию внутреннего национального рынка, ломке феодальных и зарождению капиталистических отношений, что стало главной объективной причиной консолидации белорусского этноса в нацию буржуазного типа.

Значительные изменения в характеристике народонаселения белорусского региона произошли во второй половине XIX – начале XX вв. Отмена крепостного права и другие реформы 1861 – 1870-х гг. создали благоприятные условия для развития капитализма в России, в том числе, и в Беларуси, что в свою очередь привело к формированию новой буржуазной сословно-социальной структуры белорусского этноса. По переписи населения 1897 г. зафиксировано 23,6% национальной буржуазии (1,4% – крупная буржуазия – рантье, купечество, аграрная буржуазия; 22,2% – кулачество, чиновники и духовенство). Остальные 76,4% – крестьянство, пролетариат и полупролетариат [8, с. 74].

Развитие капиталистических отношений привело к ускоренному росту населения: с 4 273 129 человек в 1856 г. [7, с. 204] до 6 918 656 человек. на 01.01.1897 г. Такое увеличение количества населения объясняется большей частью естественным приростом, который выражается цифрой 1,82, что составляет разницу между рождаемостью и смертностью. Так, средняя рождаемость по всему краю составила 4,66, а смертность – 2,84 [9, с. 126, 128].

По этнографическому составу население 5-ти западных губерний выглядело следующим образом: преобладал белорусский элемент – 63,4%, евреи – 14%, русские – 5,7%, поляки – 5,4%, украинцы – 4,4%, остальные (латыши, эсты, татары, цыгане и др. – 7,1%) [10, с. 221]. Всего выявлено представителей около 80 национальностей [11, с. 466].

Среди всего населения грамотных было 1 877 988 чел. (22%), из них белорусов – 14,3%, евреев – 42,2%, поляков – 41,2%, русских – 29,3%, украинцев – 17,5% [10, с. 221]. Число лиц, определивших себя говорящими на родном языке, имелось: белорусско-

язычных – 73,3%, говорящих на языке иудеев – 14%, малорусском – 4,1%, русскоязычных – 4,3%, польскоязычных – 2,4%, прочие языки (литовский, латышский, татарский, цыганский) – 1,9% [8, с. 72].

По вероисповеданию население края распределялось на православных – 76,7%, иудейского исповедания – 11%, католиков – 9,4%, раскольников – 2,2%, протестантов, лютеран, магометан и др. – 0,7%.

По полу население распределялось на две, почти равные части, с незначительным преобладанием женщин (50,7%), мужчин – 49,3% [9, с. 134].

В административном отношении описываемая здесь область, как указано выше, состояла из пяти губерний, общей площадью 210 148 кв. верст (1897 г.). В области насчитывалось 5 губернских городов, 6 заштатных, 39 уездных, станов – 141, волостей – 810, сел – 44 625. Средняя плотность населения составляла 32,9 душ на 1 кв. версту [9, с. 130, 131].

Развивающиеся капиталистические отношения усилили мобильность населения, особенно сельского. Различаются несколько видов эмиграции: сезонные на отхожие промыслы, на земляные и строительные работы в города внутри губерний, за межи Беларуси – в Приуралье, Сибирь, Дальний Восток. Количество отходников в конце XIX в. достигло примерно 300 тыс. чел. [8, с. 72].

Новая волна переселения возникла в начале XX в. особенно после революционных событий 1905 – 1907 гг. и в ходе реализации столыпинских реформ. Так, с 1907 по 1914 гг. с пяти западных губерний переселилось 335 366 чел. [10, с. 222]. Имели место и внешние миграции на Беларусь. После 1863 г. на белорусские земли было переселено из России 800 помещиков и 4600 чиновников. В начале XX в. мигранты составляли 2,1% населения Беларуси, из них русские 48%, выходцы из Прибалтики, Украины, Польши – 49% и 3% с других мест [12, с. 155, 156]. Всего же по состоянию на 1915 г. на территории Беларуси проживало 7,5 млн. чел. Первая мировая война, военная интервенция, гражданская война существенно изменили демографическую ситуацию, ухудшили экономическое положение. На конец 1917 г. осталось 6,9 млн., а на середину 1920 г. – 6,7 млн. чел. [13, с. 359].

Октябрьская (1917 г.) революция коренным образом преобразовала социально-экономические и политические отношения в

стране, которые изменили развитие основных демографических и сословно-социальных процессов, по-новому характеризующих народонаселение России, в том числе, и Беларуси.

Использованная литература

1. Республика Беларусь. «Белорусская энциклопедия». Гл. ред. Г.П. Пашков. Т. 5, Минск, 2007, – 750 с.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX стст.) / М. Біч, В. Янкоўская, С. Рудовіч і інш.; Рэдкал. М. Касцюк / гал. рэд. [і інш.]. – Мінск.; Экаперспектыва, 2005, – 519 с.
3. Гісторыя сялянства Беларусі у 3-х т., Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г./ Анішчанка Я.К., Галенчанка Г.Я., Голубеу В.Ф. [і інш.]; Пад рэд. В.І. Мясешкі і інш. – Мінск: Беларуская навука, 1997 – 431 с.
4. Н.С. Сташкевич. Исторический путь Беларуси | Н.С. Сташкевич. – Минск: БГУ, 1993, – 35 с.
5. Лютый А.М. Социально-экономическое развитие Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.в.(к проблеме генезиса капитализма), Автореферат дис, ... д-ра ист. наук. Минск, 1990 – 37 с.
6. Марцуль Г.С., Сташкевіч М.С. Гісторыя Беларусі. Насельніцтва, фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў, беларускае замежжа / Г.С. Марцуль, М.С. Сташкевіч. – Мінск, 1997, – 476 с.
7. Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб, 1858, – 300 с.
8. Карнейчык Е.І. «Беларуская нацыя» Выд. «Навука і тэхніка» / Е.І. Карнейчык. – Мінск, 1969, – 309 с.
9. Россия. Полное географическое описание. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. // Под ред. В.П. Семенова // Т. 9. – СПб, 1905. – 620 с.
10. Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. Т. 4. / В.К. Бандарчык, В.М. Бялявіна, Г.І. Каспяровіч і інш.; Рэдкал.: В.К. Бандарчык і інш.; Ін-т мастацтвазнаўства этнаграфіі і фальклору. – Мінск; Беларуская навука, 2001, - 433 с.

11. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 5. М – ПУД. Энцыкл.; Рэдкал: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. Мінск, Беларускае энцыклапедыя, 1999 – 592 с.

12. Этнаграфія беларусаў : гісторыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. /В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985, – 215 с.

13. Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. / Рэдкал. І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларускае энцыклапедыя, 1989 – 575 с.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БЕЛАРУСИ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).

Щавлинский Н. Б.г. Минск, БНТУ

В результате трёх разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) белорусские земли более чем с трёхмиллионным населением были присоединены к России и вошли в состав Витебской, Могилёвской, Минской, Виленской и Гродненской губерний. Царское правительство на присоединённых белорусских губерниях стало проводить централистскую политику с целью их слияния с основными русскими регионами.

На территории Беларуси были распространены общероссийские административные органы и учреждения, начали действовать наместнические, а затем губернские управления, царские судебные органы. Одновременно упразднялось магдебургское право, а на города, имевшие его, распространялось положение «Жалованной грамоты городам» 1785 г. Для еврейского населения, проживавшего в городах, указом 1794 г. определялась граница еврейской оседлости [1, с. 192]. В соответствии с ней евреи могли селиться только на белорусских, литовских и частично украинских землях, при этом им запрещалось приобретать имения, заниматься земледелием.

Однако первоначально власти учитывали специфику социально-экономической и общественной жизни населения белорусских земель и не проводили открытой русификации. Правительство учитывало и то обстоятельство, что для проведения жёсткой и систематической русификации необходимы были образованные российские чиновники, православные священники, соответствующие научные учреждения, которыми в то время Россия не располагала в

достаточной мере. Поэтому политика царского правительства по отношению к западным губерниям на первоначальном этапе была очень осторожной и уступчивой. Практически шляхта сохраняла за собой все права и привилегии, даже запрещенный римским папой орден иезуитов нашёл на территории восточной части Беларуси до 1820 г. пристанище. Более того, основным законодательным актом для населения Беларуси оставался Статут Великого княжества Литовского 1588 г.

Новые социально-экономические условия, сложившиеся в Беларуси в результате ее присоединения к России, существенно повлияли на развитие белорусской культуры, в том числе и на развитие просвещения и образования. В 1802 г. царское правительство на территории западных губерний начало проводить школьную реформу, в результате чего происходило становление и развитие светской общеобразовательной школы. Это диктовалось потребностями обеспечения грамотными людьми развивавшихся промышленности, торговли, административно-управленческого аппарата, воспитания у населения верноподданнических чувств, ослабления польского политического влияния и позиций католической церкви и соответственно усиления российского влияния, укрепления православной веры. Сложная система образования в Беларуси постепенно стала единой и последовательной. Все учебные заведения вошли в состав созданного в 1803 г. Виленского учебного округа и стали подчиняться Виленскому университету. Затем школы и гимназии Витебской и Могилёвской губерний составили Белорусский учебный округ.

В соответствии с реформой создавались несколько типов учебных заведений. На самой низшей ступеньке стояли одноклассные приходские училища, предназначенные для низших сословий. Представители социальных низов в лучшем случае могли получить начальное образование. Постепенно количество учащихся из податных сословий росло и к 1847 г. они составили 40 % всех обучаемых [2, с. 291].

В то же время для «свободных сословий» в уездных городах создавались 4-классные училища, а в губернских – открывались гимназии. Вначале гимназии были реального направления, а срок обучения составлял 4 года. В них изучали: физику, математику, начальные основы технологии и коммерческих наук, философию,

историю, географию, статистику (до 1844 г.), польский, русский, латинский, французский, немецкий языки и др. В соответствии со школьным Статутом 1828 г. срок обучения был продлен до 7 лет.

Кроме вышеуказанных заведений, в Беларуси действовала в первые десятилетия XIX в. сеть училищ при католических и базилианских монастырях. Они давали среднее образование и приравнивались к уездным училищам или гимназиям.

В целом в первой четверти XIX в. система просвещения в Беларуси, особенно в ее западной части, была значительно полонизированной. Польский язык был основным языком преподавания, дети изучали польскую историю и литературу. Такое положение обуславливалось общим направлением политики самодержавия – царизм искал союзника среди местной полонизированной шляхты и шел на сознательное потакание полонизации. Польские патриоты во главе с попечителем Виленского учебного округа и куратором университета А. Чарторийским сделали просвещение надежным средством распространения идеалов польского национального движения.

Ситуация стала меняться после раскрытия в учебных заведениях тайных обществ. В результате вводилось преподавание русского языка как обязательного предмета, польская история заменялась историей России. В то же время новый куратор университета Н. Новосильцев начал русификацию университета, усилил надзор за преподавателями и студентами.

После подавления восстания 1830 – 1831 гг. в системе просвещения произошли заметные изменения. 1 мая 1832 г. Николай I. подписал указ о закрытии Виленского университета в связи с участием его студентов в восстании. Выпускникам университета запрещалось преподавать в местных школах. В Медико-хирургической академии (работала до 1840 г.) и в Римско-католической академии (работала до 1842 г.), а также во всех типах учебных заведений преподавание переводилось на русский язык. На востоке Беларуси польский язык был полностью исключен из программы преподавания, на западе изучался как отдельный предмет по сокращенной программе. В то же время в 1840 г. в Горы-Горках была открыта земледельческая школа, которая в 1848 г. была преобразована в земледельческий институт, а также открыты кадетские корпуса в Полоцке и Бресте [3, с. 137].

Всего в начале 1860-х гг. в Беларуси насчитывалось 576 учебных заведений всех типов. В их числе было 12 средних и 45 неполных средних школ, 45 частных и государственных женских училищ, 21 духовное училище и 453 начальные школы. В них обучалось 17 тыс. чел. [1, с. 230].

Тем временем, после отмены крепостного права в 1861 г. и подавления восстания 1863–1864 гг. царское правительство провело ряд реформ, в том числе в области образования. Школьная реформа проводилась в соответствии с Положением о начальных народных училищах и Статутом гимназий и прогимназий 1864 г. В основу этих документов был положен принцип всеобщности образования. Все учебные заведения разных ведомств в подавляющем большинстве перешли в подчинение Министерства народного образования. В средних и высших учебных заведениях вводилась высокая плата за обучение, что объективно регулировало социальный состав обучающихся. Расширялась сеть начальных школ. Среднее образование давали гимназии – классические и реальные. Последние в 1872 г были преобразованы в реальные училища. В классических гимназиях упор делался на гуманитарное образование, в реальных предпочтение отдавалось предметам естественного цикла. Выпускники-отличники классических гимназий без вступительных экзаменов принимались в университеты, реальных – в технические вузы.

В целом, результаты школьной реформы в Беларуси были более скромными по сравнению с центральными губерниями России. Данное обстоятельство объясняется тем, что царское правительство после подавления восстания усилило реакцию и национальное угнетение. В результате в 1864 г. были закрыты Горы-Горетский земледельческий институт, Новогрудская гимназия, Свислочская и Молодеченская прогимназии. Более того, под флагом борьбы с полонизацией царское правительство запретило преподавание в школах не только на польском, но и на белорусском языках, тем самым усилило русификацию в учебных заведениях Беларуси. Значительная роль в этом принадлежала виленскому генерал-губернатору М. Муравьеву и его сподвижнику – попечителю Виленского учебного округа И. Корнилову. Именно И. Корнилов после восстания выработал широкую программу русификации народного образования: “Нет надобности нам

вооружаться против полонизма войсками, пушками, полицией, тайной и явной... Русское образование мощнее за русский штык. За каких-нибудь четыре года русские школы сделали больше для образования народа и ослабления полонизма, чем войска за десятки лет” [4, с. 38]. В результате этих и других обстоятельств общий уровень народного образования в Беларуси оставался низким. В первую очередь не хватало начальных школ, средние действовали только в наиболее крупных городах.

Реакция в области образования еще более усилилась после 1884 г., когда вышло положение о церковно-приходских школах, в соответствии с которым были закрыты многие народные училища, а на их основе были созданы церковно-приходские школы и школы грамоты, подчиненные православному духовенству. В период с 1881 по 1899 г. количество народных училищ в Беларуси сократилось с 1998 до 999 [5, с. 210]. Из-за высокой платы за обучение практически была недоступной для рабочих и крестьян средняя школа. Некоторые начальные и средние учебные учреждения содержались на средства родителей. Царское правительство выделяло на народное образование мизерные средства. На одного жителя России на образование в год выделялось всего 80 копеек [5, с. 211]. В результате в Беларуси с каждым годом уменьшалось количество грамотных и образованных людей. Например, в 1897 г. количество образованных в отношении ко всему населению (кроме детей до 10 лет) составляло в белорусских уездах Виленской губернии – 33,9%, Витебской – 27,1%, Гродненской – 31,5%, Минской – 22,7%, Могилевской – 21,8%, в Беларуси в целом – 25,7% [5, с. 211].

Царское правительство понимало, что система образования в стране отставала в то время от потребностей жизни, и стало содействовать ее развитию. Вместо церковно-приходских школ, которые находились в упадке, открывались народные училища. Городские училища преобразовывались в высшие начальные школы. Быстрыми темпами расширялась сеть государственных и частных средних школ – гимназий и реальных училищ. У 1914 г. в Беларуси уже насчитывалось 88 средних учебных учреждений, в том числе 33 государственные школы разных ведомств и 55 частных полных и неполных школ. Общее количество школ всех типов в 1914 г. составило 7682, в них обучалось 488,6 тыс. учеников [1, с. 299]. Получило развитие и профессиональное образование. В

начале января 1910 г. в Беларуси насчитывалось 66 железнодорожных, сельскохозяйственных, ремесленных и других школ и училищ [3, с. 182]. Для взрослого населения открывались воскресные школы, вечерние смены и курсы. Для подготовки педагогов в 1909–1916 гг. были открыты 7 учительских семинарий, три учительских института – в Витебске, Минске, и Могилеве. Эти институты не имели права высшего учебного учреждения.

Необходимо обратить внимание и на то, что разные педагогические товарищества, деятели белорусской культуры, среди которых В. Ивановский, К. Каганец, Я. Купала, М. Богданович, Тётка (Алаиза Пашкевич), Я. Колас, В. Ластовский и другие выступали в то время за создание белорусской национальной школы. За обучение на родном языке высказался в 1907 г. съезд учителей в Вильно и совещание директоров и инспекторов народных училищ Виленского учебного округа [6, л. 91].

Таким образом, важнейшим культурным достижением в Беларуси после ее вхождения в состав России явилось становление и развитие светской общеобразовательной школы. После восстания 1830–1831 гг. царские власти в сфере образования в Беларуси стали применять политику русификации. Еще более последовательной эта политика стала после восстания 1863–1864 гг. И только в начале XX в. царское правительство предприняло некоторые меры по улучшению ситуации в системе образования Беларуси. Часть белорусских деятелей выступила за национализацию белорусской школы.

Использованная литература

1. Чигринов П. Г. Очерки истории Беларуси / П.Г. Чигринов. – Минск: «Вышэйшая школа», 2000. – 461 с.
2. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.]. – Мінск: “Беларусь”, 1994. – Т. 1. – 527 с.
3. История Беларуси / А.Л. Абцэдарская, П.И. Бригадин, Л.А. Жилунович и др.; Под ред. А.Г. Кахановского [и др.]. – Минск: «Экаперспектива», 1997. – 319 с.
4. Александровіч С.Х. Пуцявіны роднага слова / С.Х. Александровіч – Мінск: Выд-ва БДУ, 1971. – 248 с.

5. Парашкоў С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў. – Мінск: “Беларуская навука”, 2003. – 444 с.
6. БГАМЛІ.– Фонд. 3. – Оп. 1. Д. 106. – Л. 91.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В 1860 – 1910-Х ГГ.

Яскевич В.Г.г. Минск, БНТУ

Промышленность Беларуси в 1860–1880-е гг. развивалась медленно. Большинство предприятий оставалось на уровне мелкотоварного производства и мануфактуры. В городах и местечках было сосредоточено большое количество мелких мастерских. В начале 60-х гг. XIX в. в Беларуси было около 10 тыс. мастерских, в которых работало 35 тыс. человек. В конце века насчитывалось 84 тыс. мастерских с общим количеством занятых 144 тыс. человек. Количество промышленных мастерских мануфактурного типа с начала 1860-х по 1890-е гг. возросло со 127 до 233.

В 1880 – 1890-е гг. ускорилось развитие фабрично-заводской промышленности. Первая паровая машина в Беларуси появилась в 1875 г. на суконном предприятии в местечке Косово Слонимского уезда [2, с. 75]. Количество фабрик и заводов увеличилось с 1860 г. в 15 раз и составило в конце XIX в. 1137. В 1900 г. удельный вес фабричной продукции составил 46,8%, мануфактур – до 15%, мелкой промышленности – 37,8%. Наиболее крупные фабрики находились в городах. Однако 2/3 фабрик и заводов и почти половина занятых на них рабочих были расположены в сельской местности.

Развитие крупной машинной индустрии способствовало дальнейшему росту общественного разделения труда, появлению новых отраслей производства (машиностроительная, химическая и др.), быстрому росту городов и промышленных центров, строительству железных дорог. В 1880–1890-е гг. начали действовать машиностроительные и другие металлообрабатывающие заводы, ориентирующиеся на привозное сырье. В целом, во всей металлообрабатывающей промышленности Беларуси количество заводов с 1860 г. по 1900 г. возросло в 13 раз.

В текстильной промышленности большинство фабрик были суконные: в 1860 г. все 4 и в 1900 г. – 26 из всех 33 текстильных. Об-

работкой льна занималась только одна льнянопрядильная фабрика «Двина» в Витебске.

В послеформенный период быстро росли фабрики в деревообрабатывающей и особенно лесопильной промышленности. Этому способствовало строительство железных дорог, рядом с которыми появилось много лесопилен. К лесопилению примыкает фанерное производство, таких фабрик в 1900 г. было 17. С деревообработкой связано и спичечное производство. В целом, в деревообрабатывающей промышленности Беларуси в конце 19 в., по подсчетам Абезгауза З.Е., насчитывалось 90 фабрик с 3064 рабочими и производимой продукцией на 3,6 млн. рублей [1, с. 53].

Большое влияние на хозяйственную жизнь Беларуси оказало железнодорожное строительство. Первой вошла в строй в 1862 г. Петербургско-Варшавская магистраль (белорусский участок от Кузницы до Поречья составил 50 верст), в 1866 г. – Рижско-Орловская, в 1870-е гг. – Московско-Брестская и Либаво-Роменская. В 1880-е гг. начали действовать линии Вильно – Барановичи - Лунинец; Гомель - Лунинец - Пинск - Жабинка; Барановичи – Слоним – Волковыск – Белосток. Общая протяженность железных дорог в начале XX в. составила 2837 верст.

В 1890-е гг. удельный вес промышленного сектора в валовом национальном продукте постоянно возрастал и Беларусь постепенно превращалась из аграрного в индустриально-аграрный регион. Развитие промышленности содействовало росту городов. Особенно успешно развивались те из них, где были железнодорожные узлы и станции. В пореформенный период рост городского населения ускорился. Средний размер белорусского города по численности жителей за пореформенный период увеличился в 2,2 раза. Быстро развивался Минск, который превратился в важный железнодорожный узел и крупный торгово-промышленный центр.

В Минске предприятия размещались дисперсно в структуре города, преимущественно вдоль реки и железной дороги, на окраине. Это были территории, выделяемые в структуре города, они имели границы, но не были обособлены от поселения. Они имели открытую или модульную застройку, в их состав входили объекты обслуживания работающих [3]. Начинает формироваться промышленный район Нижняя Ляховка. Сохранившиеся с тех пор предприятия располагаются в центральной части города.

Крупнейшими предприятиями того времени в Минске являются электростанция (1895 г.), водонапорная башня (1872 г., не сохранилась) в Александровском сквере, парк (депо) Минской конки, вокзал Либаво-Роменской железной дороги (Виленский, 1890 г.), вокзал Московско-Брестской железной дороги (Брестский), городская бойня (1890 г.), мастерские Московско-Брестской железной дороги (1871 г.), завод «Технолог»; в районе Ляховки – Кошарский чугунолитейный завод (1873 г., ныне станкостроительный завод им. Кирова) и механический завод Якобсона (1881 г.), пивоваренный завод, мельницы, кожевенные мастерские, казенный винный склад (ныне завод «Кристалл»), дрожжево-винокуренный завод; в районе Раковского предместья – обойные фабрики Канторовича (ныне обувная фабрика «Луч») и Эпштейна (ныне хлебозавод №1), пивоваренный завод Леккерта (ныне завод «Оливария»); крахмалопаточный завод «Сокол», пивоваренный завод «Богемия» [4].

Второе место по численности населения занимал Витебск, расположенный на Западной Двине, что содействовало развитию торговли. Медленно развивался лишенный до 1902 г. железных дорог Могилев.

Начало XX в. в промышленности Беларуси – период кризиса и депрессии. В 1908 г. началось оживление экономики, с 1909 г. – подъем. За 1900–1913 гг. количество фабрично-заводских предприятий в Беларуси увеличилось с 799 до 1282, занятых на них рабочих – с 31,1 тыс. до 54,9 тыс.

Темпы развития промышленности Белоруссии были выше, чем в стране в целом. За пятилетие (1908–1913 гг.) крупная фабрично-заводская промышленность Беларуси увеличила выпуск валовой продукции на 67,5%.

Несмотря на быстрое развитие крупной промышленности, в Беларуси сохранился высокий уровень мелкого производства. В 1913 г. мелкокапиталистическое и кустарно-ремесленное производство давали 53,5% валовой продукции, в то время, как по всей России – 31,4%. Уровень промышленного развития Беларуси был ниже, чем в целом по стране. В 1913 г. в Беларуси на душу населения приходилось почти в два раза меньше промышленной продукции, чем в России.

Основание акционерных товариществ и компаний, строительство ими преимущественно крупных фабрик и заводов содейство-

вали росту и концентрации промышленного производства. В 1913 г. на предприятиях с количеством 500 и более человек трудилось 18,8 % рабочих. Однако этот удельный вес значительно меньше, чем в целом в империи. В России на таких предприятиях было сконцентрировано 56,5 % фабрично-заводских рабочих. Преобладание в промышленности Беларуси сравнительно небольших фабрик и заводов определялось главным образом сырьевой базой – переработкой древесины, картофеля и другого сельскохозяйственного сырья. Такие отрасли промышленности, в отличие от металлургии, угольной промышленности не требовали предприятий крупных размеров.

Накануне Первой мировой войны отраслевая структура промышленности была почти такой же, как и в конце XIX ст. Доминирующее положение занимали отрасли, которые специализировались на переработке местного сырья.

Наиболее высокие темпы развития наблюдались в деревообрабатывающей отрасли. Только в 1911 – 1913 гг. в Беларуси возникло 77 новых деревообрабатывающих предприятий. Прежде всего, развивалось фанерное, бумажное, спичечное, лесохимическое производства. Удельный вес деревообрабатывающей отрасли во всей промышленности увеличился с 11,7% в 1908 г. до 16,2% в 1913 г.

К числу сравнительно развитых структур промышленности Беларуси, которые использовали в производстве древесину, принадлежала картонно-бумажная. На бумажных фабриках была высокая концентрация производства и рабочих. В 1913 г. на таких фабриках с количеством 500 и более человек трудилось 62,7% рабочих отрасли. Наиболее крупной была Добрушская фабрика, на которой было занято 1500 человек. В Беларуси изготавливалось 10% картона, 20,4% древесной массы и 23,5% обоев России.

Накануне войны на долю Беларуси приходилось около 12% производства спичечной промышленности страны, а также 18% продукции лесохимической промышленности. Сравнительно крупные предприятия по сухой перегонке древесины имели акционерные товарищества «Шеринг» и «П. и И. Данишевские».

Значительные сдвиги произошли и в развитии стекольного производства и промышленности строительных материалов. Накануне мировой войны возникли акционерные предприятия, в частности, акционерное товарищество «Западная Двина», которому при-

надлежал стеклозавод «Новка». Были построены стеклозаводы в Минске и в Елизове Бобруйского уезда. В 1917 г. стеклопредприятия Белоруссии давали 55,7% белого листового оконного стекла и 20,1% богемского.

В годы подъема усилился приток капитала и в производство строительных материалов. В это время возникли акционерные товарищества изразцово-майоликовых заводов в Витебске, кирпичных заводов в Гомеле и др. До 1912 г. в Беларуси производилось 32,2% печных одноцветных изразцов и около половины карнизов для украшения зданий и квартир. Эти изделия находили значительный спрос на рынках России.

Экономический подъем благоприятно сказался и на работе железнодорожных мастерских, занятых ремонтом подвижного состава. Об этом свидетельствует рост объема производства и укрупнение самих мастерских. Так, объем производства с 1908 по 1913 гг. увеличился на 30%.

Проникновение иностранного капитала в текстильную промышленность вызвало появление новых предприятий. В начале XX ст. были построены льнопрядильная фабрика «Двина» в Витебске русско-бельгийским товариществом, Высочанская льнопрядильная фабрика австрийскими предпринимателями и др. Французское «Акционерное товарищество Баньфуа, Жорж и К^о» приобрело две шелкокрутильные фабрики. Это привело к обновлению основного капитала. До 1913 г. на новых предприятиях изготовлялось 78,7% продукции текстильной промышленности Беларуси. С 1908 по 1913 гг. объем производства в этой области увеличился в 1,6 раза.

В годы промышленного подъема возникли первые фабрики в кожевенно-обувном производстве: обувная фабрика «Орел», кожевенный завод Сальмана в Минске и др. Однако кожевенно-обувное производство осталось в основном на кустарно-ремесленном уровне [5].

Использованная литература

1. Абезгауз, З.Е. Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во 2-й половине 19 в. / З.Е. Абезгауз – Минск: Наука и техника, 1971.

2. Болбас М.Ф, Промышленность Белоруссии. 1860–1900 гг. Минск: изд. БГУ им. В.И. Ленина.

3. Морозова, Е.Б. Эволюция промышленной архитектуры: монография / Е.Б. Морозова. – Минск: БНТУ, 2006. – 240 с.

4. Морозова, Е.Б. Промышленные предприятия в центре города / Е.Б. Морозова // Архитектура и строительство. – 2005. – № 2. – С. 58-59.

5. Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэб. Дапаможнік / В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашкевіч і інш.; Пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. – Минск: “Экаперспектыва”, 1999.– 286 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бажанаў У.А.</i> “Наша ніва” – непахісны змагар за беларушчыну.....	3
<i>Багалеіша С.В.</i> Дзейнасць масонскіх арганізацый на беларуска-літоўскіх землях у пачатку ХХ ст.....	18
<i>Багдановіч А.Б.</i> Вытокі нацыянальнай самасвядомасці беларусаў: пытанні вывучэння і развіцця.....	24
<i>Багдановіч А.І.</i> Фарміраванне нацыянальнай ідэі ў Расіі ў час праўлення Кацярыны II.....	30
<i>Дубовік А.А.</i> Зараджэнне парасткаў партнёрскіх адносін у працоўнай сферы Беларусі на мяжы ХІХ–ХХ стст.....	35
<i>Дубовік А.А., Дубовік А.К.</i> Рабочае пытанне ў дарэвалюцыйнай Беларусі.....	41
<i>Ерашэвіч А.У.</i> З гісторыі транспартных і прамысловых акцыянерных таварыстваў Беларусі (20–50-я гг. ХІХ ст.).....	47
<i>Карпівевіч В.А.</i> Сацыяльна-эканамічная палітыка царскіх улад у Беларусі ў другой палове ХІХ ст.....	52
<i>Райчонак А.А.</i> Праблема дзяржаўнасці Беларусі ў перыяд з лютага 1917 г. па кастрычнік 1917 г.....	56
<i>Саракавік І.А.</i> Тадэвуш Касцюшка і яго адносіны да дзяржаўнага ладу і права.....	61
<i>Трафімчык А.В.</i> Рэцэпцыя гістарычнай постаці Тадэвуша Касцюшкі і паўстання 1794 г. у “Беларускай песні пра Касцюшку”.....	67
<i>Якубінская А. Дз.</i> Абрады веснавога цыклу беларусаў як спосаб сацыялізацыі дзяцей (на матэрыялах другой паловы ХІХ ст.....	72
<i>Унучак А.У.</i> Беларускі нацыянальны рух у пачатку ХХ ст. і праблема беларускай ідэнтычнасці.....	77
<i>Семенова Л.Н.</i> Беларусь в имперском пространстве России.....	82
<i>Смольянинов М.М.</i> Участие белорусов в Первой мировой войне: начальный период (июль–декабрь 1914 г.).....	100
<i>Богданович Е.Г.</i> Идея национальной государственности в программных документах	

Белорусских политических партий (март–октябрь 1917 г.).....	106
<i>Воробьев А.А.</i> Женский ударный батальон и выборы Во всероссийское учредительное собрание.....	111
<i>Восович С.М.</i> Распространение литературы гомельским отделением Могилевского богоявленского братства в 1897–1907 гг.....	115
<i>Давидович А.В.</i> Причины миграций белорусского крестьянства в 60-е гг. XIX в.....	120
<i>Злотников А.Г.</i> Демографическое развитие Беларуси на рубеже XIX–XX вв.....	125
<i>Карпович О.В.</i> Восстание 1863 г. в Новогрудском уезде.....	131
<i>Кедрик Т.В.</i> Неоготика в архитектуре Беларуси XIX–XX вв.....	137
<i>Корнеев И.А.</i> Православная архитектура Беларуси в конце XVIII – начале XX вв.....	141
<i>Кукса А.Н.</i> Особенности формирования национальной идеи белорусского и украинского народов В XIX–XX вв.....	146
<i>Лепеш О.В.</i> Организация, состав и программа деятельности высших территориальных комитетов государственного аппарата Российской империи по управлению территорией Беларуси в XIX в.....	156
<i>Млечко Е.Н.</i> Развитие художественного образования в городах Северо-Западного края в конце XIX – начале XX вв.....	163
<i>Мушинский Н.И.</i> Развитие философии национального самосознания белорусов как фактор справедливости (1772–1917 гг.).....	168
<i>Мытько В.Г.</i> Некоторые вопросы отходничества белорусов в послереформенный период (конец XIX–начало XX вв.).....	172
<i>Прохоров Д.А.</i> Караимские общины в Беларуси и на сопредельных территориях в середине XIX–начале XX вв.....	176
<i>Семенчик Н.Е.</i> Тема войны и мира в политике большевиков.....	182

<i>Старовойтов М.И.</i> Уровень грамотности и образования населения белорусско-российского пограничного региона (1897–1917 гг.).....	187
<i>Стрелец М.В.</i> Еврейский вопрос на белорусских землях (1772–1917 гг.): некоторые аспекты истории.....	193
<i>Сугако Н.А.</i> Обоснование теории «официальной народности» на страницах учебных пособий XIX в.....	198
<i>Таркан И.И.</i> Национальное самосознание белорусов: идеологический дискурс.....	203
<i>Хромченко Д.Н.</i> К вопросу о характере, особенностях восстания 1863–1864 гг. в восточной части Беларуси (на примере Сенненского уезда Могилевской губернии).....	206
<i>Цинкевич А.А.</i> Взаимоотношение населения белорусских губерний с военнопленными армии Наполеона.....	216
<i>Шабуневич С.Н.</i> Роль восстания 1863–1864 гг. в формировании политических партий в Беларуси.....	222
<i>Шибалко В.В.</i> Характеристика народонаселения Беларуси (конец XVIII–начало XX вв.).....	224
<i>Щавлинский Н.Б.</i> Политика царизма в Беларуси в сфере просвещения и образования (первая половина XIX–начало XX вв.).....	230
<i>Яскевич В.Г.</i> Промышленные предприятия в городах Беларуси в 1860–1900-х гг.....	236

Научное издание

**БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1772–1917 гг.)**

*Материалы Республиканской
научно-теоретической конференции*

Минск, 2 декабря 2013 г.

Подписано в печать 17.10.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 14,30. Уч.-изд. л. 11,18. Тираж 100. Заказ 1037.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет. ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.